

Дмитрий Китаев

ЗА МОРЕМ
СТУДЁНЫМ

Дмитрий Китаев

За Морем Студёным

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70609408

SelfPub; 2024

Аннотация

1600 год. Русские давно уж поладили с «немцами» (так прозвали они иностранцев с запада). Попав в холодный Архангельск, в это сердце иноземной торговли, молодой купец Софрон теперь в опасности! Виной преступные козни товарищей – он уплывает. Волны студёного моря гонят купцов к далёким и неприветливым берегам, на край света...

Содержание

Глава 1. На заре.	5
Глава 2. К устью Двины.	59
Глава 3. Люди в плащах и шляпах.	105
Глава 4. Ветер дует с юга.	143
Глава 5. Из сердца утёса.	184
Глава 6. В объятых тундры.	204

Дмитрий Китаев
За Морем Студёным

Глава 1. На заре.

Ночное небо было усыпано звёздами – среди звёзд сияли сиренево-зелёные полосы. По всему горизонту торчали чёрные ёлочки. Тундра дремала под снежным одеялом. Припорошенный снегом, лежал громадный череп с длинными изогнутыми бивнями.

Зашелестели копытца оленей, тянувших за собой нарты¹. В них сидело несколько человек в мешковатых одеждах из оленьей шкуры. То были самоеды. Прирождённые кочевники севера, умелые охотники. Полозья саней оставляли по себе два тонких следа на снегу. Упряжка подъехала к высокому чуму – круглой, сужающейся кверху палатке. Её верхушка, где скрещивались кончики прутьев, светилась, пуская тонкую струйку дыма.

Самоеды зашли в тёплый чум. В центре пылал очаг. Сидело много народу, со всех сторон от костра. Дети и взрослые – все с нетерпением и трепетом глядели на пожилого мужчину в оленьем капюшоне, который стоял вдали напротив входа. На нём была узорчатая одежда с цветными лоскутами и блестящими подвесками. Новоприбывшие присели возле очага.

---

¹ Нарты – сани, запряжённые оленями или собаками

Кудесник в пёстрой малице² принялся колотить в бубен. Он потихоньку пошёл вокруг огня. Пошёл быстрее. Заколо-тил сильней и громче. Обойдя семь раз, он встал – и вдруг за-трясся и задёргался, зажмурил очи. Кто-то из самоедов крик-нул ему на своём языке: «Скажи! Пришло время?!». Шаман открыл глаза и воскликнул: «Дай нож!».

Ему подали длинное лезвие с рукоятью. Кудесник взял – и воткнул его себе в живот! Дико скорчившись, он вгонял нож вглубь своего чрева – пока из спины не вылезло сверка-ющее остриё. Шаман вздрогнул, захлопнул глаза и свалился на колени, голова упала на грудь.

...

Одинокий северный городок спал. На его тёмных засне-женных улочках витала беспробудная тишина. Не лился свет из окон избышек. И всё же, светилось одно окошко – окошко корчмы.

Здесь было светло. За столами шумели местные промыш-ленники, пили мёд, со стуком бросали кости – баловались зернью³. За одним из столиков сидели двое: один в серой шу-бе из оленя, а другой молодой, лохматый и с длинной боро-дой, в лисьей шапке. Первый был лет сорока пяти – человек уже бывалый, с волосами иссиня-чёрными, с тонкой бород-кой, и с лицом плоским и вытянутым – похожий на самоеда.

– Я недавно воротился из Обдорска. Ехал долго! Всё бес-

---

² Малица – верхняя одежда из оленьих шкур мехом внутрь с капюшоном

³ Зернь – игра в кости

конечная тундра с болотами и кочками, – сказал Дружина. – Сам я с Печоры, с малых лет в море студёное хожу на промыслы, к дальним местечкам. А ты откуда?

– Из Ярославля, – хмуро бросил Софрон.

– Как тебя сюда занесло?

– Долго рассказывать, – лицо бородатого молодца было угрюмым и неласковым. – Будь проклята эта Мангазея!

– Что с тобой, ей Богу? – сочувственно спросил бывалый промышленник. Он достал с лавки мешочек и положил его на стол. Рядом валялась пара серебряных копеек с оттиснутой надписью: «*Борис Фёдорович*». Дружина развязал мешочек – показалась гора красных ягодок. – На вот, поешь! Может улучшает. Расскажешь заодно обо всём!

Софрон отхлебнул мёд из деревянной чаши, и набрал рукой горсть спелых ягод:

– Я достал сокровище, – сказал он, тяжело вздохнув, и поставил чашу перед собой.

– Десяток сороков соболиных?

– Нет, – устало ответил Софрон. – Мне от этого сокровища беда пришла. В нём проклятие дьявольское!

– Что ж это? – Дружина с изумлением нахмурился.

Вдруг, к товарищам подбежал узкоглазый мужичок в шубе и поставил руки на столик. Видно, прибыл с улицы – от него веяло холодом. Он встревоженно произнёс, с каким-то странным говором:

– Идём за мной! Идём на башню! Там, за стеною... надо

видеть!

...

Кудесник, полуживой, склонился возле костра. Все собравшиеся замерли в ожидании. Он открыл глаза. И ловко вынул лезвие из живота, отдав его одному из сидевших. Шаман был цел и невредим. Он громко воскликнул: «Хозяйка Земли сказала – время пришло!». Самоеды ахнули – все зашумели и залепетали, что-то взволнованно обсуждая.

Покров чума приподнялся. Оттуда на ночной мороз вышли несколько охотников. Поодаль топтались, пофыркивая, серые олени. Охотники впрягли их в нарты, уселись и понеслись вперёд. Впереди, на горизонте, вздымался тёмный холм. На том холме темнел, обёрнутый бревенчатой стеной, город Мангазея – оплот русских в далёком заледенелом краю на северо-востоке от Уральских гор.

...

Мужичок, Дружина и Софрон торопливо шли по безлюдной улочке, в сторону ворот.

– Это наш толмач⁴, крещёный самоед, Матвейка, – объяснял Дружина молодому товарищу. – Таких, как мы с ним, кто самоедское наречие знает, тут немного – как бы не мы одни!

Впереди показалась невысокая деревянная башня. В ней были запертые ворота.

– Надо наверх! – позвал толмач Матвейка.

Товарищи, вслед за ним, поднялись на крышу башни.

---

⁴ Толмач – переводчик

Оказались на площадке под навесом. Дружина, прищурившись, взглянул на горизонт – вдали, за стенами города, среди белоснежной тундры и редких деревьев, торчали десятки, если не сотни светящихся острых верхушек. Огромное множество самоедских чумов. Под самым боком.

– Откуда ж? – с тревогой сказал промышленник. – Какое лихо их столько нанесло?

Софрон подошёл к краю, из любопытства. Глянул вниз. У подножия башни горел костёр, рядом стояли трое самоедов. Один поднял лук с пылающей стрелой, и выстрелил. В столбик под навесом со свистом вонзилась стрела. Его мигом покрыло яркое пламя. Толмач яростно вскрикнул и ударил Софрона по голове, грубо толкнул его в спину – и тот полетел за край.

***

7108 год от сотворения мира (Весна **1600** г.).

Ярославль.

По небу плыли редкие облачка. Яркое весеннее солнце растопило снег по улицам ярославского посада, с крыш бревенчатых теремов спускались струйки талой воды. Под сапогами идущего между домов молодого купеческого сына хлюпали лужи, вместе со снегом и грязью.

Город шумел множеством голосов. По оживлённой, ши-

рокой и неровной улице ходили мужчины. Одни с вёдрами, другие с бочками, третьи с кулями за спиною. Товарищи, одетые в цветные, синие и зелёные, охабни⁵ с высокими воротниками, со свисающими до земли рукавами неторопливо брели, весело переговариваясь и размахивая руками. Шли посадские женщины в платках, и в тёплых серых накидках, смеялись. Неподалёку с криками бегали детишки, пиная ногами мокрый снег и пытаясь догнать друг друга. По середине улицы со скрипом двигались гружёные бочками и всяческой утварью телеги, запряжённые одной, или двумя лошадёнками, которых подгоняли возничие. Женщины кричали своим детям, хватая их за руку, чтобы те ненароком не подвернулись под копыта.

Купеческий сын по имени Софрон шёл и посматривал на большие дома с резными наличниками на окнах, на ворота и на причудливые деревянные фигурки птиц. Эти фигурки выступали из вершин тесовых крыш и глядели на улицу. Погода стояла необычайно тёплая. Молодой человек был одет в толстую шубу без шапки. Свою шапку, отороченную мехом, ему пришлось снять и нести в руках. Почёсывая бороду, он глядел по сторонам, радуясь яркому солнышку. «Чудно! Скоро река ото льда вскроется», – подумал Софрон. Меж тем из-за спины раздался громогласный окрик: «С дороги! Прочь с дороги!!!». По улице неслись четверо всадников. Один, мчавшийся впереди на тёмно-буrom арабском скаку-

---

⁵ Охабень – русская распашная верхняя одежда с откидными рукавами

не, был одет в роскошную ферязь⁶ вишнёвого цвета, расши-
тую золотым узором и усеянную сверкающими жемчужина-
ми, с развевающимися на ветру рукавами. Голову всадни-
ка украшала высокая шапка, блестящая на солнце. Седло
позвякивало колокольчиками. Кавалькада неслась, обгоняя
упряжки с возами. Пропуская её вперёд, люди спешно рас-
ступались, отходя с середины улицы. «Ты погляди – князь
какой, или боярин!» – пробурчал молодец. Вскоре четверо
всадников скрылись вдали за поворотом.

Пройдя ещё несколько дворов, молодой человек остано-
вился и стал пристальнее всматриваться в череду хором⁷, об-
рамлявших улицу с обеих сторон, в ряды ворот и столбов
придомовых оград, стараясь обнаружить нужный ему двор.
Немного покрутив головой, он вдруг опомнился, и устре-
мился на другую сторону улицы.

Он подошёл к высоким и толстым воротам, стоявшим в
середине длинного забора, и с силой постучал по ним кула-
ком. Немного погодя, раздался шелест шагов. Ворота живо
отворились. К Софрону вышел бородатый мужичок в белом
суконном зипуне, бывший здесь слугой, и воскликнул лю-
безно:

– Здравствуй, сударь! Два года тебя не видел, а отца твоего
и не скажу сколько! – и поклонился до пояса.

– Здравствуй, Ивашка! – улыбаясь, отвечал Софрон.

---

⁶ Ферязь – парадная верхняя одежда без пояса и воротника

⁷ Хоромы – просторный деревянный дом

Радостно обнявшись, они переговорили насчёт воспоминаний о былых временах. Потом Софрон спросил:

– Привезли товар-то? Отец уж поджидает, как бы распродать. И меня для того прислал.

– Сегодня на рассвете подвезли! Я всё вон в ту клеть⁸ велел разобрать, – ткнул пальцем Ивашка, – здесь ремешки уже сложены! И, как твой отец и просил, от кузнеца бляшек на те ремешки, и на стремяна привезли, всё там же! Пойдём, покажу.

Вдвоём они направились вглубь двора. Снега не было, лишь вязкая грязь чмокала под сапогами. Навстречу им вышел мужик, ведший под уздцы лошадку в сторону конюшни. Сам двор был крупный, просторный. Посередине стоял колодец, вокруг чернели расставленные то здесь, то там избы, и клетки, и сарайчики, и конюшня, и небольшая башенка. Всё было построено, как водится на Руси, из брёвен. У колодца стояла пустая накренившаяся телега о двух колесах, упирившаяся своим поддоном в землю.

Софрон с Ивашкой зашли внутрь большой и просторной клетки. Лучи света проходили чрез отверстия в стенах, сделанные под самым потолком. Здесь лежали кучи тёмной грубой кожи. Слуга показывал молодому купцу заготовленный товар.

Далее, за очередной перегородкой, разместились копна, сложенная более плотно и порядочно. Здесь была уже вы-

---

⁸ Клеть – постройка для хранения имущества, кладовая

деланная кожа красно-коричневого цвета. Красивая и лощёная.

– Добро! – воскликнул Софрон. – А где бляшки, ремешки, тафта⁹?

– Обернись!

Софрон повернулся и увидел кучу ящиков, разложенную у стены напротив. Они стояли один на другом. Подойдя ближе, он снял с верхнего крышку – короб наполнился связками небольших ремешочков из телячьей кожи.

– А тафтяной ткани... и парчовой, к вечеру привезут два постава¹⁰, – подумав, сказал Ивашка.

– Почему так мало? В позапрошлом году, помнится, распродали тафты, да ковров персидских, и турецких на семьсот с лишком рублей!

– Как твой батюшка изволил, государь, так оно и есть. Дело в том, что... те ковры и ткани были от гостя¹¹ Степана Артемьева. Уж больно хорошие: узорчатые, цветные, и чистые, и всякие разные были, и по сорок рублей за постав!

– Отчего ж этот Степан Артемьев продавать свой товар не хочет? – с досадой спросил Софрон.

– Ему больше нечего продавать! – воскликнул Ивашка. Подошёл ближе. И озираясь по сторонам, словно бы кто мог его подслушать, сказал. – Говорят, что служилые люди ходи-

---

⁹ Тафта, как и парча – дорогая шёлковая ткань

¹⁰ Постав – кусок сукна фиксированного размера

¹¹ Гость – это купец

ли, и о нём, о Степане, расспрашивали! Все его богатства в казну прибрали, поэтому у него больше ничего и нет. А почему прибрали – никто не знает!

Он отошёл, и сказал обычным голосом:

– Твой отец у другого гостя тканей закупил – тот уже по шестидесяти рублей за постав берёт. Вот!

– Что ж, – задумчиво ответил Софрон, – Бог милует, царский гнев нас не настигнет. А нам что, холопам его? Только б разорения не было, мы государю верно служим!

– Всё так, – ответил слуга.

Софрон с Ивашкой ещё немного походили по клети, разглядывая и обсуждая товары, перебирая содержимое ящиков и обговаривая условия торговой сделки. Потом вышли из здания и подошли к воротам. Там уже стали прощаться.

– А оставшуюся часть цены завтра к тебе пришлём с нашими людьми, – сказал Софрон Ивашке.

– Хорошо! Всё передам, как положено. Ты скажи, куда отец нынче товар везти собрался? Небось в Москву?

– Может и в Москву, не знаю. А я опять буду дома сидеть, – в словах Софрона прозвучала обида, – а братья мои сейчас в Устюге, у каждого свой двор!

– Не кручинься, государь, будет у тебя и двор свой. И жёнушку тебе отец под стать отыщет. И детишек Бог даст, и добра полным полно будет! Ты на отца не злись, и не ропщи. Он всё тебе только во благо делает – ты и повинуйся!

Немного помолчав, Софрон ответил:

– Ты прав, Ивашка... Помилуй, Бог, меня грешного! – Софрон перекрестился. Ивашка сделал то же самое. А потом молодой купец сказал:

– Ну, будь здоров – ещё встретимся с тобою!

– И ты не хворай, сударь! Как я рад был тебя видеть, и об отце твоём досточтимом добрым словом обмолвиться! – с улыбкой отвечал Ивашка. Он поклонился Софрону, и проводил его в ворота.

...

Софрон шёл по оживлённой улице, минуя один двор за другим. Вскоре улица разделилась надвое, одним из своих ответвлений делая изгиб в левую сторону. Туда и направился молодой купец. Здесь был узкий проулок, где крыши и крыльца теремов иногда подходили друг к другу очень близко. Людей шло много, стоял шум от их возгласов, от разговоров. Было даже тесновато, хотя телег с лошадьми не проезжало.

Проулок скоро закончился. Софрон вышел на широкую и просторную торговую площадь. Тут было полным-полно народу. Яркое солнце на чистом голубом небе поднялось высоко, ослепляя сиянием собравшихся на торжище людей, и вынуждая их своим жаром снимать шапки, скидывать шубы и тёплые меховые накидки, и класть их на плечо или нести в руках. Было шумно. Стояли лавки, тянулись выстроенные из еловых и берёзовых брёвен торговые ряды, высились амбары для гостей – знатных и оборотистых купцов, прибывав-

ших в Ярославль из других городов, либо из далёких заморских стран. Чуть в стороне от рядов и лавок сидели и бродили нищие: мужчины и женщины, носившие поношенные накидки и сермяжные платья. Их было много, среди них были и дети. Неподадёку Софрон увидел идущего в ту же сторону представительного мужчину с окладистой бородой, в блестящей меховой шубе и шапке. Он подошёл к кучке сидевших нищих и, наклонившись, дал им еды в мешке, пару монет и свёрток ткани. «Храни тебя Господь!» – с благодарностью восклицали ему в ответ.

Софрон неторопливо брёл вдоль торговых лавок, стараясь не мешать и не натолкнуться на другого человека. Любовался изделиями кузнецов, гончаров и прочих мастеров, выложенными на прилавках: глиняной, оловянной и серебряной посудой, горшками, кувшинами, чарками и кубками, железными подковами, ножами, крюками и прочей утварью. Когда он проследовал дальше, с обеих сторон пошли длинные ряды без навесов, где товар лежал прямо на солнце. Продавали в огромном количестве рыбу: свежую и засушенную, крупную и мелкую. Один коренастый молодец, стоявший у прилавка, схватил толстенную белугу – усатую остроносую рыбину в два аршина длиной, за жабры. Держа её над собой, перед продавцом, и хвалясь своей силушкой, он вскричал: «Вот это чудовище! Сколько стоит?!».

Дальше ряды прерывались небольшой пустой площадкой, откуда дальше они расходились в четыре стороны. На

этом пространстве смешивались и разделялись потоки людей, пришедших в этот день на торжище. В стороне от центра площадки стоял под двускатным навесом небольшой дубовый восьмиконечный крест. На нём было вырезано распятие Христа, его тело слегка выдавалось вперёд. Крест по высоте доходил до плеч. Проходя мимо, люди крестились и кланялись в его сторону. Приблизившись к кресту, Софрон сделал то же самое. Тут молодому купцу пришло на ум, что скоро призовут к обеду. Солнышко было высоко. Время уже не раннее.

Он свернул на другой ряд, тянувшийся от площадки с крестом. Здесь было меньше народу. На прилавках лежали куски мяса, прошлогодняя капуста, яблоки. Внизу, у одного прилавка, стояли мешки с мукой, а сверху были баранки и хлеба. На следующей лавке была пара пустых корзин. Стоявший за ней продавец согнулся, деревянным ковшиком зачерпывая соль из бочки, поставленной возле его ног. У прилавка было трое покупателей. Софрон выждал, пока они наполнят свои мешочки сыпучим товаром и уйдут. Он подошёл к продавцу. Они ещё долго обсуждали подвоз соли из Устюга – её поставляли на этот рынок старшие братья Софрона.

Вдруг, зазвенели колокола. Мерный гул доносился от высившейся вдаль, на пригорке, бревенчатой церкви. Тремя высокими шатрами она врезалась в чистую и безоблачную гладь лазурного неба. Средний шатёр был выше и шире, на

верхушке каждого из них покоились резные луковки куполов, откуда вздымались большие серебристые кресты – они ярко сияли и искрились на солнце. Вместе с многолюдной толпой, Софрон устремился в храм Божий к обедне.

...

Прошло много часов. Церковь была заполнена людьми, здесь было тесно и темновато. Её внутренность была из брёвен и досок. Свет лился из решётчатых оконеч вверху, лучи падали на золочёные иконы, тянувшиеся одна за другой – иконостас подымался до самого потолка пред взором собравшихся. Иконы сверкали, своими красками и строгим великолепием вселяя в прихожан благоговейный трепет. Люди стояли на ногах уже очень долгое время. Но держались твёрдо: крестились, молились и исполняли всё необходимое. Перед ними на возвышении, предварявшем вход в алтарь, раскатистым хором пели дьячки.

...

Богослужение клонилось к окончанию. Вышел поп, держа в руке золотой крест, украшенный камнями и узорами. Собравшиеся поочерёдно подходили, чтобы приложиться к кресту. Приложился и Софрон. Двигаясь в общем потоке народа, он покинул церковь.

Молодой купец вышел наружу, и щурясь от яркого солнца вдохнул свежий весенний воздух. Повернувшись, перекрестился и поклонился у дверей храма вместе с остальными. Потом развернулся обратно, ступил на паперть и спустился

по дощатым ступеням вниз. Он устремился к своему двору, на обед.

...

Время было уже за полдень. Софрон неторопливо шагал по снегу к крыльцу, ведущему на второй этаж большой добротной избы из еловых брёвен – сердцу его семейной усадьбы. От этого здания тянулась череда других бревенчатых построек, соединённых переходами. Она обрамляла собою внутреннее пространство двора. Там было несколько холопов. Один в дальнем углу черпал лопатой снег и сбрасывал в кучу. Другие шли кто куда, по своим делам.

– Здравствуй, Софрон! Тебя твой батюшка ждёт наверху! – поклонившись, воскликнул мужик, встретивший его у крыльца.

– Чудесно! Обедать пора, я уж изголодался! – весело отвечал Софрон.

Крыльцо начиналось от угла здания, где скрещивались толстые брёвна стен. Под деревянной крышей, по левую руку, шёл ряд причудливых колонн – резных пузатых кувшинов. Куски недотаявшего снега на перилах искрились на солнышке. Софрон, бодро поднимаясь по лесенке, смахивал их рукой. Издалека, из стойла, раздавалось мычание и бляенье. Было слышно, как хлопали тяжёлые ворота, и как уборщик снега со стуком бросил свою лопату к стене.

Софрон отворил входные двери и вошёл в сени – небольшое полутёмное помещение. Лучик света проникал сюда

сквозь крохотное продолговатое окошко в дальнем углу. Он падал на узенькую скамью, на несколько пустых ушатов, стоящих на ней. Рядом, в тёмном углу, лежали тонкие башмачки и всякая утварь. Воздух был пронизан прохладой. Дверь пред лицом Софрона была слегка отворена. Из щели лился яркий свет. Там кто-то разговаривал. Оставив уличную одежду в сенях, молодой купец открыл дверь и вошёл в большую и просторную парадную комнату – светлицу.

Здесь оконца были большие. У дальней стены против входа сверкала красивая печь, вся покрытая расписными изразцами. Справа, в красном углу, была прибита широкая полка. На полке стояло два больших образа. Один – Николая Чудотворца, белобородого старца в архиепископской мантии. Он смотрел на входящего суровым взглядом. Другой образ – Богоматери с младенцем. Пред образами висела на трёх цепочках серебряная лампадка. В ней светилась свеча.

Войдя, Софрон перекрестился, смотря на иконы, и поклонился в пояс. В углу сходились две скамьи, застеленные красными полавочниками¹². Стоял высокий длинный стол, накрытый чистой белой скатертью с красным узором по краям. За столом у окна сидели две юные сестры Софрона в тёмных узорчатых платьях и о чём-то болтали. Завидев брата, они резво вскочили и подбежали к нему:

– Привет, Софрон! – радостно вскричали девочки. Одна из них была чуть выше другой. Он крепко обнял сестёр и

---

¹² Полавочник – покрывало для лавки

поцеловал каждую в лоб.

– Машка скоро стол накроет! Отец велел, – сказала то-
леньким голосом та, что поменьше.

Распахнулась дверь в дальнем углу. Из неё вышел полный старичок с длинной поседевшей бородой, Савелий Ефремов. На его голове по краям ещё оставались пучки чёрненьких волос с сединой. Круглое лицо было в морщинах. Отец встретил сына спокойным и гостеприимным взглядом и неторопливо пошёл к столу. Вслед за отцом, в светлицу вошла и мать Софрона – худая женщина в сарафане и белой рубашке, с поседевшей косой за спиной. Софрон обнял родителей. Когда все пятеро членов семьи расселись за столом, пришла служанка Мария, поставила посуду и удалилась.

– Как товары наши, все ли приехали? – с важным видом спросил Савелий сына, пододвигая к себе серебряную тарелку.

Софрон стал пересказывать подробности, относящиеся к их семейным торговым делам, какие в тот день смог узнать. Пока он беседовал с отцом, подоспевшие служанки раскладывали кушанья, ставили чашки и наполняли их напитками, клали платки. Еда была горячей, только приготовленной.

– Ну хорошо! – удовлетворённо ответил старший купец. – Ещё для тебя дело кой-какое есть. Слушай внимательно, чтоб всё запомнил.

– Запомню, отец, – сказал Софрон.

Прежде чем приступить к трапезе, члены семейства все

вместе начали молиться. Закончив, каждый старательно перекрестился, и уж теперь все стали есть приготовленные блюда. Ухватив вилкой пару кусков мяса, и откусив, отец принялся излагать сыну своё поручение:

– К нам из Вологды пожаловал гость Михаил Иванов. Нужно с ним связи наладить, будем и с Вологдою тогда торговать. На всё, что он предложит – соглашайся, и мне потом расскажешь! – Савелий взял стакан и отхлебнул квасу.

– Ты мне о нём сказывал, – ответил Софрон, доев печёную капусту, после чего вытер рот белым платком, – не тот ли, который рыбу да ворвань¹³ возит?

– Да – рыбу, и дёготь. Зубом моржовым торгует, и пуш-ниной, – перечислял Савелий, – Пушкину, правда, нынче из Сибири привозят, соболя-то! Так вот я тебе об чём, Михаил Иванов двора здешнего не имеет. Он у служилого человека остановился, у Фёдора Затопина. Как пообедаем, я расскажу куда надобно ехать. Коня тебе нужно взять будет.

– Хорошо, отец, – сказал Софрон. Насытившись, он откинулся назад, спиной к стене. Громко зевнув, сложил руки на груди и закрыл глаза, – завтра поеду и всё разужнаю.

– Нет, сынок! – с улыбкой ответил Савелий, и посмотрел на сына, – встреча у нас с ним на сегодня назначена. Отдохни немного, а потом бери коня и поезжай!

– Да как же так, – открыв глаза, буркнул Софрон с печальным лицом, – поспать же надобно! Я сегодня в церкви на

---

¹³ Ворвань – жир морских млекопитающих, белого медведя или рыб

обедне два часа кряду стоял!

Сидевшая возле Софрона мать положила руки ему на плечи и, обнимая сына, нежным голосом сказала:

– Сынок, поезжай! Видит Бог, важное дело отец тебе поручил, серьёзное! Не будь оно так, послал бы за тем Петьку ключника, или кого другого. Ты один у нас сын в доме, на тебя одного надеемся, Семён с Андрюшей от нас далеко!

– Хорошо, матушка! Сегодня так сегодня... – Софрон тяжело вздохнул, поднял спину от стены и сел ровно.

...

Отец и сын стояли в конюшне, возле невысокой лошадки. Софрон поправлял ремешки, спускавшиеся с седла, уже одетый, в шубе и в шапке. Было светло. Кобыла, опустив голову, спокойно ждала часа, когда нужно будет отправиться в путь и слегка мотала головой.

– Как я уж объяснил, в той слободе сыщешь двор, ближний к маленькой церквушке Богоявленской. – повторил сыну Савелий. Потом с тревогой добавил, – ты уж там не напивайся только, ежели будут пить и гулять. Карт, и зерни в руки не бери, да и шахмат тоже – дьявольская забава!

– Я всё уразумел, отец, – потянувшись к седлу и глубоко выдохнув сказал Софрон, и закончил поправлять упряжь, – переговорю с тем гостем, и всё разужнаю.

– Вот и чудно! – улыбаясь, говорил Савелий. Он потёр рукой сверкающую лысину. – И лошадку, смотри, чтоб назад воротил!

Он проводил сына, взявшего лошадь за узду, во двор. Они обнялись. Софрон поставил ногу в стремя, взобрался на лошадь и уселся в седло. Отец воскликнул ему на прощание: «Бог в помощь!». Сын слегка ткнул кобылу в бок сапогом и та понесла его в распахнутые настежь ворота – на улицу.

...

Близился вечер. Солнышко слегка порыжело. Небосвод наливался багровой краской. Скача верхом по неровным, утопающим в грязи и талом снегу, переулкам и дорогам посада, Софрон оставил позади уже несколько поворотов. Людей по пути ему повстречалось уже не так много, как утром.

Он почти прискакал к месту встречи. Улица становилась всё шире и просторнее, а избы и хоромы всё более редкими и удалёнными друг от друга. Народу вовсе не было. Вечернюю тишину обрывал лишь стук копыт. Тем временем, молодой купец потянул к себе поводья лошадки, сбавив скорость – и остановился прямо у высоких ворот двора.

Ворота были большие и добротные. За ними высился роскошный терем. На оконцах были резные наличники. Из кровли усадьбы выдавалась слегка почерневшая труба под навесом. Оттуда медленно выходили клубы. Столб дыма тянулся вверх по подкрашенной багрянцем голубой глади неба. Возле терема виднелись верхушки других бревенчатых построек, торчала повалуша. Прочие избёнки были спрятаны от взора Софрона за мощной дворовой оградой. Лошадка под седлом перебирала ногами и шлёпала копытами по сне-

гу. Молодец немного повернул голову вправо и пригляделся. Вдалеке виднелась деревянная луковка с крестом, выступая над кромкой забора, у которого он находился. «А вот и Бого-явленская церковь!», – подумал Софрон. Немного подождав, он собрался с мыслями, набрал воздуха в грудь и крикнул:

– Э-эй! Это Софрон, сын Савельев! Прибыл к гостю Михаилу!

Его голос отозвался звенящим эхом от лесистых холмов, вздымавшихся далеко на горизонте, за краем посада. И тишина. Только нервно залаяла собака где-то среди изб за оградой. Купеческий сын слез с лошади и подошёл к воротам. Он подумал: «Чёрти что, сколько мне ещё ждать?!», и принялся настойчиво стучать по ним.

В конце концов, за оградой слышались тяжёлые шаги – кто-то, видно, пошёл открывать. Софрон перестал колотить. Идущий приблизился к воротам, но замер и отворять их не стал. Раздался мощный низкий голос:

– Чего тебе надо, супостат!? Нажрался, и ломишься! Проваливай!

– Твою мать! Ты как со мною говоришь! – разгорячился Софрон.

– Ведаешь, собака, к кому пожаловал? Я служу дворянину! – прорычал в ответ дворовой человек. – Он сейчас в крестовой комнате Богу молится! А как выйдет, велит тебя схватить – и в подземелье! Там тебе пальцы все твои поотрывают, и сразу в чувство придёшь!

– Да что ж такое! Что ты лаешь на меня! Не предупредили тебя, что ли?! – с отчаянием вскричал Софрон. – Я вообще не к господину к твоему, не к Фёдору, а к купцу Михаилу Иванову, который у него остановился!

– Никакого ни Фёдора, ни Михаила Иванова не знаю! – рявкнул холоп.

– Что ты несёшь! – вскричал купеческий сын. – Ты Фёдору Затопину служишь, или нет!?

– В твою тупую голову так хмель забрался, что и дома своего найти не можешь?! – ревел низкий голос. – К кому ломишься! Фёдора Затопина двор – соседний! Убирайся!

– Тварь ты поганая! – прокричал молодой купец в обиде, лицо покраснело и скорчилось. – Не мог вначале сказать, а не бранить с порога!

Софрон влез на лошадку и схватил поводья. Он отдышался, покачал головой и повёл лошадь дальше по улице, вдоль ограды, приговаривая: «Господи, помилуй... Надо ж было так перепутать, чуть не сгинул!».

За тем двором, куда пытался попасть Софрон, на некотором расстоянии находился другой двор. Молодец приблизился к избушке. От угла её шёл невысокий забор из старых, слегка подгнивших и покосившихся, кольев. Пройдя чуть дальше, Софрон увидел, что воротная дверь была отворена. Туда можно было войти и с лошадью. Со двора доносились довольно громкие звуки речи. Софрон подумал, и решил: «Ну его! Это уж наверняка тот двор, зайду сюда!». Он

спрыгнул на землю, взял ремешок узды в левую руку, а правой толкнул дощатую створку ворот. Она легко поддавалась ему и со скрипом отлетела вперёд. Ведя лошадку под уздцы, Софрон медленно и осторожно проследовал во двор.

Открылась живописная картина – вдали, над горизонтом, возвышался небольшой холм. На холме стояла деревянная церквушка с резным куполком и крестом. Справа, над нею ослепительно пылал медно-золотистый шарик солнца. Оно заливало своим мягким и не греющим светом весь двор. Кромка вечернего неба наполнялась оранжево-алой предзакатной краской.

Слева от Софрона стояла изба. Её мелкие слюдяные окошки, окрашенные лучами солнца в багряный цвет, искрились и ярко сверкали. Неподалёку, на фоне церкви, сидели трое мужчин. Сидели на пеньках. В серединке, меж ними, был ещё один белый берёзовый пень с чёрными полосками.

Люди на пнях оживлённо болтали. Сидевший посредине посмотрел вправо, держа в руке нож с кривым лезвием:

– Ты льва когда-нибудь видал?! Понятно не видал! – возбуждённо крикнул он своему собеседнику справа, махнув ножом. Он сидел, широко расставив ноги. Одет был в шёлковый синий халат, какие носят в Персии – весь изукрашенный серебряным узором. По груди вились всякие растения, на каждом плече по серебристой пальме. Мужчина был высокий и худосочный, с тонкими запястьями и тонкой шеей, на вид – лет сорока. Лысая голова блестела. На лице были

морщины. Борода – ярко-рыжая и недлинная, грубо обтёсанная ножом. Она блестела в лучах солнца, пылая огненно-красным пламенем. По левую руку сидел другой высокий мужчина. Он задумчиво произнёс:

– У шведов на знамёнах львы нарисованы... Большая такая крыса, – он широко расставил руки, – али псина, чёрт знает!

– Да какая крыса! – отчаянно воскликнул рыжебородый в халате. – Это огромный кот! Здоровый, зараза, и страшный! С гривой. И рычит на тебя! Сожрал бы на месте, если б янычары прежде на цепь его, окаянного, не посадили!

Поворачивая голову поочерёдно влево и вправо и размахивая руками, он продолжал разгорячённо, выпучив глаза:

– Рот разинул, клыки торчат, заревел! Да как рванёт на меня! – он ткнул пальцем себя в грудь. – Прямо тут его пасть чёртова захлопнулась! И цепь щёлкнула, которой был прикован, потому и не съел меня, бедняга! Голодный остался... А крокодила видал? – рыжебородый повернулся к собеседнику, сидевшему справа. Тот был низенький и полный, сидел расслабленно и важно, уперев руки в бёдра, и улыбался. Весело посмеиваясь, он отвечал:

– В одной книжке видал! Там и лев твой есть! И вепреслон там есть, и единорожец! Всё не то. Вот медведь – это уже другое дело! От него твой лев с крокодилком – в лес убегут, и спрячутся. А там их наши мужики поймают – и в суп!

– Да ты сам медведь! – махнул рукой рыжебородый, –

недоношенный слегка...

Он прервался и глянул в сторону ворот. Остальные сделали то же самое, и увидали вошедшего молодца с конём. Молодой человек остановился, поклонился до пояса и вежливо произнёс:

– Здравствуйте, добрые люди! Я ко двору Фёдора Затопина пожаловал, верно?

– А отчего ж нет? – спокойно ответил сидящий на пенёке слева от рыжебородого, посмотрев Софрону в глаза.

Мужчина был высокий и широкоплечий, в простом сером кафтане. Его большие зелёные глаза и угловатое лицо, усеянное морщинами, выражало твёрдость и покой. И какую-то скрытую грусть. Ему было лет сорок пять или пятьдесят. Волосы и борода его были чёрные, и с сединой. Уперев ладони в бёдра, он сказал:

– Фёдор Затопин, сын боярский, перед тобою.

– Ну слава Богу! – с облегчением воскликнул Софрон, перекрестился и опять поклонился сидящим. – Твой сосед такой лютый народ у себя держит! Угрожали увечьем и расправой, пальцы мне чуть не оторвали! Из-за того, что я ошибся и к нему постучался!

– Ох ты! – улыбнулся Фёдор. – Ничего... Я не думаю, что мой бы сосед попросту христианина честного загубил! Добрый он человек. Ты скажи мне, чего ради *ты* к нам пожаловал?

– Меня прислал мой отец, Савелий Ефремов.

– А-а, я и гляжу, знакомое у тебя лицо, похож на отца своего! – сказал вдруг, улыбнувшись, толстенький мужичок, который сидел с другой стороны, напротив Фёдора. – Ты, стало быть, Андрей?

– Нет, сударь, – молодой купец, учтиво приложив руку к сердцу, вновь поклонился, – я Софрон, из сыновей Савельевых младший, Андрей – это братец мой. Я прислан, чтоб с Михаилом Ивановым переговорить.

– Что-ж, уводи коня и садись к нам, Софрон! – отвечал мужичок. Он встал с пенька и поклонился гостю. Ростом был небольшой, на нём был яркий красный кафтан. Лицо его было круглое, с маленькими серыми глазками, и с длинной бурой бородой. Он сказал Софрону:

– Я Михаил, сын Иванов! Мы давеча с твоим отцом решили посотрудничать. Я его-то, честно говоря, и ждал. Ну, раз уж ты к нам пожаловал, то и славно!

Рыжебородый в халате воскликнул:

– Рад знакомству! Я Степан Артемьев, – он кивнул Софрону, и принялся вертеть нож вокруг пальца.

– Ну чего, – задумчиво сказал Фёдор, и взглянул на молодого купца, – идём, коня твоего привяжем, Софрон!

Степан вновь обратился вправо, и наклонился в сторону Михаила:

– Можешь верить, а можешь и не верить! Помнишь – я тебе вот что говорил. Мой дед был непростой человек! При Василии Ивановиче...

Фёдор поднялся со своего пня и подошёл к Софрону. Тот заметил, что у сына боярского возле левого глаза имелся длинный рубец, давно уже заживший. Фёдор взял узду лошадки и сказал: «Пошли за мной!». Вместе с лошадьёю они направились к большому сараю.

...

За сараем лежали горки поленьев. Сын боярский повертел головою, осмотрев кучу сырых еловых деревяшек, слегка припорошенных снегом. Стряхнув снег, он ухватил и поднял один большой кусок. И направился обратно, к разговаривающим на дворе, Софрон пошёл следом. Фёдор нёс в руках бревно. Слегка улыбнувшись, он сказал Софрону:

– Уж прости, дорогой гость, за таковой приём скромный. Ни стола накрытого, ни вина доброго!

– Да, славно бы сейчас поесть, – заметил молодой купец, идя вслед за Фёдором и топая по водянистой грязи, – да и выпить чего-нибудь, тоже бы неплохо...

– Всё впереди, братец! – весело ответил Фёдор. – Сейчас мы пойдём с этого вшивого двора в кабак!

Софрон раскрыл глаза и удивлённо спросил:

– Как же я к вечеру тогда домой ворочусь? Да ведь, я ж сюда по делу отцом послан, обговорить торговлю с Михаилом Ивановым!

– А что, разве это не общее наше дело? – возразил Фёдор. Они приблизились к сидящим на пеньках. – Сейчас тут свежим воздухом подышим... А после того и потолкуем обо

всём важном. С вином наша затея да знакомство всяко лучше сладится!

Софрон сильнее изумился. Почесав бороду, он покачал головой. Сын боярский поставил толстое полено возле берёзового пня, напротив Степана:

– Садись! – сказал Фёдор.

Софрон уселся, сняв с себя шубу.

...

– Я тебе, Софрон, расскажу всё сначала! – глаза Степана горели беспокойным огнём. Сидевшие по обе стороны Михаил с Фёдором устроились поудобнее на своих пеньках. – Когда я был маленьким, мой дед мне рассказывал, что однажды, великий государь Василий Иванович отправил его вместе с посольством из виднейших людей, из бояр и архиереев, в город Рим!

– Для чего туда надобно было людей посылать? – поинтересовался Фёдор. Он наклонился вперёд, расставив ноги.

– Чтоб веру латинскую соединить с православною! – ответил Степан. – Ну, так он мне говорил, как я помню... Там они встретили ихнего папу, который над всей латинскою церквою главный. Убеждали наши святители латинян об вопросах вероучительных. Но ничего не вышло! Хуже того – предлагал папа боярам принять веру латинскую, и жить в Риме. Сулил землю дивную, с садами райскими! Кое-кто из них согласился, да там и остался!

– А что твой дед? – спросил Софрон.

– А что он... Рим – великий и огромный город! Там что ни дом, то палаты¹⁴ каменные – высокие, пёстрые и цветастые, как платья девиц на праздниках! Повсюду фигуры стоят людей – мужчины и женщины... из белого камня, будто живые. А ещё, горожане на листках бумажных и на полотнах – всё пишут, и чертят, и рисуют, и картинки печатают всякие. Да... – Степан немного нахмурился и опустил голову. Он на миг прекратил вертеть нож, но затем поднял взгляд и продолжил. – Мой дед сказал латинянам, что веры не сменит. Что там, где русская земля – там и его дом. Но мне завещал, чтоб я письмо учил усердно, чтобы знал не только наше письмо, но и латинское. И что мир, созданный Богом – огромный размер имеет, и мы не ведаем, где он кончается! На западе толкуют, что уже обошли его. Хотя по-прежнему свои корабли за море посылают – и всё новые края отыскивают. Свет велик! Надобно, говорил он мне, не только для прибыли, но и для души – попасть в каждый его уголок. Эх... с грамотой у меня не шибко сладилось. А вот другой завет его я исполнил!

Степан вынул из-за пояса монетку. Аккуратно держа её пальцами левой руки, поднял перед собой и продемонстрировал. Все наклонились, чтоб лучше разглядеть. То была крупная золотая монета. С неё смотрела на товарищей, чуть выпирая с поверхности, вытянутая морда волка с острым носом. На обратной стороне имелась какая-то непонятная над-

---

¹⁴ Палаты – каменное здание со сводами

пись.

– Вот, ихний рубль! – воскликнул Степан. Подержав перед собой и показав всем, он положил монету на берёзовый пень, который стоял в центре круга сидящих товарищей.

– Чудная монетка! – улыбаясь, Фёдор дружелюбно похлопал Степана по плечу. – Только у нас с тобой, Стёпка, больше нихрена и нет, кроме этой монетки!

– Это правда, – хмуро отвечал рыжебородый купец.

Софрон припомнил разговор с Ивашкой, когда тот ему сказал о служилых людях, которые изъяли все товары и добро у Степана. Хотел было полюбопытствовать Софрон, но не решился.

Михаил, меж тем, важно уселся, положив ладони на коленях. Ехидно ухмыляясь, поглядывал он на монетку, и на Степана. И помолчав немного, промолвил:

– Ну что ж, братцы! Нам днесь в Рим идти не надобно. Наше дельце нехитрое! Хотя Архангельск тоже неблизко – пятьсот вёрст! А потому, нам нужно поскорее выезжать. Вон, уж снег тает! Глядишь, так в дороге и завязнем – даже до Вологды не доберёмся! Хе-хе! – купец поправил высокий воротник своего ярко-красного кафтана. Улыбаясь, он почесал лицо и посмотрел в глаза Софрону. – Мы сейчас идём в кабак, а завтра – отсыпаемся. Ну а на другой день, с Божьей помощью, в путь-дорогу!

Софрон растерянным взглядом поочерёдно смотрел на своих собеседников. Он напрягся и с серьёзным лицом спро-

сил Михаила:

– Что, сударь, нашего товару тебе не надобно? А говорил, что посотрудничать решил с моим отцом.

– А на что мне твой товар? – недоумевал купец. – Решили же, что на моём кораблике поплывём из Вологды в Архангельск. Там у меня товарищи есть, у них остановимся. Назад тоже вместе воротимся. Ты с нами, или нет?

– Я? В Архангельск?!

– А кто? Савелий сказал, что сам не поедет.

– Отец мне ничего не говорил! – с раскрытыми от удивления глазами отвечал Софрон. – А кому мы товары-то будем продавать?

– Кому-кому? Немцам¹⁵, из дальних стран! – воскликнул он в ответ.

– Идём в кабак! – нетерпеливо крикнул Степан.

На большом и толстом белом пне лежала сверкающая золотая монета с мордой волка. Небо порозовело. Маленькое солнышко бросало свои последние лучи. Степан сжал рукоять своего острого ножа. Он замахнулся и с силой воткнул лезвие в пень. Нож торчал из его поверхности, возле блестящей заморской монетки.

...

В кабаке было светло, тепло и просторно. И очень шумно. Отовсюду звучали весёлые крики и смех: залиvistый и

---

¹⁵ Немцы – иностранцы из Западной и Северной Европы (англичане, голландцы и др.)

гулкий, иногда тяжёлый и басистый, а порою надрывный и необычайно громкий. Иные раззадорившиеся стучали тяжёлыми кубками по своим деревянным столам. Из дальнего конца кабака доносилось приятное бречание гуслей. Звуки домры и свирели перемежались чудесным и звонким женским голосом, распевавшим:

«В сто-ольном во городе, во Ки-иеве,
У сла-авного, у князя, у Влади-имира!
Было пирова-а-ание, почётный пир,
Было столова-а-ание, почётный стол!
На мно-огие на кня-язи, на боя-а-аре...

Товарищи сидели за высоким и длинным столом. Софрон сел у самой стены избы, подле Фёдора. Напротив был Михаил. В конце стола сидел Степан. Перед каждым стоял высокий оловянный кубок. На столе был серебристый сосуд с вином. Здесь же стояли две большие братины¹⁶ – вытянутые деревянные лукошки, с концами в виде лошадиных голов. Оттуда торчали, кучно вздымаясь из-за краёв, блестящие тёмненькие огурчики, вместе с сочными желтоватыми кусочками варёной репы и длинными свёрточками ветчины. Каждый держал свою чашу. Фёдор, слегка постукивая и водя ею по столу, говорил не торопясь, монотонным голосом:

– ...мы тогда ходили на вылазку. Баторий своих людей полсотни тысяч привёл, а нас – нас всего двести удальцов было! Ну, ясное дело, что мы не прямо на их стан пошли.

---

¹⁶ Братина – вид посуды, большая вытянутая ёмкость для еды или напитков

Мы тихонько, из-за леса – да к обозам. Завидели нас ихние рыцари. Там были знатные шляхтичи, в основном, а не немцы, которые в ихнем войске только за серебром. Бились мы отважно, ничего не скажу... Но и они не сплеховали, из наших – человек семьдесят зарубили. Хотели мы их обозы зажечь, да не зажгли! Я в том бою чуть не погиб. Навстречу мне вылетает один, на коне – здоровый, и в латах! Моего коня непойми откуда подстрелили, он тотчас и свалился наземь! Вернее я сперва полетел – потом он на меня. Думал раздавит! А он только своею ногою мне мои ноги придавил. Я лежу, пытаюсь выползти, да не выходит нихера, а ноги оттого страшнее только болеть начали! Подлетает рыцарь на коне, рубит саблей мою голову! А я ж успел что есть силы дёрнуться – и он только мне возле уха и глаза левого, вот тут, – Фёдор показал пальцем на свой рубец возле левого глаза, – вот здесь только сабля его прошла, и в траву уткнулась! Копыта его коня прямо возле ушей ударили, аж землёю лицо засыпало!

Товарищи слушали внимательно. Михаил потянулся к кувшину, тихо приговаривая: «Добро!», и принялся разливать крепкое вино по кубкам. Степан первый подставил свою чашу, Софрон взял два жирненьких куска ветчины из братины, и положил в рот. Затем и Фёдору налили вина. Поочерёдно смотря в глаза собеседникам, он продолжал:

– И что ж? Я своей саблей его за ногу подцепил – и он рухнул возле меня! Конь его без седока улетел. А я чудом

выполз из-под своего-то из-под мёртвого! Прикончил я того рыцаря, и взял саблю! С ножнами, – Фёдор наклонился ближе к слушателям, – из чистого серебра, с алыми камнями! И до сих пор держу! Как память – о том бою, которому почти два десятка лет...

– Дорогая небось сабля? – заедая ветчиной, спросил Софрон.

– Дорогая! Но продавать её не хочу.

– Братцы! – задорно воскликнул Михаил, вставая с лавки. – Выпьем за здоровье нашего великого государя, Бориса Фёдоровича! За здоровье его бояр, и всего христоролюбивого воинства!

– Выпьем! – крикнули товарищи.

Они чокнулись, звякнули оловянные кубки. Каждый осушил свою чашу. Софрон тотчас скорчил лицо. Глубоко и тяжело вздыхая, он потянулся к братине. Остальные сделали то же, вытянув оттуда по огурчику. Михаил громко засмеялся, взглянув на Софрона:

– Вот оно, вино добренькое и крепенькое! А не та бурдень заморская, из винограда, какую нам немцы привозят!

– Ух... – отвечал Софрон, дожёвывая огурец и вытирая слезинки возле глаз. – Мне прям всю глотку обожгло... Крепенькое, правда!

– Надо ещё по одной! – купец радостно устремился к блестящему кувшину с вином. Все приготовились подставлять кубки.

– Здорово придумано, – воскликнул Степан, сидевший в конце стола, поглядывая вокруг себя. – Такое прибыльное дело! Столько народу, каждый хочет свою душу развлечь! Вина выпить, девок озорных потискать. И все денежки – в карман целовальнику¹⁷! А кроме него – никто не может такого же кабака у себя держать...

– Ну а как ты хотел? – безмятежно отвечал Михаил, наливая Степану вина в кубок, который тот держал. – Государево распоряжение! Казна, видать, пустует. Нужно её пополнять.

Товарищи выпили ещё. Время было позднее. За стеною была ночь. А в кабаке по-прежнему стояли шум и веселье. Какие-то буйные мужики прямо посреди кабака начали было драться, но потом успокоились. Музыка продолжалась – переливистая трель гуслей и мягкая песнь свирели складывались в очередную былинку из далёкого и забытого прошлого...

– А у них, у... аглицких людей какие корабли? Такие же... как у твоих друзей... ну, звероловов? Которые ходят за рыбами морскими? За моржами? – горячо любопытствовал Софрон со слегка поникшей головой, чуть покачиваясь. Он протянул руку к центру стола, пытаясь ею отыскать в пустой братине кусок ветчины.

– Не-ет! Не такие! – бойко ответил Михаил, громыхнув тяжёлым кубком. – Я... Мне... Я не видал сам. Мне расска-

---

¹⁷Целовальник – должностное лицо, ведавшее поступлением в казну денежных доходов

зывали! Мне рассказывали, что они гораздо больше! Ну конечно...

– Ну конечно! – крикнул Софрон, убрав руку, выпучив глаза и смотря Михаилу в лицо. – Ну конечно. Им наших – не перегнать!

– Да! – купец разгорячённо ударил кубком по столу.

– А ты знаешь, что? – вдруг спросил Софрон.

– Я знаю! Я знаю...

Софрон потихоньку приподнялся с лавки. Оказалось, что всё вокруг него – стало причудливо колыхаться. Всё стало медленно плыть, слегка покачиваясь. Всё завертелось. Он опёрся левой рукой о толстое бревно стены здания за его спиной. А правой решил попробовать дотянуться до кувшина с вином, который стоял на столе.

В стороне от стола, где пребывали товарищи, началось какое-то оживление. Кто-то вошёл в кабак. Кто-то встал из-за своего стола и обнялся с подошедшим. Поодаль несколько мужчин и женщин с весёлыми воплями, лихо и неудержимо выплясывали – вроде бы даже в ритме музыки. Один из сидящих гусяров, держа на коленях свой инструмент и нащипывая струны, пел:

«...видел во дому его дву дочерей!

Первая – Настасья королевишна,

Другая – Афросинья королевишна!

Сидит Афросинья, да в высоком те-е-ереме,

За тридцатью замка-ами, за була-атными!

Станом статна-а-а, лицом красна-а-а!

Лицо у неё – как бы белый снег,

А чёрные да брови, будто соболи!»

Софрон тянулся к вину. Он почти дотянулся, коснувшись двумя пальцами кувшина, и попытался взять его за ручку. Но тот только качнулся в сторону, чуть не упав на бок.

– Погоди, погоди... – Михаил, нахмурившись, замахал головою в разные стороны. Он встал из-за скамьи. – Давай-ка я, братец. Мне ближе...

– Да-а... Давай... – Софрон рухнул обратно на свою лавку, расставив обе руки, и опёршись ими на неё. Молодой купец поглядел вправо и увидал, как голова и руки Фёдора лежат на столе. Но сам Фёдор колышется в воздухе! Да так, что невозможно было его отчётливо разглядеть. Вместо него было что-то чёрно-серое. Что-то расплывчатое и мотающееся. Софрон с трудом поднял правую руку и направил её прямоком в гущу этой странной черноты. Его ладонь уткнулась во что-то мягкое, в какую-то толстую ткань, из какой обычно шьют кафтаны:

– Э-эй! – немного испугавшись, закричал Софрон. – Ты чего? Что с тобой?!

Вдруг откуда-то раздался знакомый ему голос, но слышно было плохо. Стояло эхо, и какой-то звон:

– Ничего... поспать нельзя...

– Ладно, – растерянно ответил молодой купец, и медленно перевёл взгляд обратно на Михаила. Его ещё можно было

разглядеть. Хоть и не без труда. Но Софрон всё же увидел, как тот наполнил его чашу вином.

– А я ведь хотел... – сбивчиво начал Михаил, – я тебя хочу женить... на своей старшей дочери! Да-а-а! Вот так вот! Её, понимаешь... тоже Настасья зовут, как он по-о-оёт!

– О...

– Да-а! – улыбаясь, радостно отвечал Михаил, стуча пальцами по столу. – Ха-ха! Но... это я так... в тайне! Ей вот... семнадцать лет уже! Вот! А ты, – он потянулся рукой к Софрону и похлопал его по плечу, – ты... да ты молодец! Ты мне – свой человек, почти что... Брат! И всей семье моей!

– Ох!

– А за это, – он взял в руку кубок, и поднял его вверх, – за это – надо выпить!

Софрон с трудом отнял правую руку от скамьи. Нащупав свой кубок, он обхватил его, что было сил. И поднял. Всё вокруг гудело и крутилось. Звякнуло олово. Где-то зазвучал чей-то странный, чей-то очень отдалённый, дребезжащий голос: «До дна! До дна...»

– До дна, – тихо повторил Софрон. Он поднёс кубок к губам, и в несколько глотков наполнил своё нутро жгучей жидкостью.

...

В конце стола по-прежнему сидел Степан. Серебристый узор на плечах его синего халата поблёскивал на свету. Купец раздражённо смахнул с плеча пылинки. Он поставил

пред собой руки и упёрся в кулаки подбородком, сердито нахмутив лицо. Он исподлобья глянул на Фёдора – тот поднял свою голову со стола. Поморгав глазами и потеряв руками лицо, Фёдор зевнул и что-то буркнул. Потом снова лёг на стол, и заснул. Михаил хохотал и что-то говорил Софрону. Молодой купец сидел, едва живой. И качался. Чокнувшись с Михаилом и выпив вина, он поставил кубок и улёгся спиной на бревенчатую стену, тяжело вздыхая.

Вдруг к столу приблизились трое мужчин. Они подошли к Михаилу со спины. Один из них, средний, был постарше, лохматый, с курчавой бородкой, и с загнутым носом, в сиреневом кафтане. Двое по бокам от него были молодые, в дорогих нарядных одеждах. Остроносый положил Михаилу руку на плечо и проговорил хриплым голосом:

– Будь добр, подвинься, братец.

– Да не вопрос! – Михаил пересел чуть правее.

Все трое уселись на скамью.

– Здорово, Степан! Как ты? – прохрипел мужчина в сиреневом кафтане.

– Херово! – рассерженно крикнул купец, расставив широко руки и раскрыв глаза. – Меня сегодня вино не берёт! А это кто?

– Я Иван Смольянинов! – гордо воскликнул молодой человек в вишнёвом кафтане, севший ближе всего к Степану. – Я, и мой брат Роман – мы сыновья Никиты Смольянинова, московского дьяка, который, между прочим, в казён-

ном приказе служит!

– Ого-го! – ответил Степан восторженно, нарочито насупив брови. – Как приятно...

– Мы к тебе не с пустыми руками! – заметил хриплый.

Иван достал из-за пояса большой завязанный мешок. Развязав, он вытащил из него тёмно-коричневый блестящий ящичек. И положил на стол перед собой. Он надавил на большую плашку, после чего крышка ящичка мигом взлетела вверх и он открылся.

– Аглицкие карты! – промолвил Иван, вынул из ящичка карту и показал Степану. На ней был причудливый цветастый человечек в золотой короне, со скипетром в руке. Иван положил её и начал доставать остальные. А после выгреб из ящичка горсть фишек. Остроносый мужчина, тем временем, собрал все карты в руку. Степан тотчас оживился:

– Так... Хорошо! Ну что ж, давайте – для начала, я ставлю рубль!

Хриплый засмеялся, тасуя карты:

– Хе-хе! Откуда у ты такие деньги? Ты ж гол, как сокол!

– Да какая к чёрту разница! Я тебе сказал, рубль!

– Ну хорошо! – хриплый улыбнулся.

Вдруг, Софрон открыл глаза и вперил взор в Степана. Поглазев на него немного, он неожиданно разразился речью:

– Ты... э-э... Степан! Ты ж продавал нам ковры и ткани заморские, да?! Почему ж ты перестал?

– Весь мой двор сгорел в пожаре! И люди мои все погиб-

ли, – мрачно ответил Степан со стеклянным взглядом, смотря перед собой. Рукой он выкладывал карты.

– Не просто сгорел, а подожгли его тебе! – вставил остроносый, – и ты сам знаешь, кто!

– Ты меня лучше не зли! – грозно крикнул купец, ударив своим тяжёлым кулаком по столу. – Я сказал, дом – сгорел!

– Ладно, ладно. Слыхал? – хриплый поднял со стола карту и поглядел на неё, задорно ухмыляясь. Он повертел карту. – Говорят, у каждого аглицкого немца – изо рта торчит какая-то херня! А оттудова – дым валит!

Сидевший в стороне Михаил неожиданно засмеялся:

– Я что-то такое слышал!

– Да уж! – смеялся, хрипя, остроносый. – На картах они такого не нарисуют! Эхе-хе! Из каждого младенца аглицкого, уже дымок сквозит. Черти они!

...

Софрон лежал на брёвнах стены, смотрел вверх. Ряды досок беспрестанно рябили в глазах. Огоньки стоящих на полках свечек безумно плясали, выписывая круговые узоры. С другой стороны стола были слышны звуки, сопровождаемые эхом. Кто-то говорил, смеясь: «Ха-ха... За тобою уже три рубля, Степан!». Всюду стоял гул – от музыки, от перемешавшихся криков и возгласов людей. И сильный звон. Софрон тихо повторял, чуть шевеля губами: «Ты сам знаешь, кто... Ты сам знаешь, кто... А кто ж мог двор Степана спалить-то?». Его внимание зацепилось за слова гусяра, кото-

рые тот распевал под звук своих гуслей, стенание гудка, трещотку деревянных ложек и барабанные удары:

«Гой еси-и-и ты, Алёша Попо-ович!

Хошь ли, я тебя огнё-ё-ём спалю!

Хошь ли, тебя копьё-ё-ём заколю!

Отвечал ему Алёшенька Попович млад:

Гой еси-и-и и ты, Тугарин Змеевич!

Бился ты со мною, о вели-и-ик заклад,

Биться, и дра-а-аться – один на один!»

Софрон резко выпучил глаза. Он отскочил от стены, поставил руки на стол и расставил их широко. Так, чтобы даже когда всё качается и пляшет, можно было удержаться, и не рухнуть. Вдруг, он неистово крикнул: «Я знаю!» и взмахнул рукой, что-то задев кулаком. Послышался лязг, и хохот сидящих за столом. Тут молодой купец начал вставать. Все вещи и лица – всё крутилось. Всё быстро несло по какому-то безумному круговороту, устремляясь в пучину! Но наконец, он поднялся, держась ладонями за край стола. Правой рукой Софрон нащупал лежащий на боку металлический кубок. Он цепко схватил его, взял с собой, медленно вылез из-за стола и ступил в пустое пространство:

– Я убью его! – угрожающе кричал со скорченным лицом молодой купец, размахивая кубком. – Святую Русь освободить нужно! От змея нечестивого, от Тугарина, от ящера проклятого!

Потрясая оловянным оружием, Софрон сделал пару ша-

гов вперёд. С двух сторон слышалась болтовня и смех. Он направлялся в другой конец кабака. Его сильно качало из стороны в сторону. Он разглядел вдали двух длиннородых мужиков с гусями. Они сидели на здоровенных бочонках. Гусли стояли у них на коленях. Рядом крутилась пара девушек в светлых платьях. А поодаль была высокая стойка. Из-за стойки гордо высилось туловище мужчины в роскошном алом кафтане с высокой соболиной шапкой на голове. Выпучив глаза, Софрон вопил:

– Вот он, Тугарин Змеевич! Целовальник проклятый! Иди сюда, – его правая рука опустилась на чьё-то плечо. Софрон облокотился на него. Раздался возглас: «Ты чё творишь?!». Внезапно кто-то толкнул его в грудь. Вдруг, всё пошло кругом. Один край дощатого пола загадочным образом начал подниматься вверх. И под конец, неспешно проплыв половину оборота, он легонько коснулся затылка Софрона.

...

Он увидел, что на дворе – ночь. Вокруг темно. Морозный, колючий ночной воздух резко обдал его лицо. Небо было ясное и звёздное. Кто-то вёл его, придерживая за руки, и приговаривая: «Тихо, тихо!». Они шли, по-видимому, возле кабака. Софрон обернулся и увидел, что дверь кабака была приоткрыта. Из щели исходило яркое свечение. Оттуда доносились шум, звон и весёлые голоса. Он повернул голову обратно. Впереди проскакала гнедая лошадка, на ней кто-то сидел. «Давай!» – вдруг крикнул ведущий его человек. А

потом стало совсем темно.

...

Софрон медленно шёл по лесу, по широкой тропе. Под ногами скрипели сухие веточки и маленькие деревца. Был день. Только небо наглухо заволокло мрачными серыми тучами. Большие толстые ели и сосны вздымались так высоко, что неба почти не было видно. Отовсюду торчали разлапистые колючие ветви. Сплетаясь, они преграждали путь. Софрон аккуратно отгибал и отламывал ветки, которые лезли ему в лицо, и переступал поваленные стволы.

Позади него послышался какой-то шелест. Кто-то шёл сзади. Раздался женский голосок: «Пойди сюда!». Он оглянулся. Посреди тропинки его встретила невысокая женщина в плаще и капюшоне, закрывавшем почти всё её лицо. Она потихоньку приближалась к Софрону. Когда она подошла совсем близко, молодой купец разглядел, что под плащом на ней было дорогое платье с серебристыми узорами и жемчугом. Она сбросила капюшон, голова её была в шёлковом платке. Лицо было в морщинах, ей было лет сорок. Она спокойно посмотрела своими светло-голубыми глазами на Софрона. Чуть-чуть нахмутив брови, она спросила его:

– Ты убил моего сына?

Софрон помрачнел и отрицательно покачал головой. Ему хотелось сказать: «Нет... не я!». Но он только бормотал что-то невнятное.

– Так ты убил моего сына?! – она вся побледнела, словно

не веря своим глазам. Её лицо скорчилось от боли. Надрывно вздыхая, женщина тут же стала кричать. – Ты убил моего сына!

Она зарыдала, и по щекам покатились слёзы.

Софрон в отчаянии мотал головой. Он так хотел сказать. «Я ни при чём!». Он подошёл ближе, хотел успокоить, потянул к ней свои ладони. Но женщина, разинув рот, словно пасть – истошно завопила! Софрон в ужасе убрал руки.

Где-то слышался топот копыт, возгласы и лязг стали. Внезапно, из сердца женщины выскочил чёрный всадник на чёрном коне, машущий острой саблей над головой. Женщина запыхала! Она обратилась в языки пламени. Сквозь пламя, вслед за быстроногим скакуном понеслись толпой маленькие чёрные люди, каждый тряс мелких клинком. Огонь расплывался по лесу – деревья зажглись разом. Повсюду стоял треск, валил жар. Всё вокруг загорелось.

Человечки несясь, нещадно рубили саблями налево и направо. Они кричали и хохотали. Рубили людей, рубили деревья. Стояли жуткие вопли и плач. Среди огня, на острых кольях дрожали нанизанные обуглившиеся куски тел – ноги и руки торчали в разные стороны. Вместо деревьев остались лишь обгоревшие чёрные стволы, заострённые кверху, как кольца. Загорелись небеса. По всему пылающему пространству растянулась вереница тёмных людей с саблями. Они мчались вслед за удалым предводителем – чёрным всадником на коне.

Вдруг, весь огонь погас. Завыла выюга. Всё вокруг укутала толстая непроходимая пелена. Снег нёсся в жутком вихре метели, сбивая Софрона с ног своим мощным напором. Но снежная мгла стала потихоньку рассеиваться. Белые хлопья уже сыпались как всегда, слегка наискось. Дул холодный ветер. Софрон посмотрел по сторонам: везде были льдины, занесённые снегом. Он сам стоял на бело-голубой льдине. Кругом вздымались горы льда, высились ледяные скалы. Он глянул под ноги. Потом посмотрел перед собой – и ужаснулся! Перед ним стоял здоровенный белый медведь, высотой в три сажени! Медведь грозно заревел, и замотал своей острой мордой. Он поднялся на огромные задние лапы, став в три раза выше человека. Он замахнулся своей когтистой лапой – она полетела Софрону прямо на голову!

...

Софрон раскрыл глаза. Он проснулся. Вскочил с голого деревянного ложа, и в ужасе посмотрел по сторонам. Он был в избе. Здесь было темно и тесно. Лишь через маленькое окошечко в верхнем углу стены проникал в избушку лунный свет, оставляя длинную яркую полосу на пыльном деревянном полу. Возле окошка, на полке, стоял образок с ликом Христа. С этой полки Христос сердито взирал на Софрона. Софрон упал на колени, и принялся старательно креститься, судорожно повторяя: «Святой боже, святой крепкий, святой бессмертный...». Повторил три раза. Потом отчаянно воскликнул, прослезившись: «Господи, помилуй ме-

ня, грешного!». Затем встал, ещё раз перекрестился, смотря на образ, и поклонился ему. После чего бросился к небольшой дверце. Дверца слегка посвистывала. От неё тянул морозный воздух. Он схватился за ручку, дёрнул – и дверь отворилась. Молодой купец выскочил из избы.

Он попал на просторную пустую площадку. Было очень холодно, и очень тихо. Двора не было, возле избы торчали только какие-то остатки плетнёвого¹⁸ забора. Вокруг стояли большие и малые бревенчатые избы. Пространство освещалось луной и звёздами. Софрон схватился руками за голову: «Ох! Чёрт возьми, ну и дрянь! Сука, сглазил кто-то!» – прошептал он. Голова чуть-чуть побаливала. Он плюнул в сторону. И отдышался. Из-за холода, от его рта шёл пар. «Гнедая лошадка! Это ж моя – моя лошадка была!» – вспомнил с горечью Софрон. Он присел на землю, на небольшую кочку, покрытую снегом. Заледенелая корка хрустнула под ним. Он понурил голову.

Вдалеке были слышны какие-то звуки. Софрон сидел, хватаясь руками за голову и дёргая за волосы. «Что ж это такое? Что делать?!» – думал он в отчаянии. Он прислушался к отдалённым звукам. Как будто кто-то что-то говорил или напевал. Он встал с кочки, и медленно пошёл туда, откуда доносились звуки. Под сапогами хрустел замёрзший снежок. Он пошёл по широкой улице, между рядами теремов. Постепенно, звук становился всё сильнее и отчётливее. Кто-то пел.

---

¹⁸ Плетень – ограда из прутьев и веток

Молодой купец остановился. Он свернул направо и пошёл по другой улице. Наконец, он увидел знакомую избу с открытой дверью. Кабак!

К нему навстречу шли, обнявшись, двое пьяных мужчин. Они орали песню:

– Есть те-е-рем, в Новгороде, о-о!

– Зовётся – со-о-олнца восход!

– Он многих молодцев... сгубил! И я – оди-ин из них!

Софрон обошёл их и нырнул в кабак. Здесь по-прежнему было светло и тепло. Но народу было сильно меньше. Он направился в дальний угол кабака. Туда, где прежде сидели товарищи.

За длинным столом сидели носатый мужчина, и двое братьев в светло-зелёном и вишнёвом кафтанах, слева и справа от него. В конце стола сидел Степан. На столе были разложены карты и фишки. Роман обхватил голову руками. Выражение лиц других двоих было тягостное. Иван подавленно глядел в стол, лишь иногда поднимая взор. Остроносый нервно дёргал глазом, и злобно посматривал на Степана.

– Мда. Ну давай, показывай, – прохрипел он.

Тут подошёл Софрон.

– О! Кого я вижу! – весело воскликнул Степан. – Садись к нам!

– Скажи наперво, где моя лошадь? И где мои вещи другие?! – возбуждённо произнёс молодой купец.

– Да всё с ними в порядке! – ответил купец. – Садись!

Софрон не стал спорить, и присел на лавку у стены, слева от Степана. Тот перевернул две карты, лежавшие перед ним. И с жаром воскликнул, глядя в лицо остроносому: «Два короля!». Иван обречённо покачал головой. Хриплый что-то невнятно пробормотал. Наконец, он убрал руку со стола, и вынул из-за пояса мешочек. Он бросил его на стол, перед Степаном. Внутри мешочка гремели монеты.

– Рыжий диавол, – заключил хриплый, – обокрал, злодей.

Степан улыбался. Потом промолвил, смотря на Ивана:

– Чем будете платить?

– Нечем, – отвечал тот.

– Как это, нечем?! На чём вы сюда добрались?!

– Забирай! – неожиданно произнёс издалека Роман, подняв голову. – Но больше ничего не бери! Оставь в покое, ради Бога!

– Да пожалуйста! – дружелюбно воскликнул Степан. – Мне и этого добра на сегодня хватит!

Он подвязал мешочек с деньгами к поясу, и сказал: «Пойдём, Софрон!». Молодой купец дивился случившемуся. Степан встал из-за стола, и они пошли вместе.

– Всю ночь играл! – весело рассказывал Степан, – поначалу было худо. А потом как заладилось! – он весело похлопал Софрона по плечу. – А ты? А ты вылез тогда из-за стола зачем-то!

– Ох, что-то припоминаю...

– Пошёл куда-то, и упал! Ха-ха! Миша тебя увёл отсюда.

– А кто ж на моей лошадке ускакал? – взволнованно спрашивал Софрон.

– Фёдор! У него она. Да всё в порядке, отдаст он её тебе!

Они подошли к задней двери кабака. Отворив её, вышли на мороз. Всё ещё стояла ночь, но звёздное небо уже немного посветлело. Справа от них раздалось громкое лошадиное ржание. Здесь, у выхода, стояло два здоровых коня: один чёрный, а другой – серый в яблоках. Они были привязаны к толстому столбу. Степан подошёл к нему и отвязал их. Он тотчас же вскочил на вороного коня, и крикнул Софрону: «Полезай на серого! Дарю!». Софрон в изумлении раскрыл глаза, стоя на месте, и не решаясь что-либо сделать. Но потом опомнился, и подошёл к коню. Поместил сапог в стремя. И, поднатужившись, забрался в седло. «Погнали!» – крикнул Степан, хлестнув поводьями по чёрной спине лошади. Она понеслась во всю прыть.

Они летели по посаду. По большой и широкой улице. Острые крыши теремов мелькали по сторонам. В некоторых окошках горели огоньки. Под тяжёлыми копытами коней вдребезги разбивались замёрзшие лужи. По дороге брёл какой-то мужик с деревянным ведром. Заслышав конский топот, он с воплем бросился в сторону, роняя ведро. Хоромы да избёнки всё мелькали и мелькали. Вдруг Степан крикнул: «Свернём налево! Я знаю одно место». Наездники резко свернули влево, попав на другую улицу. И понеслись дальше.

Дворы попадались всё реже. Изб становилось всё мень-

ше. Копыта коней пробивали толстую заледенелую корку смёрзшегося снега. Впереди показался холм, покрытый снегом, почти лысый. Только по бокам его торчала парочка деревьев. Вслед за вороным конём Степана, Софрон с лошадю взлетели по пологому склону на вершину холма. Степан резко остановил коня. Софрон следом затормозил и своего. Загнанные лошади устало сопели и фырчали. «Тише, тише!» – Степан погладил своего коня по голове. Они медленно провели коней к другому краю холма. Софрон остановился справа от Степана.

Пред их взором, вдали, раскинулась широкая Волга. Она была вся белая, лишь кое-где виднелись сероватые проталины. За нею – леса и пажити. Скучившиеся длинные берёзы хмурым одеялом закрывали половину другого берега реки, перемежаясь с темноверхими рыжеватыми сосенками. В стороне открывались просторы, ещё не освободившиеся от снежного покрывала. Везде белым-бело, но кое-где чернели крошечные зданьица деревень и заимок.

Небосвод просветлел. По всей его синеватой глади сверкали звёзды. А с нижнего края разгоралась заря. Здесь небо окрасилось в оранжево-золотистый цвет. Софрон дышал глубоко, наполняя грудь морозным воздухом, и клубами выдыхая пар. А слева вороной конь Степана, разбрасывая снег, перебирал копытами. Лёгкий синий халат купца сверкал рисунками серебряного узора. «Как же холодно!» – подумал Софрон, потирая застывшее лицо.

Он посмотрел вправо. Там, вдалеке, на пригорке, выси-лась крепость. Рубленый город! С мощной стеной из брёвен. По всей её длине проходил ряд бревенчатых башен разной высоты, больших и малых, с заострёнными верхушками. За стеной вздымался красивый белокаменный храм, украшен-ный зеленоватой росписью. В свете едва взошедшего солнца, огромные и толстобочие золотые купола блестели и искри-лись.

– Какая красота! – говорил Софрон, смотря на крепость и на купола. А затем на другой берег Волги – на леса, на белёсые поля, на пустоши¹⁹.

– Да, чудесно! – отвечал Степан, – но уж очень холодно!

Постояв так ещё какое-то время, они медленно разверну-ли коней в обратную сторону. Пред их взором открылся вид на Ярославль. Сотни теремов и избышек лежали как на ла-дони – стояли порознь, как будто сторонясь друг друга. Из их крыш торчали сказочные резные фигуры. По всему поса-ду было зажжено множество крохотных огоньков. Но их ста-новилось всё меньше. Повсюду тянулись тоненькие столби-ки дыма. Наконец, на горизонте выглянуло яркое золотистое солнышко! Степан и Софрон прищурились от его света. Ко-ни под их сёдлами заворчали, и замотали головами.

– Хотел тебя спросить, – учтиво произнёс Софрон. – Для чего едешь в Архангельск?

– Товарища желаю проведать, купца одного, – отвечал

---

¹⁹ Пустошь – запустевшая, заброшенная территория

Степан. – Давно его знаю. Давно не виделись!

Снизу, со стороны посада, отдалённо зазвучал колокол. Было видно, как там, внизу, появлялись люди – и потихоньку заполоняли улицы. «Но-о!» – крикнул Степан нетерпеливо и ткнул коня в бок. Конь рванул. Вместе с Софроном они полетели вниз по склону – в посад.

[1] Нарты – сани, запряжённые оленями или собаками

[2] Малица – верхняя одежда из оленьих шкур мехом
внутри с капюшоном

[3] Зернь – игра в кости

[4] Толмач – переводчик

[5] Охабень – русская распашная верхняя одежда с откид-
ными рукавами

[6] Ферязь – парадная верхняя одежда без пояса и ворот-
ника

[7] Хоромы – просторный деревянный дом

[8] Клеть – постройка для хранения имущества, кладовая

[9] Тафта, как и парча – дорогая шёлковая ткань

[10] Постаб – кусок сукна фиксированного размера

[11] Гость – это купец

[12] Полавочник – покрывало для лавки

[13] Ворвань – жир морских млекопитающих, белого мед-
ведя или рыб

[14] Палаты – каменное здание со сводами

[15] Немцы – иностранцы из Западной и Северной Европы (англичане, голландцы и др.)

[16] Братина – вид посуды, большая вытянутая ёмкость для еды или напитков

[17] Целовальник – должностное лицо, ведавшее поступлением в казну денежных доходов

[18] Плетень – ограда из прутьев и веток

[19] Пустошь – запустевшая, заброшенная территория

Глава 2. К устью Двины.

В вытянутой комнате, за письменным столом, сидел молодой парень, в лёгкой белой рубаше. Склонившись над пустой бумажной книжицей, он выписывал на её листах буковку за буковкой, иногда макая перо в чернильницу и поправляя золотистые космы, падавшие на лицо. И поглядывая, время от времени, в книгу побольше, что лежала вблизи и была открыта. По правую руку от него высокое узорчатое оконце испускало яркий свет, лучи весеннего солнца падали прямо на стол. На столе стояло ещё несколько стопок всяких книг, обёрнутых кожей, цвета и тёмного, и светлого, с железными заклёпками и застёжками. Молодой писец терпеливо наносил чернила на чистую страницу:

*«...К Тебе привержен есмь от ложесн,
от чрева матери моя Бог мой еси ты.
Да не отступиши от мене, яко скорбь близ,
яко несть помогаяй ми.*

*Обыдоша мя тельцы мнози,
юнцы тучнии одержаша мя.
Отверзоша на мя уста своя,
яко лев восхищай и рыкай».*

Вновь обмакнув перо, он коснулся им бумаги, и, скрипя, продолжил выводить:

*«...Яко вода излияхся,
и разсыпашася вся кости моя,
бысть сердце мое яко воск,
таяй посреде чрева моего.*

Изше яко ск...»

Он вдруг запнулся. И тяжело вздохнув, раздражённо убрал перо в чернильницу. Чуть приподнявшись грудью от стола, он угрюмо посмотрел в окно. С улицы слегка доносился шелест копыт и чьи-то малопонятные разговоры. Светлое и румяное лицо молодца стало ещё светлее, он прищурил свои голубые очи. А после снова обратил взор к столу. Закрыв глаза, он поднял вверх ладони и положил туда свою голову. Видно, опять пришла на ум недобрая мысль...

...В ту пору была зима. Иван стоял в тёплом кафтане, отороченном мехом, на заснеженном берегу Волги, на просторной речной пристани. Только едва слышимое карканье вороньей стаи в небе разбавляло холодную серую тишину этого дня. Слева, вдали, лежали лодки, припорошенные снегом. Там же стояла маленькая избушка. С правой стороны высились какие-то хоромы, где пофыркивал привязанный белый конь. Вдалеке, на льду реки, было двое рыбаков в шубах, которые возились возле проруби и бросали туда невод. Иван глядел на другой берег, на ряды стройных, вытянувшихся к серому небу берёз и сосен. Среди них кое-где виднелись пустые прорехи со стоявшими там избёнками и клетями.

«Ваня!» – послышался сзади голос. Он обернулся. К нему слегка неуклюже шла девушка в шубе, вишнёвого цвета с серебряным узором. На ней была вишнёвая шапка на меху, из-под шапки на плечи спускались чёрные волнистые пряди волос, а на виски падали две жемчужные подвески. Иван пошёл ей навстречу. Взял за плечи и слегка притянув к себе, поцеловал её. Они молча смотрели друг другу в глаза, пока он не сказал:

– Боже мой, как я тебя давно не видел! Почему же ты тогда уехала?

– Батюшка велел отъезжать, дела у нас объявились срочные. Прости, – вежливо ответила она, опустив глаза.

Помолчав, он чуть смущённо промолвил: «Пойдём, что ли, вон туда...» и показал рукой в сторону выложенных вдалеке лодок. Она ответила: «Пойдём». Они медленно зашагали по неглубокому снегу вдоль берега широкой и заледенелой Волги. Иван смотрел на свою спутницу. Её взгляд был опущен. Он спросил:

– Как твои дела? Помнишь, ты хотела написать продолжение моего письма? – улыбнулся Иван. – Да чтобы краше, чем у меня!

– Помню...

...Иван медленно поднял голову. Что-то заставляло его сердце колотиться очень сильно. Он просидел ещё немного, нахмурившись и согнувшись над книгами. Потом взял перо

из чернильницы, смахнул упавшие на лицо волосы и продолжил писать, и уже подошёл к концу:

*«...Яко Господне есть царствие,
и Той обладает языки.*

*Ядоша и поклонишася вси тучнии земли,
пред Ним припадут вси низхдовци»*

Иван запнулся. Взволнованно буркнул: «Твою мать, что ж такое... прости, Господи». И постарался, насколько это возможно, сделать свою описку неприглядной:

*«...пред Ним припадут вси низходящи в землю,
и душа моя Тому живет.*

*И семя мое поработает Ему,
возвестит Господеви род грядущий.*

*И возвестят правду Его
людем рождшымся, яже сотвори Господь».*

На этой фразе молодой писец поставил точку и окончил своё занятие. Он взял стоявшую подле рукописи маленькую железную песочницу и хорошенько посыпал обе страницы. Отряхнув песок, он захлопнул свою книгу. Затем аккуратно закрыл другую, большую книгу, с которой переписывал псалом. Вытянув спину и расправив плечи, Иван три раза перекрестился и поблагодарил Бога за милость, которой тот осенил его работу. Потом встал, взял со стола книжицу и пошёл с нею из писчей комнаты.

Полностью застегнув вытянувшиеся в ряд до самого воротника пуговицы своего коричневого кафтана, Иван взял с

лавки завязанный мешок. Он отворил дверь и вышел из сеней на крыльцо. Жмурясь от солнца, спустился по лесенке вниз и пошёл к конюшне.

Зайдя в конюшню, подошёл к уже опоясанному сбруей большому белому коню, смиренно склонившему голову и тихонько посапывавшему. Иван привязал мешок к седлу, а потом погладил коня возле гривы, сказав с улыбкой: «Ну что, поедем с тобой, Лукьян, в Спасский?». Лукьян бодро фыркнул в ответ и покачал мордой. Молодец поставил ногу в стремя, взобрался на коня, ткнул его слегка в бок сапогом и конь направился к выходу на двор. Оказавшись во дворе, седок направил своего коня в сторону открытых ворот, и тот потопал копытами по вязкой грязи и ещё не стаявшему снегу на улицу.

...

Конь шёл неспеша. Иван, сидящий верхом, потихоньку продвигался по длинной посадской улице, поглядывая по сторонам, чтобы ни на кого не натолкнуться. Улица была многолюдной. Люди шумели. По сторонам вздымались хоромы, стояли клетки. Шли ряды заборов, ограждающих дворы от злоключений внешнего мира. Тот день был неделей – был праздник, и народ гулял. Иван, тем временем, уже приблизился к месту, где улица слегка сворачивала. Тут пошла деревянная мостовая. Конь, постукивая подковами, побрёл далее по плотно уложенным доскам. Слева из-за переулка появилось трое стрельцов в блёклых зеленоватых кафтанах.

Они шли один за другим, рядком, каждый держал по увесистому бердышу с заострённым лезвием. Иван потянул на себя поводья и остановил коня. Стрельцы прошли перед его мордой, а потом скрылись за домом на правой стороне улицы. Молодец двинулся дальше.

Как и днём ранее, светило солнышко, но уже было облачно. Ночью подморозило. Снег ещё лежал по краям крыш, временами игриво сверкая, когда яркое солнце выходило из-за туч. Когда же оно пряталось за ними, то улица сразу выцветала и темнела, и дующий прямо в лицо ледяной ветер пробирал до костей. Вдруг сзади слышался гул. По деревянному настилу тяжело стучало множество пар копыт, гремели колёса. Иван отвёл коня чуть в сторону. Люди также разошлись ближе к краям улицы. Слева от него проехала пара запряжённых лошадей, они тянули, одну за другой, две высокие колымаги²⁰, дорогие и лощёные. Вереница обошла молодца, и ушла вперёд. Впереди дощатая мостовая заканчивалась. Заканчивался и ряд теремов по левую руку. А за ними уже была большая торговая площадь.

На площади собралась толпа народу, чтобы посмотреть на скоморошья игрища. На глазах людей полтора десятка глумотворцев в больших чудаковатых масках, мужчины и женщины, плясали и резвились, и носились друг за другом. Догонявший лихо хватал настигнутую за грудь, за плечи и за руки. В этот момент толпа разбивалась мощным хохотом, на-

---

²⁰ Колымага – закрытый возок, карета

чинались выкрики. Кто-то пытался бросить в скоморохов камень. Вместе с шумом голосов, игрища сопровождал звон гуслей, трель дудок и протяжный вой гудка. Проходя на коне мимо площади и поглядев на толпу и выступающих, Иван скорчил лицо, презренно покачал головой и вымолвил про себя: «Беснуются, окаянные!». Он хлестнул коня поводами. Тот ускорил шаг и наконец перейдя на рысь, понёсся вперёд, оставляя торжище с его забавами позади.

...

Вдалеке показалась выбеленная каменная крепость Спасского монастыря. Отдельные участки монастырской крепостной стены, покрытые тёсом, соединяли собой угловатые башенки с высокими шатровыми верхушками. Из-за стены выглядывали тёмные купола церквей. Иван нёсся быстро, по большой широкой дороге, конь взбивал копытами грязь и расплёскивал воду в лужах. Приближаясь к крепости, он заметил впереди себя знакомый поезд: одна за другой блестящие повозки и двойку лошадей, придерживаемых возничим. Сбавил темп и неторопливо последовал за второй, крайней колымагой.

...

Впереди вздымалась крупная проезжая башня, с двух сторон обрамлённая белокаменными пряслами крепостной стены. В основании башни были ворота, отворённые настежь. Широкая дорога, немного изгибаясь, вела туда.

Иван очутился внутри крепости. Лукьян остался в мона-

стырской конюшне. Молодец зашагал в сторону величавого белокаменного храма. По сторонам стояли церкви, часовни и разные зданьяца. Впереди остановились две колымаги. Дверь переднего возка открылась. Оттуда высунулся пригнувшийся мужчина в длиннющей меховой шапке, на нём была сверкающая на солнышке узорчатая шуба, обитая мехом. Неспешно разгибаясь, взяв в руку небольшой посох, он важно ступил на землю и вылез из повозки. Следом отворилась дверца второй колымаги. За сановитым господином из обеих возков выходили его спутники в дорогих цветастых одеждах.

Иван обошёл колымаги, стоявшие у входа в храм. Дальше тянулся придел с белыми стенами. В конце был выступ, отходивший влево. К нему Иван и шёл. По пути встречались шедшие навстречу иноки в чёрных ризах: кто брёл в одиночку, а кто группкой в два-три человека, переговариваясь между собой.

...

Он медленно шагал с мешком в руках по узкому и длинному коридору, тихо постукивая подошвами сапог по каменному полу. Коридор был белоснежный и светлый. Свет изливался из крохотных окон, ютившихся в глубоких причудливых выемках по бокам. Наконец, свернув направо и пройдя ещё немного, молодец остановился у двери, и постучал. Он медленно приоткрыл её, и зашёл в небольшую келью.

Пред взором Ивана, в центре комнатки, сидел за столом

здоровый широкоплечий старец с круглым лицом, в чёрной иноческой шапке и чёрной рясе, с бородой и золотым крестом на груди. На столе беспорядочно лежали бумаги и грамоты. Старец, нахмурившись и что-то бормоча, проворно скрежетал пером по длинющему вытянутому свитку, один конец придерживая левой рукой. С левой стороны кельи, по правую руку от пишущего, было высокое окно. За спиной монаха на белокаменной полке громоздились стопки книг. А в правом углу, на другой полке, чуть выше, стояли иконы. Перед ними мерно колыхался огонёк уже дотлевавшей маленькой свечки.

Иван перекрестился и поклонился образам.

– Здравствуй, отче! – приложив правую руку к груди, он поклонился старцу.

– Здравствуй, Ваня, – ответил могучим и низким голосом игумен. Вдруг остановив перо, он что-то сердито хмыкнул. Потом резко продолжил писать и в конце совершил напористый росчерк. Убрав перо в чернильницу, он аккуратно свернул грамоту и отложил её в сторону. Старец поднял своё широкое и толстое лицо с круглым носом, и сказал. – Садись. Что тебе нужно?

– Как и обещал, – Иван присел за стол, напротив игумена, и стал развязывать свой мешок, доставая оттуда книжицу, – сделал давеча небольшой сборник. Святых отцов слова кой-какие переписал, которые счёл самыми важными и подходящими. Здесь же их жития и несколько псалмов, –

молодец отдал её старцу в руки.

Тот положил и раскрыл книгу, и стал внимательно ли-
стать:

– Хм... Как ладно все буквы стоят, красиво как написа-
но! Кто это тебя научил? – одобрительно воскликнул игумен,
улыбнувшись.

– Близкий человек один.

– Ну и ну! Я отдам твой сборник Варламу. Он проверит,
нет ли каких ошибок значимых, которые бы правду искажа-
ли. Но, как бы то ни было, нынче люди грамотные да благо-
разумные – вовсе поперевелись! – громогласно молвил ста-
рец и серьёзно взглянул на Ивана. – Таких, как ты, кто бы
писал с усердием что-то разумное, ради чтения христианам,
чтения душеполезного – таких с великим трудом отыскать
случается! Бог тебя мудростью книжной наделил, Иван. Ду-
мается мне – как Иоанна Златоустого, как Иоанна Лествич-
ника. Подобною мудростью, – нахмурившись, покачал голо-
вой игумен.

– Благодарю тебя, отче, за эти слова! Не таков же я, прав-
да, как они. Грешен премного, и, к тому же, мирской я чело-
век, – Иван сокрушённо вздохнул. – Но для того есть у меня
к тебе, отче, просьба.

– Говори.

– Постричься желаю в иноки. Не решился ещё, да обду-
мываю.

– Ежели хочешь, то нужно. Только готов ли оставить на-

век все здешние мысли? Отринуть страсти душевные? Может грех тебя точит? Уныние, али помыслы блудивые. Хм?

...

Поднявшись по ступенькам паперти, перекрестившись и поклонившись, молодец прикоснулся к толстой створке высоких дверей церкви. Он осторожно потянул рукой дверь. С тяжёлым скрипом она поддалась. Иван с волнением шагнул вперёд, и оказался в храме.

Пройдя притвор, он попал в главный зал. Здешнюю темноту рассекали лучи, струившиеся из тонких прорезей высоко над головой. Там, под объёмными сводами, пылали десятки свечей в паникадилах. Своды держали несколько колонн. Внизу везде стояли свечи. Зал, колонны, и своды – всё было расписано бесконечным числом фигур святых, плывущих по жёлто-золотому океану вселенной.

Шаги отзывались эхом. Издали, от алтаря, тихо, но в то же время звучно и степенно лилась хоровая музыка – томное многоголосое пение. Поодаль стоявшие у столика с иконами спутники знатного господина, наклонив голову, бесшумно шептали каждый свою молитву и крестились. Иван медленно ступал вперёд. Он вдруг вздохнул и нахмурился, опустив взгляд, остановившись и обдумывая в своей голове то, что сказал ему игумен...

– Для противления козням и прелестям дьявольским крепость духа нужна! – грозно воскликнул сидевший пред Ива-

ном круглолицый старец, упорно смотревший ему в глаза. – Тому примером Иоанн Предтеча. В пустыне всю жизнь прожил до тридцати лет! Носил едино вельбужье рубище, а питался тем, что пустыня родит. И ты – молитвою и верой, и старанием, и трудом великим – так только и сможешь из грешных мыслей вырваться!

Игумен глянул в сторону и помолчал. Но посмотрев опять на собеседника промолвил громогласно:

– А когда он к тому стал готов, тогда и Господь позвал его! Позвал, чтобы проповедовать людям, и чтобы учить их о пришествии к ним Сына Своего. Вот, как можно к Богу приблизиться, сделаться готовым голос Его услышать. Но только великими трудами, только усмирением плоти и возможно! А о праздности, и об унынии, – игумен поднял вверх палец, – сказано, что уже и секира при корени дерева лежит: всяко древо, не творящее плода добра – посекается, да во огонь вметается!

Он задумался, затем воскликнул:

– Я знаю, что тебе для ума и души будет полезно! – повернулся к выступу со стопками книг за его спиной, и взял оттуда одну. – Почитай эту «Хронику греческого царства». О том, как цари Константина града с погаными боролись. Долго то продолжалось. Но Господь их предал в руки нечестивых агарян. А под конец и пред ордами турскими устоять не дал, то им за грешную их жизнь сделалось, – игумен тяжело вздохнул. – Подумай над этим...

...Иван подошёл к стене. Рядом на высоком подсвечнике мерцали огоньки, освещая и бросая на неё тени. Стена была искусно расписана. Строгой и грубоватой выглядела фигура святого – на золотистом фоне был изображён худой смуглый мужчина, с курчавой бородкой и в чёрном рубище. Позади и возле него вздымались рыжевато-песчаные скалы. У ног, в золотой чаше, лежала его же отрубленная, косматая голова, с опущенными веками. При ней был нимб. По другую сторону от ступней торчали два деревца. Возле них приставили секиру.

Иван упал на колени, сложив ладони:

– Крестителю Христов, – взволнованно начал он, – моли-ся ко Владыце за мене, недостойного, унылого, немощного и печального, во многие беды впадшего, утруждённого бурны-ми помыслы ума моего! Аз бо есмь вертеп злых дел, отнюдь не имеяй конца греховному обычаю, пригвожден бо есть ум мой земным вещем...

...В левой руке святой держал свиток. Там была надпись: *«се, Агнец Божий, вземляй грехи мира: Сей есть, о Немже аз рех»*. Правая рука была воздета кверху и вправо. Туда же он обратил и свой кроткий взгляд. Оттуда, сверху, из тёмного лоскута таинственной мглы небес, к пророку была простёрта длань Господа со сложенными пальцами...

– Что сотворю, не вею, и к кому прибегну, да спасена будет душа моя, токмо к тебе, святой Иоанне! – дрожащим голом

и со слезами молился Иван. – Ты сподобился еси коснуться верху Царя Христа, вземлющего грехи мира, Агнца Божия! Егоже моли за грешную мою душу...

...Над макушкой Иоанна Предтечи простирались вверх одна за другой новые росписи – иные события, иные фигуры святых. Здесь, наверху, в вертикальной прорези было окно. Поодаль, чуть качаясь, висела люстра со свечами. Ещё выше, над святыми, парили ангелы с белоснежными крылами, покрывавшие своей цепью верхушку всего зала. В центре огромный свод глубоко вдавался в потолок. Там, на вечном престоле, пребывал белобородый старец в светлом одеянии с приподнятой правой рукой, издалека взирая на крохотных людей внизу. На коленях у отца сидел отрок в каштановом хитоне. Над головой мальчика пархал белый голубь...

– ...обнови душу мою покаянием, яко вторым крещением, понеже обоего начальник еси, крещением омывая грех, покаяние же проповедуя во очищение кождо дел скверных. Очисти убо мя, грехми осквернённого, и понуди внити, аможе ничто же скверно входит, в Царствие Небесное, аминь!

...

Над крышей храма возвышалось пять чёрных куполов с золотыми крестами. Четыре по краям здания, а из середины – один высокий и крупный.

По голубому небу быстро плыли облака. Кресты поблёскивали в лучах солнца. На самом большом, центральном кресте уселась синичка. Ветер порывами трепал её, пытаясь

сбросить вниз. Птичка нервно прыгала по золотистой жерди и всё взмахивала крылышками. Наконец, вспорхнула и полетела.

Внизу раскинулось всё монастырское подворье, окаймлённое каменной полоской крепостной стены. Храм, придел, церквушки и часовенки, одиноко торчащие деревья и крохотные избышки потихоньку двигались, уходя из виду. Из зданьца конюшни, где-то там внизу, выскочила маленькая фигурка – кажется, всадник на белом коне. Она быстро полетела к воротам стены, выплыла за ворота и унеслась прочь.

...

Иван, сидя на коне, глядел по сторонам. Прямые золотистые волосы, спускаясь с макушки, покрывали его уши и затылок. На молодом румянном лице слегка только виднелась белёсая щетина. Если выглядывало солнышко, он прищуривался. Он присмотрелся. Впереди, между людьми шла серая лошадь в яблоках. На ней сидел его друг Софрон.

Друзья слезли с коней, и радостно обнялись. Иван поведал о том, что был в монастыре. Софрон, в свою очередь, предложил другу присоединиться к нему в походе на север.

...

Шли на лошадях в сторону реки. Домов вокруг было мало. Среди серо-коричневой округи белел снежок, торчали деревья.

– ...из Вологды видный человек, приехал к нам недавно, и знаешь, чего хочет?

– Чего?

– В Архангельск ехать, к морю студёному! Меня с собою берёт! И ещё двоих. А я – тебе предлагаю – ездй с нами! Завтра уже отправляемся.

– Ничего себе! Насколько мне известно, дорога туда далёкая. Сначала к Вологде, потом по многим рекам. А там такие леса дремучие есть, где ни одной души христианской, только зверь лютый! И чрез те леса добираться до самой летней поры придётся. Опасно...

– Это правда. Зато выгода большая. Оттуда наши купцы со всяким дивным добром возвращаются. Добро это привозят немцы на огромных кораблях из далёких стран! Я ж знаю – ты хотел в далёкие края поехать, ты сам мне говорил. Как Афанасий Никитин в Индийское царство!

– Ну, – вздохнул Иван. Он перекрестился. – Да уж... Какая затея! Уговорил. Поеду с тобой.

Путники придержали своих коней. Те потихоньку спустились по склону. Дальше пошли по низине. Небо укутали серые угрюмые облака.

– Голова чуток болит, – жаловался Софрон, – вчера такое было!

– И что же было? – улыбнулся Иван.

– В кабаке сидели всю ночь с товарищами...

– Погляди-ка вон туда! – Иван протянул руку и показал. – Кажись, усадьба чья-то была. Знатного, видать, человека – большая!

Вдали, у берега Волги, на заснеженном пустыре чернели куски обгоревших бревенчатых стен, вздымаясь между берёзками. Сожжённые почерневшие брёвна напоминали стоявшие когда-то ряды хором – широкое роскошное подворье, обнесённое оградой. То что, осталось от былой усадьбы, навевало мрачные чувства.

– Всё в Божьей власти, – грустно промолвил Иван. – Сколько ни копи богатств, как ни поднимайся высоко среди людей в здешнем мире – однажды гром нагрянет. Если хоть и смерть не придёт – то огонь все богатства земные разрушит... А когда тому быть – никому не ведомо. И как не старайся, этого не упредишь.

– Пойдём посмотрим, – сказал Софрон, остановившись. Он пристально вглядывался в тёмные развалины. Его друг также остановился, конь Лукьян стал подле серого в яблоках.

– Зачем? Раз голова болит, поехали домой.

– Не хочешь, как хочешь. Подожди меня тогда.

Молодой купец слез с лошади. Он побрёл по хлипкому снежку вперёд, в сторону реки.

Шагнув в пространство меж обломков стены, туда, где раньше была дверь, он осторожно ступил ногой на припорошенный снегом деревянный пол. Пол заскрипел. Вверху над головой белел небосвод. Изба была очень просторной. Укрытые тонкой снежной пеленой, торчали отовсюду валявшиеся обугленные брёвна и доски. Под сапогом Софрона хрустнули кусочки оконной слюды. Он аккуратно перешагнул горку де-

ревяшек и подошёл к узкому пролому между двумя кусками здания. Вступив в небольшой сугроб, молодец встал в проёме и вальяжно оперся руками о торчавшие по бокам брёвна. Перед ним раскинулась серовато-белёсая гладь реки. На другом берегу высился плотной стеной непроходимый сосновый лес.

Софрон вдохнул полной грудью холодный воздух. Умиротворённо улыбаясь, он глядел на другой берег. Пошёл снег. Посыпался наискось. Дул сильный, порывистый ветер. Молодой купец потёр ладонью нос и щёки. «Если это Степановы хоромы, жаль его. Погорело всё, и без гроша остался» – думал он, выдыхая пар.

Софрон отодвинул сапогом грудю осколков вместе со снегом, и неторопливо зашагал по дощатому настилу в дальний угол избы, к пустой дверной выемке. Заглянув в этот проём и покрутив головой, он увидел вокруг лишь пару кусков здания. «Ничего любопытного» – подумал купеческий сын. Он развернулся и пошёл к выходу, откуда заходил в избу.

Он остановился. На широком заснеженном полу, по центру, была крошечная кучка снега. Софрон подошёл к ней ближе. Возле неё шло параллельно несколько тонких полосочек. Он поднёс сапог, чтобы смахнуть снег, вместе с горкой. Сапог ударился о выступ. Софрон присмотрелся, нахмутив брови, и нагнулся.

Присев на корточки, он вымел ладонью снежок вокруг выступа. «Железная ручка!» – заметил молодец. Ручка торча-

ла из неплотно соединённых досок, между которыми были длинные узкие прорехи. Он дёрнул за ручку. Доски, скрипя, тяжко громыгнули под его ногами. Софрон встал, и отошёл в сторону. Взявшись за ручку в другой раз, он медленно поднял вверх огромную прямоугольную крышку. Открылся ход в погреб. Молодой купец взволнованно пригнулся к отворившейся яме.

В просторном сыром погребе стояла кромешная темнота. Посредине – столб света. Свет ласково изливался сверху вниз. Наверху зияла ослепительно белая прямоугольная дыра. На белом фоне всплыла бородатая физиономия. Оттуда вниз шла раскосая и ветхая вертикальная лесенка. Лицо молодца на миг скрылось за краем сияющего прямоугольника. Затем, на тонкую плашку лесенки тотчас опустилась подошва тяжёлого сафьянового сапога.

Софрон спустился по лестнице вниз. Под ногами скрипнул лежавший у её основания снежок. Молодой купец стоял на каменном полу, находясь внутри светлого пятна. А вокруг был мрак. Он принюхался. В подвальном воздухе витал какой-то сладкий, даже терпкий запах... «Эй!» – крикнул он. В ответ не прозвучало ничего. Софрон осмотрелся.

У лесенки стояли две высокие толстые бочки. Молодец коснулся крышки одной из бочек. Поводил по ней рукой. Двумя пальцами снял полоску пыли. Постучал по ней кулаком, звук был глухой и тихий. «Полная?» – удивился Софрон.

В стороне он увидел третью бочку. Та стояла на краю светлого пятна, освещённая лишь частью. Сверху на ней лежало что-то желтовато-белое. Софрон с любопытством подошёл к ней. Он ощупал укрытый тьмой странный предмет. Пальцы натыкались на лежащие одну возле другой толстые продолговатые трубочки. «Кости?!» – подумал он. Косточки сходились в одну. Софрон с тревогой наклонился, чтобы взглянуть, что находится за бочками.

От третьей бочки вниз шла белая полоска. Длинная белая кость. А снизу на Софрона смотрел большой, белый череп. С большими чёрными глазницами, и раскрытой челюстью. «Что ж это?!» – подумал молодец, и быстро поднял голову. Но всё же осторожно подвинул костяную руку ближе к свету. И заметил, что на желтоватом пальце у мертвеца что-то сверкнуло. Серебряное колечко. Он снял перстень и, повернувшись к свету, стал его разглядывать.

«Ну-ка...» – буркнул Софрон. Наверху что-то закрипело. Он посмотрел туда. Свет резко стал сужаться. Крышка с грохотом рухнула! И свет померк. Повсюду – кромешная тьма. Следом свалилась на каменистый пол деревянная лесенка. «Упаси, Боже!» – вскрикнул молодец.

Где-то вдалеке что-то повалилось. В темноте раздалось протяжное тонкое шипение и шелест. Звук становился всё сильнее... Софрон присел на корточки и стал судорожно водить руками по полу. Он резко схватил рукой деревяшку, другой рукой – вторую. Взявши лестницу, он неистово мах-

нул ею вверх. Она шумно ударилась о крышку, та отлетела вверх. Пролился яркий свет. В погреб хлынул холодный свежий воздух.

Дрожащими руками Софрон подставил лесенку к сияющему отверстию над головой. Быстро полез наверх – и вылез. Ступив на пол избы, распрямился, и с силой захлопнул крышку погреба.

Молодой купец перекрестился, рванул к выходу из разрушенного терема, и выскочил оттуда. Шла метель. Под её напором гнулись берёзки, воющим ветром заметало всю округу – чёрно-бурые просторы побелели и покрылись снегом. Софрон, прищурившись, всмотрелся вдаль. Там был его друг в коричневом кафтане, с двумя лошадьми, на том же месте. Софрон торопливо пошёл к нему. Он ощупал свой пояс. Достав оттуда серебряный перстень, остановился. Повертел, поглядел на него и засунул обратно. Ещё раз перекрестившись, он сказал: «Слава тебе, Господи! Пить надобно поменьше...».

...

В избе, напротив небольшой, покрытой зелёными изразцами, печки вытянулся стол. В печи с треском тлели дрова, горел огонёк. Её пламя, вместе со стоявшими на столе свечками, освещало всю комнату.

На столе валялись серебряные монетки, мешочки и бумажные свёртки. Товарищи, склонившись над столом, опёрлись ладонями о его поверхность.

– До Петрова дня должны поспеть к Архангельску! – говорил Михаил. – За провоз и корабли, Софрон, с тобою в складчину будем платить – не забывай. У дружка-то твоего есть чего продать? Купеческий же сын... вроде как.

– Вроде ничего не везёт, – ответил Софрон.

– Да. Если что, в пути постараюсь быть полезным, – сказал Иван.

– Ну и славно! – воскликнул Михаил, и призадумался. – Значит... к Вологде сначала. А там что у нас? Рыба, сало, ворвань... немного белок и бобров. Потом в Устюг?

– В Устюг, – подтвердил Софрон, – к братьям. От них смолы и воску наберём, а отсюда кож и ремешков погрузим, да парчи немного.

– Там, говорят, в Архангельске можно столько вина раздобыть фряжского – на всю жизнь! – усмехнулся Фёдор. На его плечах была накидка, он держал руку на поясе, на рукояти сабли. Сабля покоилась в изящных ножнах, с яркими серебряными орлами. Вместо глаз у орлов сияли рубины.

– Можно! – весело ответил Михаил. – А чего там только нельзя раздобыть? Злато и серебро... Сахар, да перец, да пряности всяческие! И жемчугу можно, и тканей добротных, – он увлечённо продолжал, взмахивая руками, – и зеркальцев чудных, и каменьев, и много-много чего ещё! У немцев есть такие штуковины, которыми они положение своих кораблей в окияне определяют! И другие есть вещицы любопытные...

– Только не хватает им сокровищ царства Индийского, – заметил Иван. – Они бы туда с радостью приплыли! Если б через студёное море путь был удобный. Но из-за льдов многих не могут. Поэтому только в Архангельске останавливаются, и с нашими гостями торгуют, – он продолжал, вода пальцем по столу. – Если от Архангельска к Ярославлю выйти... а потом по Волге к Астрахани – то так можно и до Персии доплыть! Аглицкие люди по тому пути хотели б если не с индийцами, то хоть с персиянами торговать – ткани дорогие шёлковые по низкой цене покупать. Но царь наш покойный, Иван Васильевич, пущать их туда не велел!

– Откуда ж ты знаешь? – насмешливо бросил Степан. Узор его синего халата сверкал в лучах свечных огоньков. – Сам нигде никогда не бывал, и возрастом невелик – а о таких вещах рассуждаешь, словно всю жизнь в странствиях провёл! Купцом ещё называешься!

– Я о том читал в хрониках, и записках, – ответил, нахмурившись, Иван, – которые в Литве учёными людьми с немецких наречий и с латинского на наше переводятся. Да в основном-то они и есть на латинском, а я в этом наречии кое-что понимаю. Что с того, что я в тех странах не был?

– Верно ты, Ваня, всё говоришь! – воскликнул Михаил, прерывая спор. – Но немцам нужен ещё соболиный мех. Вот настоящие сокровища! А их уже в наших краях-то и не сыщешь, – купец грустно покачал головой. – Из Сибири привозят, их в той земле очень много. А на островах в студёном

море – рыба-морж водится! Ихний зуб не то, что баранья кость. Им палаты царские украшают, из него фигуры красивые вытачивают! Вот что немцам от нас, Ваня, прежде всего, надобно. Ещё, правда, лес нужен для кораблей... У меня товарищи есть на севере, кто добычей рыбьего зуба, и соболей промышляет. Они тебе скажут, что это – настоящее золото!

– Я знаю, – серьёзно сказал Фёдор. На улице послышался глухой звон колокола. – Служилых нынче набирают для тамошних острогов, чтоб охраняли их от местных. И чтобы с этих людей ясак²¹ соболиный прибирали для государя.

– Да, слышал об этом, – ответил купец в красном кафтане. – Что ж, братцы, пойдёмте на службу.

– Идём...

Из избы вышел Степан, а следом за ним – Фёдор. Потом Иван направился к двери. Софрон остановил Михаила, взяв его за локоть: «Подскажи, Михайло, откуда это колечко?», и дал ему серебряный перстень.

– Да обычное колечко, – купец повертел его в руке. Он взял со стола свечу и поднёс её к перстню, и стал его разглядывать. В ярком свете огня на серебристой поверхности показался еле заметный серый орнамент – вязь. – Ух ты... кажись, бусурманское! Это тебе к Степану.

Купец отдал кольцо Софрону.

...

Двое мужчин в серых тулупах, шмыгая сапогами по снегу,

---

²¹ Ясак – налог пушниной

тащили большой ящик.

– Молодцы, ребята! – крикнул Ивашка. На его плечах была шерстяная накидка.

Напрягшись, они метко забросили ящик на гору других ящиков, которая вздымалась над длинными грузовыми санными. Впереди саней стояла колымага – возок с дверцей. А перед колымагой уже была готова запряжённая тройка. Лошади нетерпеливо фырчали и мотали мордами.

Вся эта приготовленная упряжка стояла у крупной бревенчатой церкви. Три дощатых шатра устремлялись ввысь, к хмурым небесам, откуда медленно падали большие белые снежинки.

Неподалёку уже подходили пятеро товарищей в толстых меховых шубах и шапках. Они медленно брели, о чём-то между собой переговариваясь. Вдруг зазвонили колокола. Один за другим, товарищи стали падать на колени в снег. Каждый снял шапку. Каждый крестился, и смотрел на храм, под раскатистый и величавый грохот железа.

– Пресвятая Богородица! Не остави нас... – волнуясь, начал Ивашка и стал креститься. Он держал в левой руке шапку. Среди светло-русых пучков волос на его макушке была залысина. На бородатом лице была печаль.

Тем временем, товарищи поднялись со снега, и подошли к повозке. Михаил первым открыл дверцу, и неспеша залез в колымагу. За ним поочерёдно стали заходить туда остальные. Последним к возку подошёл Софрон. Напротив него

стоял Ивашка:

– Прощай, государь, – со слезами прошептал он. Они с Софроном крепко обнялись.

– Сохрани тебя Бог, Ивашка! Ты мне с детства подмогой был – не меньше отца! Увидимся с тобой ещё, обязательно...

Бородатый слуга тихо рыдал.

Молодой купец шагнул в повозку, и захлопнул за собой дверь.

...

Ямщик неистово хлестал лошадей. Они неслись вперёд. Сзади раскинулось множество мелких теремов, уютящихся среди белого снежного моря. В середине, на пригорке – церквушка с тремя шатрами, крошечными луковками и крестами. Сбоку, где-то ещё дальше, высунулась крохотная бревенчатая крепость с башенками. И где-то там, за теремами и за церковью, должен был быть богатый белокаменный монастырь. Но его было совсем не видеть.

По сторонам дороги пролетали высокие ветвистые деревья. Их становилось всё больше, они стояли всё кучнее. В конце концов, Ярославль скрылся за их сплошной чащей.

...

На постоялом дворе завывала лютая выюга. Во мгле метели померк небесный свет, и не было понятно – день сейчас, или ночь. Заметаемое снегом, посреди бревенчатой стены пылало ярким алым огонёчком небольшое окошко.

В избе было светло. За небольшим столиком сидели чет-

веро путников.

– Шах! – воскликнул Степан, со стуком ставя тёмную фигурку коня на шахматную доску. – Конец твоему князю!

– Ошибаешься, братец! Рановато, – улыбнулся бородатый игрок, сидящий перед ним, и подвинул светлую фигуру в сторону.

– Хитёр... – лысый купец, склонившись, задумчиво взялся за рыжую бороду.

По бокам сидели один напротив другого двое здоровенных мужиков в меховых накидках, один из них был чуть выше и полнее. Они пошмыгивали носом, и смотрели за игрой.

На другом конце избы, в углу, под полкой с иконами, стоял ещё один столик. Там сидели трое: Софрон, Иван и ещё один человек. Путник сидел на лавке, лёжа спиной на стене, напротив Ивана, и сонно взирал вправо от себя, в маленькое резное окошко:

– Середина весны уже, а такая метель, – прищуриль очи, говорил незнакомец. Он был высокий и худой, лет двадцати, в тёмном синеватом кафтане. На лбу лежали лохматые чёрные волосы, внизу торчала реденькая чёрная бородка. На столике стояли три деревянные кружки с ручками, и свечка.

Софрон взял кружку и, отхлебнув пива, сказал:

– Люди хлеб поздно засеют, а потом не успеют убрать. Беда будет – голод. Мужики, вон, и так из деревень разбегаются – кто куда! Кто в леса, кто в поле, а кто к лихой разбойной шайке прилипнет...

– Вот именно, – отвечал незнакомец. Зевая, он оттолкнулся от стены, потянулся, и наклонился к столу. Он продолжал, качая головой и грустно улыбаясь. – А мы как... неразумные девы, которые не взяли с собою масла для светильников! Придёт жених – и двери за ним затворят. И нас туда не впустят!

– Да уж, – тяжело нахмурившись, сказал Иван. – Перед Господом, в последние времена, нужно чистыми предстать.

Незнакомец восклицал, печально посмеиваясь:

– Уже, взаправду, конец света! Как апостол пишет: «Будут глады и пагубы, начало болезням... – он посмотрел на окошко, ласково переливавшееся в лучах свечей.

На дворе, снаружи, суровая метель засыпала его снегом. Снежные комья густо налипли везде, кроме серединки, где ещё светился ярко-розовый огонёк избы, и где виднелось молодое лицо путника:

– И соблазняются многие, и предадут друг друга – и возненавидят друг друга! Умножатся беззакония... и охладает любовь.

– Ты, видно, грамоте научен и Евангелие читал, раз слова апостола знаешь? – удивился Иван.

В другом конце избы раздались крики, и шум. Софрон с тревогой обернулся, глянув в ту сторону. Он пощупал мешок на своём поясе.

Сидевший за дальним столом игрок взял чёрную фигурку с доски и приподнял её, приблизившись лицом к Степану:

– Второго слона теряешь, – и положил её в сторону.

– Я и сам вижу! – злобно ответил купец, и сдвинул вперёд пешку. – Схожу вот так.

– Сходить-то ты сходишь! – усмехнулся здоровый мужик сбоку. – А чё толку?

Тем временем, незнакомец весело отвечал Ивану:

– Научен, это да! Знаешь что, – в его глазах вдруг загорелся огонь, – а я ведь сам сейчас повесть пишу!

– Неужели?

Незнакомец торопливо полез к сумке, которая лежала на лавке, внизу. Он вынул оттуда перевязанный бумажный свёрток. Развязав его, он передал рукопись Ивану:

– Повесть об удалом воине, Святославе Максимовиче! Но это черновик! Кроме того, это всего лишь вводная летопись – после неё ещё пять глав будет!

– Я твою летопись прочесть не смогу, но послушать любопытно, – произнёс Софрон.

Иван придвинул ближе свечу, и с шорохом развернул большой длинный свиток. Нахмурившись, он стал просматривать неряшливые ряды скорописных строк. Он начал серьёзно, неспеша, читать вслух, ведя указательным пальцем по строке:

– Предки наши... жили в царстве Гиперборейском. И враждовали гиперборейцы с ордою кочевников. Как-то раз, решили кочевники, на боевых носорогах, царство Гиперборейское завоевать. А тех носорогов кочевникам прислали из

далёких западных стран... Бились-бились они с гиперборейцами, но лишь одну деревеньку смогли захватить. Да и оттуда убрались подобру-поздорову – не пустили их в глубь царства храбрые молодцы! Был среди тех воинов удалой Святослав Максимович...

Иван поднял взгляд на незнакомца:

– Что это за царство Гиперборейское? Святослав Максимович – это какой-то князь, иль боярин, или святой подвижник? Ничего о нём не знаю.

Путник отвечал, смеясь:

– Да я сам всё это придумал! Нет такого князя.

– Ну и ну, – ухмыльнулся Иван, читая рукопись. – Да уж, как много написано! Я, пожалуй, про себя читать буду...

– Хорошо!

– А куда путь-то держишь? – спросил незнакомца Софрон, допивая пиво из кружки.

Тот тоже отхлебнул из своей, и сказал:

– В Воронеж. К себе домой.

– А как оно там, нынче?

– Да ничего, – путник задумчиво смотрел в стол. – Татары поменьше стали народ тревожить, великий государь новые города в поле ставит, и всё дальше к югу. Крестьянам оттого защита, и радость большая. Но всё ж, как и везде – тяжёлые времена настали. Крестьяне бегут на Дон. А иные лихие люди, как ты и сказал, в шайки сбиваются – и по дорогам разбойничают.

Незнакомец пригнулся вперёд, и серьёзно посмотрел в лицо товарищей:

– Будьте осторожней, – потом глянул в окно, – к Архангельску путь, как я слышал, опасный... Пускай вас в дороге святой Николай-заступник от беды убережёт!

– Спасибо, братец, за твои слова, – Иван благодарно улыбнулся. Он свернул рукопись, и спросил. – Как же тебя звать?

С другого края комнаты послышалась громкая ругань.

В том углу игрок громыхнул фигуркой, ставя её на доску перед тёмным резным князем Степана:

– Ты проиграл. Плати!

– Тут сначала всё не задалось, – хмуро отвечал Степан. – И играл ты странно. Хочу ещё раз, чтоб в этот раз уж было справедливей!

– А хер мой поцеловать не хочешь?! – засмеялся игрок.

Степан вскочил из-за стола, и смёл фигуры в сторону. Они с грохотом посыпались на пол. Схватил доску, и швырнул её в мужика. Тот закричал, по лбу потекла густая кровь.

Степан потянулся к ножу, нож в чехле висел на поясе халата. Огромный мужик справа со всей силы врезал ему по лицу. Купец отшатнулся назад, к стене, схватившись правой рукой за разбитый нос, и качнулся. Левой рукой он взял рукоять, и вытащил нож из чехла. Но другой здоровяк схватил его за шею. И резко ударил в живот. Степан согнулся, и содрогнулся в приступе боли. Нож улетел вниз, звонко покачившись по дощатому полу.

– Постоите! – крикнул Софрон, подошедший сюда. – Вот вам серебро, и мы уйдём отсюда!

Молодой купец бросил на стол мешок с монетами.

Из-за двери в другую комнату, выбежал, слышав шум драки, ямской голова, ответственный за порядок на постоялом дворе:

– Что вы тут устроили, собаки?!

– Рыжий, паскуда, по-хорошему платить не хотел! – громогласно молвил здоровяк. Он убрал руки от шеи купца. Степан резко и тяжело вздохнул, наклонившись вниз. – Ермаля, вон, нашего побил!

– Платить не хотел?! – возмутился ямской голова. – Я сейчас мигом людей позову – они должок найдут как выправить!

– Уж уплатили должок! – успокаивал его Софрон.

– Три дня дай, – глухо сказал Степан, склонившись, и выплёвывавая кровь изо рта. Он с трудом поднял с пола свой загнутый нож, – и мы уедем отсюда.

– Три дня, и не больше! – раздражённо бросил служилый.

Степан взялся за плечо Софрона. Тот придержал скрюченного купца. Вдвоём они медленно поковыляли в другую комнату.

...

Пришла тёплая солнечная пора. Звонкая радость весны наконец водворилась в полях и лесах. Зажурчали ручейки, по разлившимся рекам уносились вдаль последние крохи льда.

В лучах солнца раскинулись просторные, усеянные коробочками пчелиных ульев пасеки. Между ульями бродили ловкие пчеловоды. На раздольных чёрно-рыжеватых полях, опушённых полосками сереньких голых деревьев, поблёскивали длинные лужицы. В них отражалось синее небо, по которому плыли толстые кудрявые облака.

Запряжённый тройкой лошадей санный обоз двигался по бурой грязи дороги. По бокам мелькали, среди полей и редких деревьев, одинокие избы. Постепенно, впереди, открылся вид на широкие просторы, сплошь покрытые хоромами и дворами. То были слободы, предместья города. Из их пёстрой гущи возвышалась высокая твердыня с башнями – бревенчатая крепость. Вологда.

...

В маленькой комнате, наклонившись, у окошка сидела девушка, и держала в руке круглые пяльцы. В другой сжимала иглу, и вышивала, покачивая головой. Крохотная ручка медленно вплетала золотистую нить в тонкий алый платок.

Девушка была очень юная и небольшая. На её бело-красном платье лежала длинная тёмно-русая коса. Плотные уложенные волосы на голове были стянуты тесьмой.

Снизу раздался глухой звук вошедших в терем людей: «Принимай гостя, Маруся! Фёдор Затопин, сын боярский, служилый человек...». Послышались глухие удары сапог по дощатому полу. Голоса постепенно утекли в дальний угол здания, и затихли.

Она продолжала пряхсть. Но потом сложила пяльцы на колени. Тихонько вздохнув, она посмотрела в окно. И прислонилась к нему, приложив ладошку. Девчонка глядела на улицу.

Там, под её окном, раскинулась шумная речная пристань. В это время солнышко зашло за тучу – и пристань потемнела. По небольшой площади между избами, по голой земле, сновали люди. Они таскали бочки, ящики и всякую всячину. На воде качалось множество корабликов и лодок. Посреди площади стоял молодой парень в коричневом кафтане, с бородой, и смотрел прямо на неё.

Она отпрянула от окна. Убрав пяльцы в сторону, она встала, и подошла к небольшой дощатой полочке. На полке стояла баночка, а рядом лежала кисть. Взяв их, девушка вновь присела к окну, и пошарив рукой сзади себя, подняла с лавки маленькое зеркальце. Оно было обито сверкающей медной резьбой, по которой были разбросаны красивые яркие камешки: синие, зелёные и красные. Она стала аккуратно румянить щёчки багряной краской, поглядывая в зеркальце. Закончив, она смотрелась дальше, крутя головой в разные стороны. Наконец, она сложила зеркальце на колени, и задумчиво улыбнулась.

Софрон глядел в обрамлённое резным наличником окошко большой и роскошной усадьбы. Мимо прошёл рыбак с неводом, ломившимся сверкающими рыбёшками. Молодой купец всё стоял, и смотрел. Сзади о землю ударилась бочка.

Послышался шум.

– Гордыня – это самый ужасный грех! – Иван осудительно покачал головой.

– Ты мне тут не указывай, петух косматый! – разъярился Степан, опершись о бочку, которая стояла между ними. – А то я тебе покажу настоящее обучение – как со старшими надо разговаривать!

– Я-то тебя не боюсь! – скорчился Иван, твёрдо поставив руки на бочку. – Но скольким людям ты, баран, за свою длинную жизнь, зла учинил! В твоей смрадной душонке хоть что-то чистое ещё осталось?!

Купец резко схватил его за воротник:

– Я тебя в реке утоплю, если будешь мешаться! Ничтожество!

Софрон стремительно бросился разнимать их своими руками:

– Прекратите, ради Бога! Вы как нехристи поганые!

Степан отпустил воротник Ивана. Софрон разгорячённо сказал купцу:

– Оставь ты друга моего в покое! Я за него насмерть стоять буду! – он повернулся к товарищу. – А ты не спорь с ним! Пускай своё дело делает! Бог нас всех рассудит.

...

Гружёный товарами дощаник – длинный плоскодонный корабль с парусом – резво плыл по волнам реки Сухоны. Он направлялся к городу, который стоит у ворот могучей Дви-

ны, чьи тёмные воды несутся к обветренным леденящей северной стужей отмелям Белого моря.

Порой, когда встречались каменистые перекаты и стремнины, суровым бурлакам приходилось тянуть купеческое судно своей грудью. Упрямо, с разудалыми бурлацкими песнями, тащиться по берегу обвязанными грубой и прочной бечевой²², влекущей корабль вперёд.

К Устьюгу товарищи подошли ближе к концу весны. Леса подёрнулись зелению. В их укромных чащах проснулись дикие звери, защебетали птицы. Острые лучи солнца, теперь спускавшегося за горизонт всего на пару часов, бесцеремонно проникали в укромную глушь тайги и пронзали её мрак, проливаясь меж длинных мшистых стволов елей, берёз и сосен.

Дощаник плыл по широкому речному руслу. На ветру хлопал парус. Слева, ряды высоких островерхих ёлок отступили вбок. На сероватом песчаном берегу лежали разбросанные лодочки. Показались избы, люди, и сам город.

...

В залитой светом горнице, за длинным столом, сидели Степан с Фёдором, и Михаил, а напротив них – трое братьев: Андрей, Софрон и Семён. Бороды у Андрея и Семёна были тёмные и очень длинные. Софрон сидел между старшими братьями. Все весело пили вино из серебряных кубков, украшенных цветными камнями:

---

²² Бечева – толстая верёвка, с помощью которой бурлаки тянули суда

– Я Максим Строганов! – деловито воскликнул Семён раскатистым басом. – Наша семья государю Ивану Васильевичу ближайшая была, землёю владеем во всех концах света!

– А я Андрюша, – сказал брат, хлебнув вина.

– Я на Москве храм Пречистой Богородицы построил! – Семён глянул на небольшую иконку Богородицы с младенцем вдали, на полке, где тлела маленькая свечка. И повернулся к брату. – А мы с Андреем баньку в саду сделали...

– Я Ермака снарядил в Сибирь Кучумово царство завоевать! – напыщенно вскрикнул Андрей.

– А мы младшего братика отправили в Архангельск! – весело смеясь, Семён похлопал Софрона по спине.

Все смеялись, допивая вино из сверкающих кубков и додая оставшиеся на столе угощения.

Товарищи собирались к выходу. Пришла пора отправляться в путь. Спустившись по роскошному крыльцу в солнечный зелёный сад, Степан увидел Ивана:

– Эй! Не сердись на меня, прости за бранные речи! – купец был весел, и улыбался. – Тяжко было в дороге, оттого я и злился!

– Что ж, – вздохнул молодец, – как же не простить!

...

Смеркалось. К середине ночи солнце скрылось за зубчатой кромкой тайги, притаившись где-то в её глуши. С тёмно-синего неба сияющий белый блин задумчиво поглядывал на корабль, плывущий по бескрайней широкой глади Двины.

Холмогоры остались позади. Оплот заморской торговли был уже не за горами.

Большой приземистый дощаник, время от времени, поскрипывал. Иногда, по спокойному речному зеркалу хлестал ветерок – громыхал парус, воды плескали брызгами в людей на корабле.

Товарищи сидели на бочках, в кругу. Держали деревянные чашки, и ели сушёную рыбу. Неподалёку ходили ярыжные люди, охранявшие судно. В воздухе витала дымка.

– С моего поместья крестьяне все поразбежались. Там уже давно никто землю не пашет, – махнул рукой Фёдор.

– Почему не сыщешь? – интересовался Михаил.

– А не хочу! И земля там, по правде, не земля – а болото. – он откусил рыбу, и продолжал, жуя. – Как-то оно... при прежнем воеводе лучше жилось. Он мне товарищем приходится, а теперешний и на пир не позовёт. Даже хуже – ждёт, пёс, подарков за каждую просьбу. Хоть Стёпка мне подмогает. – Фёдор помолчал, и тоскливо промолвил. – Жена у меня померла уже три года тому назад. Заболела – вся струпьями покрылась, так и померла. А сына младшего ещё раньше шведы под Копорьем ранили, и от той раны помер. Хотя бы Господь старшего пока не прибрал, правда я его уже давно не видел, – Фёдор выпрямился, расставил ноги, и вздохнул. – А мне уже пятый десяток! Я уже своё отслужил.

Вдалеке, на берегу, горело несколько маленьких огоньков, от которых вверх поднимались полосочки дыма. Там, резвые

парни и девушки плясали, и кружились в хороводе, вокруг костров. Вместе с дымом до корабля, с берега, еле слышимо, доносились весёлые крики и смех. Ночь была прохладная, и приятная.

– Расскажи-ка, Ваня, о том, как фряги²³ кругом землю обошли! – воскликнул вдруг сын боярский.

– Чего только не придумают! – усмехнулся Михаил.

– Да, расскажи, – сказал Софрон.

Иван наклонился вперёд, и подумал немного:

– Что ж! В семитысячном году... ишпанцы за морем нашли остров, называемый Америкой. То ли Колюмбус, то ли Америк Веспущий его отыскал, я уж не помню... Стало быть, Америк, раз его именем остров назван. Ишпанцы его прозвали Новым светом – и начали островлян закону Христову обучать. В ту пору, португале, соседнего царства жители, плавали уже к Индийской земле, и к Молукицким островам – на тех островах ароматы, то бишь ягода пряная, родится: гвоздика, и мушхат, и кинамон, и иные всякие. А ишпанцам к тем островам плавать было не велено, ибо римский папа указ учинил: новые земли взыскивать ишпанцам, плывя на запад, а португалам – к восходу солнечному! И призадумались ишпанцы, что если... плывя на запад – к берегам Молукицких островов свои корабли привести?

Все с интересом слушали, попивая из чашек, и жуя рыбу.

– Пять кораблей отправили. Возглавил их воевода Магел-

---

²³ Фряги – иностранцы из Южной Европы

лан, португалин. Не ласков к нему был царь португальский – и потому ушёл он от него служить Каролу, кесарю ишпанскому. Отплыли осенью... тот остров, который Новым светом зовётся, очень велик! Чтоб его обойти, порешили к югу плыть. Наконец, к весне, уж приготовились обогнуть его – но попали в страну холодную, и каменистую. В той стране как лето приходит – так морозы лютые водворяются. А люди там живут здоровенные, в три аршина ростом! Пришлось зазимовать в том краю. Хотели иные вору, воеводу своего в цепи заковать, и корабли назад поворотить. Но усмирил их Магеллан – прождали зиму, то бишь лето, и нашли проход в огромную пучину... Конца и края тому морю не было, сто дней плыли – и многие тогда захворали, и померли. Но, всё ж таки, чрез сто дней плаванья, приткнулись к твёрдой земле. Сначала к островам Субусф... Мактан... Там воеводу островляне и прибили! Осталось два всего кораблика – и те к Молукицким островам пристали.

– Да, слышал я что-то такое, – вставил Степан. – Умеют латиняне байки сочинять!

– Может и байки, – отвечал Иван, – а я думаю, что взаправду так было. О том плаваньи не один раз писано. В земельной, и в окианской учёности – латинянам не откажешь.

– Откуда мы обо всём этом знаем? Погиб же твой Магеллан!

– А я вам до конца-то не дорассказал. Приплыл же ведь его товарищ домой с оставшимися, в ишпанскую-то землю –

и сам обо всё поведаль. Так вот... Тех Молукицких островов жители одною рыбою морской питаются, и хлебом, что сагом у них зовётся, и финиковыми ягодами. А пьют – сок, из листьев финиковых деревьев. По берегам у них жемчужины разбросаны, – Иван поднял кулак, – с яйцо куриное размером, или больше! А ещё такие люди там есть, у которых уши висят до плеч – одним ухом человек в жару, на солнышке, всю голову обворачивает, и от зноя охлаждается!

Товарищи смеялись, дивясь услышанному. Иван продолжал:

– Те островляне слова Божьего не разумели. Солнцу и луне поклонялись – мужем и женою их почитали... а звёзды – сыновьями их и дочерьми. Однако ж, хотя суть язычники – мир и покой среди них бытовал. Браней у островлян почти не бывает. Ихние князцы пределов своих расширить не пытаются – то у них считается несправедным. Живут же в добре, и в любви друг к другу. Живут по триста и по семьсот лет, как Адамовы и Евины правнуки! Ни разбойничества у них нет, ни человекоубийства, – печально вздохнул молодец. – Это к ним от христиан притекло. И к серебру, да к золоту жадность, которого они не знали прежде! И обман, и чревоугодие... Из двух кораблей, токмо один домой вернулся. И людишек на нём оставалось из двухсот, только два десятка. Привезли они испанскому кесарю ароматных тех пряностей пудов бесчисленное множество. И за то им – великая похвала, и почести, и награда от него большая была!

– Вот это да! Все почти сгнули. Тяжко же им пришлось, – сказал Фёдор.

– Мне б такой кораблик с пряностями... – задумчиво буркнул Михаил.

Товарищи бодро обсуждали услышанную историю.

– Я прошлым летом в Дербенте был! – воскликнул Степан. – Расскажу вам потом об этом, такое приключение вышло!

– Твой рассказ можно будет как повесть записать! Для будущих поколений, какие Божьей милостью будут ещё на свете жить, – ответил Иван.

– Хм... Было бы чудесно. А кто писать будет?

– Ну, я мог бы, – улыбнулся молодец.

Путники встали походить, и размяться. Посмотреть на ночное небо... На носу корабля стояли Степан и Софрон.

– Слушай, есть к тебе просьба! – сказал рыжебородый купец. – Поспрашивай в Архангельске, у кого можно фряжского вина раздобыть. Виноградного! Чтобы высшего качества, понимаешь? Изысканного!

– Хорошо, спрашиваю.

Впереди, откуда-то раздался шум – бульканье воды. Купцы встрепенулись, и направили свой взгляд на чёрную речную гладь.

Сзади ярыга с ружьём в руке, топая по дощатому настилу, подошёл к носу корабля, где стояли купцы:

– Вон, лодочка! – громко сказал он им, показывая рукой

вперёд.

Все остальные подтянулись к носу.

Спереди, выныривая из ночной темноты, показалось судёнышко. Сидевшие в нём люди взмахивали вёслами, хлопая по воде. Степан взял у одного ярыги факел, и подошёл к борту. Лодочка поравнялась с купеческим судном.

– Пусти на корабль, умоляю! – жалобно закричал мужчина в потрёпанной белой рубахе. – Нас побили и ограбили!

Вереница людей, раздетых до рубашек, потянулась на борт дощаника. Лишь на одном был рваный вишнёвый кафтан. Степан с Фёдором помогли двум другим взошедшим вытянуть с лодки мужчину без сознания. Его понесли на руках. На белой рубахе, на груди, у него чернело кровавое пятно. Потом его уложили на доски. Один человек сказал купцам, ступая на борт:

– Поворачивайте назад. Мы сами на таком же корабле шли. Там такая ватага – все до зубов вооружены. У них и пищали²⁴ есть с боевым запасом, и сабли. Отняли наш корабль, а нас на лодку посадили. И мы не сопротивлялись, только Никитка лаять стал на них, они его палицей пришибли. Да вроде живой, дышит.

Степан держал факел, его мерцающий огонь освещал лица стоявших друг возле друга людей:

– Черти поганые! Где здешний староста? Отчего не порубили до сих пор разбойников на кусочки?!

---

²⁴ Пищаль – ружьё

– Кто ж его знает.

– Что ж! Биться будем, значит?! – громогласно крикнул купец, обращаясь к своим товарищам. Несколько стоявших рядом ярыг покрепче взялись за тяжёлые ружья. Держа в руках пищаль, подошёл к товарищам Фёдор.

– Пойдите, у меня другая мысль! – промолвил Софрон. – Давайте возле здешней деревеньки остановимся. Скоро уже светать начнёт, повременим немножко – и засветло отправимся!

...

Так и сделали. Корабль пристал к берегу. Товарищи остановились около деревни, на опушке леса.

Ещё была ночь. Среди деревьев, на лужайке, зажгли костёр. В его пламени потрескивали горящие дрова и веточки. Луна потухла, а с неба моросили мелкие капельки. Костёр обдавал жаром и освещал сидящих в траве, вокруг него, людей.

– Мы купцы тотемские, везли в Архангельск лисиц красных на продажу, – говорил один из ограбленных, глядя на прыгающие языки пламени.

– Жаль вас, какая ж беда! – с тоской ответил Иван. – Только одна радость, что живы остались – и Никитка очнулся!

– А логово-то их где, не знаете? – спрашивал Степан, закутываясь в меховое одеяло.

– Да где... – ограбленный купец подумал, и сказал. – Дальше по реке будут острова. И между ними протоки узкие. Там,

на каком-нибудь острове, в лесах, и гнездятся.

...

Наутро корабль отчалил. Посветлело, но небо скрылось за тучами. Судно гнал вперёд холодный ветер.

Корабль плыл несколько часов, огибая заросшие лесом островки двинской дельты. Его команда ждала нападения. Все были готовы принять бой. Наконец, острова остались позади, и спереди раскинулась речная гладь. У бортов стояли люди с оружием в руках. Степан подошёл к носу корабля, в левой руке он держал ружьё. Вдруг, он медленно опустил его вниз:

– Слава Богу! Миновали лихо! – купец перекрестился.

К нему подошли Софрон и Иван.

Слева, по берегу тянулась изумрудная полоса тайги. А справа, на песчаной отмели, возвышались, словно скелеты огромных китов, остовы строившихся кочей²⁵ – искусных русских кораблей, которые, упрямо и ловко пробираясь сквозь плавучие льды студёного моря, достигают желанных земель и островов. Среди дощатых скелетов ходили плотники-поморы. Свистели, и стучали топоры – процесс постройки шёл полным ходом.

Впереди, на речной глади, зарябил лес мачт – на воде стояло два десятка английских и голландских галеонов со спущенными парусами. Справа от них показалась протяжённая

---

²⁵ Коч – русский парусно-гребной корабль, применявшийся в арктическом мореходстве

крепостная стена. Оттуда вздымались шатры церковей Михаило-Архангельского монастыря. Под стеной рассыпались избы: большие, маленькие, и только строившиеся.

Молодой купец стоял на носу корабля. Слева стоял Степан, положив руку ему на плечо, Иван был справа. Софрон приложил ладонь ко лбу, вглядываясь в даль:

– Архангельск!

[20] Колымага – закрытый возок, карета

[21] Ясак – налог пушниной

[22] Бечева – толстая верёвка, с помощью которой бурлаки тянули суда

[23] Фряги – иностранцы из Южной Европы

[24] Пищаль – ружьё

[25] Коч – русский парусно-гребной корабль, применявшийся в арктическом мореходстве

Глава 3. Люди в плащах и шляпах.

Под хмурым Архангельским небом, у подножия высокой крепостной стены, раскинулся оживлённый рынок. Дул сильный, холодный ветер. Далеко-далеко протянулся ряд срубленных из дерева прилавков и зданьиц – вдоль них бродило море людей...

Среди этого пёстрого моря шли Михаил и Софрон, и болтали. Ряд лавок прервался, уступая широкой наезженной дороге, уходившей сквозь распахнутые ворота толстой бревенчатой башни прямо внутрь крепости. По дороге проехали несколько всадников, и повозка.

– Нам туда надобно потом, пошлину заплатить! – громко воскликнул Михаил, пытаясь перекричать шум людного торжища, и махнул рукой в сторону ворот.

Торговый ряд продолжился вновь. Мимо купцов проезжали телеги, гружёные бочками, ящиками, связками пушнины и горами нарубленных рыжих брёвен. Подстёгивая лошадей, ими правили возничие, обёрнутые в диковинные тёмные плащи и шляпы.

Среди толпы выделялись русские купцы в ярких разноцветных кафтанах со свисающими до земли рукавами. Возле прилавков мелькали чёрные робы и шапки монахов. Ходили стрельцы, опоясанные ремнём с деревянными колбами, по

несколько человек, медленно и важно, зыря по сторонам, и неся в руках по ружью – они следили за порядком.

Михаил держал за плечо Софрона:

– Там вон, сзади, ихняя слобода! – он показал рукой назад, они обернулись. – Туда стрельцов и пушкарей подселили, чтоб защищали крепость, если немцы к ней удумают с боем подступать!

Иноземцы выглядели причудливо. Хотя некоторые жившие тут давно и оделись по-русски – в кафтаны, и шубы, и свыклись уже со здешними обычаями, в основном же они носили дублеты с белыми кружевными воротниками, шляпы и плащи, ходили в здоровых мешковатых плундрах²⁶, чулках и туфлях.

Возле прилавка шла парочка. Мужчина в расписном красно-чёрном дублете с выпуклыми рукавами, в сплюснутой шапке с белым и красным перьями, и в плаще. Слева, за руку его держала леди в пышном тёмно-зелёном платье с белым резным воротником. Немец наклонился к фруктам, разложенным на прилавке:

– Уэлл... ю тэлл ми ай маст бай э хаус ин Хэмптон?

– Нат нау! Мэйби уэн Оливэ эгрис ту сэлл ю зэ боут стэйшн! – воскликнула леди. – Энд... юлл нид ту би найс ту хим!

– Найс? Аффтэ айв тэйкен тэн пэундз, энд хи статид демандин сёти пэсент фо эвери дэй?!

---

²⁶ Плундры – короткие и мешковатые брюки, популярные в XVI-XVIII вв.

Парочка ушла вперёд. Купцы оглядели лежавшие фрукты: апельсины, бананы, инжир, всякие лесные ягоды и много чего ещё. Посередине торчал ананас с оттопыренной зелёной ботвой.

– Гляди, репа с шипами! – Софрон удивлённо показал пальцем на серо-жёлтый фрукт. – А сверху скоморошья шапка!

– Да уж! – засмеялся Михаил. – Я пробовал, такая кислая! В следующей лавке висели куски суконных тканей самых разных цветов. Лежали платки, вышитые золотом, и серебром, и усеянные жемчугом. Михаил и Софрон с жарким интересом обсуждали с лавочником цены на товар, перебирая и рассматривая ткани.

Потом они ушли к реке. Ветер подхлёстывал небольшие волны, кромка воды тихонько волновалась. По бледной песчаной отмели уходили вдаль, рассекая зыбкую речную гладь, чёрные дощатые причалы. По этим чёрным линиями брели в ту, и в эту сторону люди. Высоко, под серым небом, с криками летали чайки.

Вдалеке, весь горизонт был уставлен огромными кораблями, кверху торчали леса длинных мачт и рей. Над ними вились флаги: чаще всего мелькали оранжево-бело-голубые триколоры, и красные кресты на белом фоне. Между заморскими галеонами и берегом сновали небольшие шлюпы и баркасы, и мелкие лодочки. На берегу моряки, разгружая лодки, таскали на плечах толстые бочки. Они клали эти боч-

ки в телеги, и те уезжали.

– Там гостиный двор немецкий, – Михаил показал туда, куда уезжали нагруженные подводы. Он развернулся в другую сторону, – а там наших торговых людей амбары! За ними – слобода жилецкая, там мой товарищ, Никита Зверь, живёт. Мы у него остановимся. К вечеру подъедем, на пир званный!

– Я помню. Поехали в жилецкую, к купцам.

– Пойдём.

Софрон и Михаил пошли в сторону крепости.

...

Хоть было и светло, но день уже близился к концу. Снаружи, в конюшне, слуга ухаживал за лошадьми. Гости уже собрались на пир, в доме у Никиты Зверя.

Пылали свечи. Было светло. Бородатые промышленники в тёмных меховых накидках рассаживались за столом. Занимали свои места Михаил, Фёдор, Степан и Софрон. В самом начале стола, на стене висела огромная голова медведя с разъярённой мордой и широко раскрытой пастью.

Холопы Никиты приносили блюда: супы, отвары, и рыбу, кубки с вином, и квасом.

– Я разузнал у здешних купцов, – говорил Софрон сидящему рядом Степану, – что есть некий Афанасий Васильев... у него где-то в лесу есть заимка! Он на ней варит мёд, и пиво, и вино. А потом продаёт разным людям, и в кабак продаёт. А заморское вино, романею, тоже продаёт, но это он её у немцев закупает. Вот! Если что, то это у немецких

людей из первых рук нужно брать.

– Спасибо, друг! – улыбнулся Степан, и похлопал его по плечу. – Ежели тебе чего понадобится – проси, не стесняйся, всё сделаю!

– А, и вот ещё – Афанасьев-то сын, Сашка, меня в кабак зовёт выпить...

Возле стола прошла, поприветствовав гостей, и поклонившись, молодая высокая девушка. Она ушла на крыльцо, во двор.

– Моя младшая дочь, Ульянка! – гордо воскликнул Никита, он стоял в конце стола – высокий, в огромном меховом плаще. Из его вытянутого морщинистого лица выступал орлиный нос, внизу торчала борода. Через правое око проходил глубокий шрам, и глаз был слегка прикрыт.

...

Ульяна сидела на широком крылечке, приклонив голову к резному деревянному столбцу. На ней был синий сарафан, с белоснежными широкими рукавами. Длинные русые косы лежали на груди, спускаясь концами к дощатым ступеням. Сверху, из горницы, доносился смех, и громкие крики.

Уже темнело. Тучи сильно сгустились. По двору носился ветер, с неба посыпались капли. Кто-то ходил по конюшне, был шелест. Где-то вдали скрипнули ворота, там звучали голоса. Девушка закрыла глаза, думая о чём-то хорошем и приятном, под шум хлынувшего дождя.

Раздался плеск мокрой грязи. Кто-то шагал к крыльцу.

Она открыла глаза. Под навес, на крылечко, ступил незнакомец в коричневом кафтане, с мешком за спиной. К его лицу прилипли длинные вымокшие пряди светлых волос:

– Здравствуй! Куда надобно идти на трапезу? Тут ваш человек был, а потом убежал куда-то!

– Ты кто?

– Я? Иван.

– Ты из товарищей Михаила Иванова?

– Ну да.

– Все уж давно пируют! – с укором воскликнула Ульяна, подняв голову от столбца, и серьёзно посмотрев Ивану в глаза. – А ты где гулял?

– Как где... – молодец нахмурился. – Я не гулял! Я на торжище был, и задержался.

– А что купил? – спросила вдруг Никитина дочь.

– Бумаги много.

– Бумаги?! – улыбаясь, говорила она.

– Да. Перьев, чернил взял, и книжиц разных немецких, и ещё пару вещиц диковинных.

Ульяна поднялась, и сказала Ивану:

– Пошли со мной.

Они стали болтать.

Снаружи лил дождь. Они медленно брели под навесом, по крытой галерее, проходя одну за другой бочковатые резные колонны.

– Я сюда и не думал ехать, – говорил молодец, – мне Со-

фрон предложил, и я решил – вот же, дал Бог случай на край света отправиться!

– Какой край света? Торговое местечко у нас обычное!

– Ну нет! – улыбнулся Иван. – Два месяца досюда добирались, по рекам и по лесам. Меня пару раз чуть не убили!

– Да хватит! – она ударила его по плечу. – Тебе бы только рассказы из книжек читать, о далёких землях! Бывает – целая ватага людей помрёт с голоду, или от чумы какой, или в море заблудится! Понимаешь?!

– Понимаю, конечно.

– Меня отец с собой в плаванья не берёт! – Ульяна тоскливо вздохнула. А потом воскликнула. – Мой отец – самый храбрый! Ходит за моржовым зубом, и за соболями охотится, и соколов ловит! А один раз убил медведя голыми руками!

– А... ничего нам с тобой не будет? Что я с его дочкой незамужней тут разговариваю?

– Нет. Отец меня любит! И свободы у меня не отнимает. Он добрый человек.

...

– Я б их всех собрал на острове – и сжёг! – грозно рявкнул Никита, с размаху вонзив нож в сочного жирного окуня. – Петухи ряженные!

Гости с шумом хлебали вино из серебряных кубков, и подавали кусочки приправленных мясных и рыбных угощений, разложенных по всему столу.

– Да брось, – сказал кто-то из охотников. – Немцы – хорошие люди! Нашим часто помогают, сам знаю. И сколько всякого добра привозят!

– И что?! Припахали мужиков, чтоб лес для них рубили, и здесь же для их кораблей щоглы строили, и верёвки вили, и доски смолили! А в ихних церквах образов никаких нет! Слыхал – скоро эти ихние бесовские церкви и у нас будут ставить, и на Москве!

– Эй, Зверь! – воскликнул один молодой парень. – Скоро в поход!

– Смотрите – вот он! – весело ответил Никита, показывая на парня с короткими светлыми волосами. – Знатец морского пути, Истома! В прошлом году ходил в Мангазею с товарищами. А в этом – и мы пойдём. Расскажи!

– Что рассказывать, – отвечал Истома, – отсюда два с лишком месяца идти к востоку до Мутной реки... Дальше кочи перетаскивать надобно до другой речки, Зелёной. По ней идти к губе, и по губе – в реку Таз. А там уже и град Мангазейский! Мы к нему пошли соболей наловить, и с местной самоядью поторговать.

– Что за град Мангазейский? – спросил Степан. – Не слышал о таком.

– Потому, братец, не слышал, – промолвил Никита Зверь, – что этот град от русской земли – очень далеко находится. За морем студёным – и за поясом каменным! Не каждому туда попасть удаётся. Истомка-то не сказал, как важно

поспеть до той поры, когда льды в море нагрянут!

– А как туда воеводы со своими служилыми добираются?

– Никак они не добираются. Это вольное поселение – торговых, и промышленных людей.

Вольное? – удивился купец.

...

Ульяна и Иван сидели в небольшой тёмной комнатке, возле угла, на лавке. Впереди, отбрасывая тусклый свет на их лица, мерцал огонёк свечи, стоявшей на столике.

Она прижалась к нему сбоку. На её круглом лице был небольшой вздёрнутый нос, и большие глаза. Иногда поворачиваясь, и поглядывая на него, она взволнованно говорила:

– Отец в детстве рассказывал... что за морем студёным, есть огромная страна – где снега и льды почти весь год лежат, а бывает, всю летнюю пору! Там собаки живут белые. И медведи – белые. По морю – рыба-белуха плавает, три сажени в длину – белая, как снег! И лесу в той стране нет – только голое поле, и камни. А по тому полю бродят дикие коровы. Но не простые коровы, а огромные – выше городской стены, и мохнатые, и с зубами толстыми и длинными, в несколько сажений!

– Ничего себе...

– Да! Той страны жители, самоеды, пасут этих коров. И оленей пасут, и в санки запрягают! Живут в юртах кожаных, носят шубы, а ещё – друг друга едят!

– А веры нашей не знают?

– Не знают! Они в свои кумиры верят, и кудесников своих слушают! Про эту ледяную страну Господь забыл – он почти не глядит туда! И ангелы туда не ходят, – Ульяна посмотрела вверх, в уголок, где в сумраке стояли иконы, чуть подсвеченные блёклым и тёплым пламенем. – По всей земле... там стоят высокие деревянные столбы, с человеческими лицами! И они живые! Самоеды им рыбу, да мясо, да еду всякую приносят, и разные жертвы – почитают их, как старших сестёр и братьев. Или как будто родителями их считают... Но всех главнее в той стране – и самоедов, и кумиров их – золотая баба! Из чистого злата баба – живая! Говорят, что сидит она где-то в лесу, у подножия каменных гор. А самоеды, и болваны их – они её дети. Если баба радуется – то и они радуются. Плачет – то они все вместе плачут... У меня есть ожерелье, с болванчиком ихним! Товарищи отца из тех краёв привезли. Сейчас покажу!

Она наклонилась к сундуку, который стоял здесь же, в углу тёмной комнаты. Открыв его, и пошарив внутри, Ульяна достала ожерелье.

В сарафане был вырез – на её бледной груди, меж двумя толстыми русыми косами, лежал золотой крестик, спускаясь цепочками с шеи. Он ласково приподымался при каждом вздохе.

Она аккуратно просунула свою голову в ожерелье – кружок нанизанных на нить больших бирюзовых бусин, и опустила гремящие шарики на шею. На грудь, поверх крестика,

улеглась здоровая бело-желтая фигурка. На молодца глядел вытянутый костяной истукан, покрытый угловатым узорчиком – его рот, и глаза были кроваво-красными. Казалось, он улыбался.

Иван протянул к фигурке руку, и взял её пальцами, прислонив их к горячей груди. Он ощутил сильные удары – где-то внутри колотилось беспокойное сердце.

– Красиво! Резьба очень искусная, – молодец спокойно улыбнулся.

Он смотрел в её большие зелёные глаза. Она тихо смотрела в его лицо. Голубые очи Ивана были чуть завешены длинными локонами, поблёскивавшими в свете огонька. Они просидели ещё долго. Тишину ночи обрывало только их тяжкое дыхание, доносящиеся издали крики гостей, и шелест дождя за стеной терема.

Прогредел гром, свет молнии на мгновение мелькнул из окошка. В тусклом пламени свечи, в углу, виднелась икона. Архангел Михаил на тёмно-золотистом фоне угрожающе взмахнул мечом. Под его ногами валялся, сопротивляясь, когтистый чёрный дьявол. Положив голову на плечо Ивану, девушка рассказывала дальше:

– По тундре безлесой, рыщут люди мохнатые – с головами как у диких псов. Когда охотники на ночлег встают и спать ложатся, то они из тайги выбегают – и на спящих бросаются, и разгрызают их на части! Из озера Зелёного, по речке, в море идут рыбы, а у этих рыб руки растут человеческие! Ко-

гда кораблик по морю плывёт – они руками своими за края палубы цепляются – перевернуть его хотят, чтоб людей на дно отправить – и сожрать! А самоедов эти звери не трогают! Только христиан православных! Если сможешь избежать этих чудищ – приплывёшь в град чудесный. Он стоит на высоком холме – стеною крепкой обнесён, а оттуда крест вздымается! Святая Троица этот город злым силам не даёт в обиду. Но, говорят, ежели прогневишь золотую бабу самоедскую... то погибнет город. Приведёт она всех своих чудовищ, всех сыновей своих под стены города – и православным конец настанет!

– Ульяна, Господь – всех людей, и всех тварей этого мира, и сам мир, создал. Поверь, не сможет никакая баба золотая поперёк Его воли идти, и никакие чудища не смогут. Всех чудищ Бог рассеет, если захочет! Но если обидят Его христиане – тогда предаст их в лапы недругов.

...

Иван лежал на лавке, в отведённой для него комнате усадьбы, в полной темноте. Положивши руки за голову, он опёрся затылком о бревно стены. За окном шумел ливень, раздавался грохот.

Ему было хорошо. Улыбаясь, он думал о всех случившихся моментах, от этих мыслей становилось спокойно и радостно, по всей груди разливалось приятное пламя.

Снаружи, сквозь шелест дождя, слышался какой-то стук. Кажется, по грязи стучали копыта, и колёса телеги.

Неразборчиво звучала речь. Переговаривались двое, но понять что-либо из их слов молодцу было не под силу:

– ...уонт ту гэт аут оф зис факин фроузн хоул!

– Энд бэк ту Йорк?

– Оф коз!

– Ту зэт... скаттиш тавэн дамзл? Фром щин-эй паб, даун зэ байю?

– Йэа... ю ноу, ай толд ю... щи сингз лайк эн эйнджел!

Кисс ми хард бэфо ю го-оу... Саммэтайм са-аднэсс...

– Оу май Гад!

– Даун он зэ уэст коуст...

Голоса незнакомцев растворились в шуме ливня.

Иван закрыл глаза, но спать не хотелось – в голове роились мысли. Где-то за дверью зазвучали шаги. Дверь отворилась.

Вошедший воскликнул:

– Не спишь, Ваня?

Молодец открыл глаза:

– Нет, Степан. А что?

– Поговорить с тобой хочу.

Иван поднялся с лавки. Он подошёл к столу, и зажёг свечки. Рыжебородый купец уселся рядом, возле стола:

– Я прошу тебя... записать кое-что. Ладно?

– Конечно! – улыбаясь, ответил молодец, и стал доставать бумагу из лежавшей неподалёку сумки. Наконец, он обмакнул перо в чернильницу.

Степан увлечённо рассказывал ему историю. Из-под пера

молодого книжника возникала строка:

«Хождение Степана Артемьева в землю турецкую, за море Хвальнское, ко граду Дербенту...»

...

Было утро, прохладное. По узкой протоке плыла лодочка. С шумом разлетались сидевшие на воде утки. Справа и слева, от заросших травой берегов реки, тянулись к небу сосенки, и ели. Небо было серое.

Ветер дул в спину. В затылок летели мелкие капельки – морось, после вчерашнего ливня. Степан усиленно налегал на вёсла, ударяя ими по мутной воде. На нём был простой серый кафтан. Лодка двигалась вперёд.

Он замер, и прислушался. Ему показалось, что где-то в чаще леса были какие-то звуки. И правда, показалось. Купец поплыл дальше...

Лодка пристала к высокому берегу. Степан влез на травянистый пригорок, и медленно пошёл по тропинке, между соснами и ёлками, напряжённо поглядывая по сторонам. Торчали разлапистые колючие ветви. Сплетаясь, они преграждали ему путь. Он отламывал их, и швырял в сторону.

– Эй! – раздался звучный окрик сзади. Оттуда кто-то шёл, шелестя по траве.

Купец тяжело вздохнул, и поднял вверх руки. Он медленно опустил сначала одно, затем другое колено на землю. Со спины подошли двое. Его шею коснулось холодное лезвие сабли.

– Тебе чего здесь надо, проныра?! – возмущённо спросил мужик.

– Ягоды, небось, собирал! – усмехнулся другой, и воскликнул. – Или пристанища нашего доискивался!

– Я вам не враг! – сказал Степан. – Кто у вас голова? Дайте с ним поговорить!

– Ух ты! Поговорить?! Давай, пошли – поговоришь! – купца схватили за руки, и повели вперёд.

Наконец, по прошествии таёжной тропы, открылась небольшая просека. Слева стоял в зарослях двухэтажный терем, рядом несколько избышек. Издалека доносился звон клинков, и крики – будто кто-то бился на саблях.

Степана привели к нужному месту, поставив его на колени. Среди мокрых кустиков и травы, на пеньке, сидел молодой парень в белой рубахе. Он ритмично строгал ножичком брёвнышко. В стороны летели ошмётки коры – под ногами была целая куча. Парень вдруг прервался, и глянул на подошедших.

Он бросил нож и брусок на землю. Встал, и удивлённо осмотрел пленника. Потом с недоумением взглянул на мужиков:

– Это чё за рыжий хер?

– Сами не знаем! В лесу поймали!

– Я по делу тебя искал! – воскликнул купец. – Как тебя зовут?

Парень наклонился к Степану, и схватил его за бороду:

– Тебя из города прислали, местечко наше найти?!

– Нет! Я клянусь – крест готов целовать – я к тебе лично пришёл! Пришёл рассказать о том, где можно добром разжиться! Я помочь вам хочу!

Главарь отпустил бороду пленника, и нахмурился:

– Ну давай, рассказывай!

...

Однажды, в другой день, Софрон шёл по широкой архангельской улице. Прямо в лицо подул холодный ветер – купеческий сын заторопился быстрее попасть в тепло.

Вот, показалась изба – здешний кабак. Он шагнул на крыльцо кабака, и оказался в просторной светлой комнате, наполненной людьми, весельем и шумом.

За столиком у окошка Софрона поджидали двое мужчин. Один – кудрявый, с бородой. Другой – рыжий, и какой-то необычный. На столе стояли большие кубки.

– Здорово, Софрон! – весело крикнул кудрявый. – Я Сашка Афанасьев, если позабыл! А это Петька!

Молодой купец сел напротив них.

– Питер Йохансзоон, – товарищ Сашки учтиво кивнул головой, его рыжая бородка была небольшая и аккуратная, с завитыми усами.

– Петька – немец из Голландии, но он уж давно здесь живёт, четыре года! – кудрявый, улыбаясь, похлопал его по спине. – Он уж и в веру нашу крестился – наш человек!

– Я работаю клерк и приказчик у ван Ваалерхоф! Чтобы

продать здесь сукно... вьян из Гасконье, Лигхурье... и ещё многое. Это хорошая работа – я живу с женой, и сын, на долгое время в Архангельск. А Саша, и его отец – мои покупатели, и продавцы... и друзья.

– Ты знал, Софрон? Все вина, и мёды, и всё хмельное Архангельска – от моего отца Афанасия, и от Петькиного начальника Валерхофа! – воскликнул Сашка.

– Нет, я не знал, – удивлённо ответил Софрон.

– Ну вот! Сейчас всё и обсудим, все вместе – сколько объёму, и каких тебе напитков надобно.

– С удовольствием!

– Но сначала! – Сашка задорно улыбнулся, глянув на Петьку. – Нужно хорошенько выпить, по русскому обычаю!

Он резко встал, и закричал, посмотрев в сторону стойки:

– Э-эй! Налей нам вина крепкого!

...

– Ваши бабы – во-о-от такие! – Петька широко расставил руки, задев и чуть не уронив стоявший кубок.

– Ты чё несёшь?! – возмущённо крикнул Сашка. – Ты своих видел? Что это вообще?!

– Подождите! – воскликнул Софрон, подымая пустую чашу. – Я готов купить у вас... всё!

Вокруг стремительно проплывали яркие огни. Товарищи, сидевшие напротив, тоже куда-то уплывали, и, казалось, всё дальше и дальше... Голоса иногда звучали так громко – прямо под ухом!

– Прекра-а-асно! – раздался, вдруг, громогласный возглас. – Значит... завтра, мы с тобой встречаемся в Ярославле!

– Именно так!

Софрон чокнулся кубком с Сашкой.

– Я бы хотел стать московский царь! – сказал серьёзно Питер. – У меня был... был бы очень много ручной пляшущий медведь! Я бы подарил один для... дядя Норберт... другой? Тётя Мархрет!

Он стал дёргать руками в стороны, в такт, пытаясь изобразить танец.

– Тебя надо венчать на царство! – Сашка взял со стола чашу, поднял её вверх, перевернул над головой товарища – вино пролилось ему прямо в волосы – и поставил ему на голову.

Голландец танцевал, сидя за столом, с кубком на голове. По всему кабаку разносилось громкое брэнчание гуслей. Кто-то яростно колотил в барабаны. Наконец, кубок полетел с макушки Питера вниз, и грохнулся на пол. Тот заорал, выпучив глаза:

– Ха-а-алэн! Ха-а-ал май доор! Дэ вестэн ви-инд брэнгт онс вир тайс – вэ хьювэн эт анкэр во-о дэ клайс! Тюссэн Роттердам эн Хэллевютслайс...

– Опять бесы в тебя вселились! – ошарашенно вскричал кудрявый. Он набросился на Петьку, и схватил его за шею. Они с шумом и воплями повалились на пол.

...

На улице стемнело. Трое товарищей выходили из кабака, спускаясь по крыльцу. Питер держался бодро, и шёл сам. Софрон поддерживал Сашку, они спускались вместе. Тот взволнованно говорил Софрону:

– Как хорошо! Хорошо – что есть такие, как ты... с кем можно иметь дело! Мы с отцом торговали с одним из Ярославля... так он обманул – денег не стал возвращать! Кругом ублюдки!

Сашка, вдруг, остановил товарища. Встал, опёршись рукой о стену здания – и наклонившись вниз, стал издавать страшные звуки, судорожно изливая содержимое своего желудка. Когда это прекратилось, он вздохнул, и сказал, махнув рукой:

– Идите! Меня заберут.

...

Софрон с голландцем, пошатываясь, подходили к усадьбе Никиты Зверя. На тёмно-синем небе рассыпались, словно жемчужинки, яркие звёзды. Меж ними на предутреннем небесном полотне висел толстобокий светлый месяц. Приятная прохлада, обдавая ветерком, отрезвляла голову.

– Приходи в пак гауз... на немецкий двор, – сказал Питер. – Для тебя есть особенный товар!

– И какой же?

– Узнаешь! – улыбнулся голландец. – Такого ты ещё никогда не видел!

Молодой купец простился с голландцем Петькой, и направился в свои покои.

На другой день, погода стала повеселее. По светло-голубому небу плыли облачка. В лицо светило солнышко, и грело.

Софрон, жмурясь, брёл по дощатой мостовой. Слева, время от времени, с грохотом проезжали телеги. Справа тянулся длинный ряд одинаковых квадратных изб – амбаров. Неторопливо шли двое иноземцев в плащах, и в шляпках. Каждый потягивал ртом по длинной трубке. Убирая трубку, немцы выпускали клубы дыма, уносившиеся вверх. Они что-то обсуждали:

– Дат кондэ зэ виир нит... Баренц стирф оп эт эйланд... дэ рэст зеэлдэ тэругх.

– Хэт ис тэ онмогхэлик, – ответил немец, выдыхая облако дыма.

– Йа, маар дэ энгельсен зюлле хэт пробиирэ.

– Линдси, эн зэйн Клара...

Софрон увидал вдали Питера, стоявшего у входа в бревенчатое здание. Он пошёл к голландцу. Товарищи поздоровались. Молодец вошёл в избу, и поднялся на второй этаж, вслед за Питером.

Было очень светло. Посередине, за большим столом сидел мужчина в чёрной широкополой шляпе. За его спиной светились три высоких окна. Питер уселся слева от стола, на

стульчике.

Мужчина был в чёрном – его лощёный чёрный дублет весь сверкал. А шею обнимал пышный и резной белоснежный воротник. Господин с важным видом смотрел на большой бумажный лист, который держал в руках. Рядом, на столе, стояли чернильницы, откуда торчали перья. Лежали свёртки, шкатулки, стояли высокие счёты – прямоугольник с нанизанными на спицы шариками.

Софрон оглядел комнату. Слева, на стене, висела большая картина – с неё смотрела спокойным взглядом сидящая женщина, в простом зеленоватом платье. Её голова была обернута белым платком. Возле её ног стояло пятеро детишек – трое девочек, и двое мальчиков. «Ну и диво! Точно живые» – изумился молодой купец.

А справа – другое полотно. Лето, поля, дорожка. Вокруг – сочные зелёные деревья... и маленькая каменная хижина. В поле стояло несколько толстеньких коров. Вдалеке, у берега реки, виднелась тёмненькая мельница.

Мужчина в шляпе с шорохом положил свой лист на стол. На листе была серая картинка – ряд причудливых домиков с длинными треугольными крышами, позади них торчало несколько острых шпилей, а у подножья зданий вытянулся широкий водный канал. Ниже высыпали чёрненькие строчки печатного текста, доходившего до самого края бумаги.

Здравствуй, садись! – произнёс господин, взглянув на Софрона и показав рукой на стул.

Тот сел напротив него. Лицо мужчины было угловатым, морщинистым, и довольно серьёзным. Его обрамляла аккуратная белоснежная борода. На груди, на чёрном дублете, блестел большой серебристый крест.

Ян ван Ваалерхоф! – воскликнул иноземец, кивнув головой. – Питер будет толмач.

Мужчина начал оживлённо произносить слова, по-голландски. Затем, переводчик молвил:

– Кхм... Я представляю торговую компанию братьев ван Ваалерхоф! У нас есть всё, что тебе может быть нужно. Ваш государь дал... многие милости англичанам, но наше сукно – в два раза дешевле английского, и ничем не хуже по качеству и разнообразию! Мы продаём также украшения, золото, жемчуг. А ещё вино, портвейн...

Заморский купец и Софрон стали обсуждать сделку, договариваясь о ценах на товары. Питер шустро переводил их разговор.

Наконец, Ваалерхоф перестал говорить, и расслабленно откинулся на спинку стула. Немного помолчав, он задумчиво что-то произнёс.

– И ещё кое-что! – сказал Питер.

Иноземец придвинулся ближе к молодцу, смотря ему в глаза. Он начал речь – говорил неторопливо, и добродушно. По её окончании, толмач молвил:

– Я слышал, что вашему царю, не так давно, покорилась страна Сибирь – к востоку отсюда. Я бы хотел... установить

торговые отношения с этой землёй. Мне нужен хотя бы один московский корабль – или несколько таких кораблей. Ещё, мне нужен опытный проводник из москвитов, которому хорошо известен путь по морю, до устья реки Обь. Я готов щедро заплатить за эту услугу!

– Ну, я таких проводников не знаю, – незадачливо отвечал Софрон. – И кораблей морских у меня нет... Так что, подсобить с этим делом не смогу, увы! А торговать с тобою, сударь Валерхоф, готов с большой радостью!

Питер перевёл слова русского купца иноземцу. Прищурившись, тот въедливо смотрел молодцу в глаза. Наконец, он что-то сказал по-голландски. Толмач воскликнул:

– Хорошо! Я был рад знакомству с тобой, Софрон Савельев!

...

Софрон с Петькой спустились по лестнице.

– И что же это за товар, которого я никогда не видал? – спросил молодой купец.

– Пойдём за мной!

Они вышли на улицу, направились к другому зданию, и зашли туда.

Здесь было довольно темно. На горы бочонков, ящиков и сундуков падал из маленького окошка тонкий лучик света. Питер подошёл к сундучку, стоявшему в дальнем углу, и аккуратно открыл его. Пошарив в нём, он достал, из-под каких-то мешков, продолговатый предмет – ребристую тру-

бу, блестящую красноватым медным покрытием. Один её конец был толще другого.

Выходя из здания, товарищи шурились от яркого солнышка.

– Пошли вон к той башенке! – показал рукой голландец.

Они подымались вверх по крутой кольцевой лесенке, что была внутри тесной деревянной башни. И, наконец, очутились высоко над раскинувшейся местностью – на крыше.

Софрон глянул вокруг себя – в ярком дневном свете лежали все окрестности: речная гладь с иноземными кораблями, десятки домов посада, верхушки храмов, и огромная бревенчатая крепость.

– Держи, – Петька протянул молодому купцу медную трубу.

– Что это?

– Мой двоюродный брат, Гаспар из Антверпена – умнейший человек из всех, кого я знаю. Когда, пятнадцать лет назад, испанцы захватили город – ему пришлось бросить school, и уехать куда-нибудь подальше. Потом, он попытался поступить на униферситет Ляйден, но его не приняли! Но... это не помешало Гаспару делать собственный чертёж – а на его основе, делать разные чудесные вещи! То, что я дал тебе, есть только в пять экзэмплаар!

– О чём ты говоришь? – недоумевал молодец. – Это чтоль какая-то ваша свирелька немецкая?

– Нет, Софрон. Это труба для далёкого зрения! Только

повернись на север – нельзя смотреть через неё на солнце.

Софрон развернулся. Перед взором предстало бескрайнее зелёное море таёжного леса. Тайгу пронизывали длинные тёмно-синие рукава, окаймлявшие острова речного устья.

– Что ты там видишь? – спросил Питер, указывая рукой вперёд.

– Один лес вижу! И холмик небольшой.

Голландец помог товарищу подставить подзорную трубу к правому глазу.

– Закрой другой глаз!

Софрон зажмурил левое око. И увидел мутную зеленовато-серую мглу – всё было расплывчато.

– Какая-то каша, не видать ничего! – возмутился он.

– Возьми трубу левой рукой, а правой – крути её!

Молодец покрутил.

И показались – словно были совсем близко – огромные ели! Среди них – хижина, с крестом. Софрон подвинул объектив вправо – и увидел здорового мужика в чёрной мантии с капюшоном, покрытой белыми надписями и крестами, из капюшона торчала длиннющая белая борода. Чуть склонившись, монах держал топор. Размахнувшись, он со всей силы саданул по полену – оно разлетелось на куски. Затем, инок взял другое брёвнышко из кучи, лежавшей в траве.

Софрон повёл трубу вниз. Поплыли верхушки елей, сосен, берёз... сплошь был лес. Вдруг, появилась вырубка – небольшое поле. Двое мужчин с двузубыми вилами таскали

пучки сена, складывая их в большой стог. Молодец двинул взор влево – и показалась дорога. По ней скакали всадники – двое в одну, один в другую сторону. Софрон стал опускать объектив. И наконец, увидал чей-то двор, и – прямо перед собой – девушку, стоявшую у колодца. Она вовсю крутила ручку – в итоге, вытянула оттуда ведро с водой.

Молодец направил взор ещё ниже – всплыла какая-то тёмная крыша, и закрыла собой весь вид. Перед взором встали доски. Он убрал подзорную трубу в сторону. Впереди опять появилось всё то же море леса – в его нижней части извивалась тоненькой чёрной лентой дорожка.

– Ну и ну! – Софрон, улыбаясь, изумлённо посмотрел на Питера. – Замечательная вещичка!

– Готов продать, но цена будет немалая!

– Как скажешь, Петька, называй цену.

...Была ночь. Ясная и лунная. Софрон не спал. Он сидел во дворе усадьбы, а в руках держал подзорную трубу, которую купил у голландца – никак не мог нарадоваться.

Молодец встал со скамьи, и пошёл прогуляться. Пройдя пару построек – заметил избу, в её окошке теплился свет. Оттуда был слышен знакомый голос – голос его друга, и голос Ульяны.

Дальше показалась повалуша – высокая башенка, он зашёл туда. Минуя тёмные этажи, стал подниматься вверх – и наконец поднялся на верхний этаж.

Здесь было окошко – пустое, без стёклышка. Софрон распахнул ставни. Выглянув в окно, он увидел ночной посад – десятки крыш, деревца... Кое-где были огоньки. Поднеся к глазу подзорную трубу, он стал водить от одного огонька, к другому. На стенах, иной раз, виднелись зажжённые факела. Вдруг, где-то далеко, он увидел пламя, причём большое. Что-то горело. Кажется, горел высокий терем. Он пытался рассмотреть получше.

Молодой купец убрал трубу, нахмурившись. Его ум окутали мрачные, тревожные мысли...

***

На ночном небе висела полная луна. Вереница лошадей, и повозок двигалась по широкой лесной тропе. С обеих сторон шли тёмные и глухие ряды деревьев. Слева от дорожки, немного внизу, тянулся ручеёк, а за ним – заросли.

Кони топали по траве. Всадники были в пёстрых, дорогих одеждах. Повозки, тянувшиеся следом – подпрыгивали на кочках, тихонько громяхая. Там сидели люди, державшие в руках колчаны с луком, и со стрелами. Они весело болтали:

– Уток-то сколько настреляли!

– А больше и ничего.

– Ну, это да!

Один из всадников, вытянув руку вперёд, удивлённо сказал другому: «Смотри! Стоит посреди дороги!».

Вдали показалось яркое белое пятнышко, человек в белой рубахе. Он встал, широко расставив ноги, громко крича всадникам:

– Стойте! Остановитесь!

– Что?! – крикнул ему в недоумении один из крайних наездников. – Ты кто такой?!

– Дальше не уедешь! – задиристо воскликнул незнакомец. – Придётся встать – и отдать мне всё, что у тебя есть!

«Что за пёс, мать его!» – подумал всадник, и хлестнул поводьями лошадь. Та поскакала шустрее.

Вдруг, раздался гулкий взрыв – выстрел. Ещё один. Подстреленные кони с диким воплем повалились вниз. Наездники полетели следом. Одного растоптала лошадь, другой пополз куда-то в сторону.

Из лесу, с неистовым шумом, побежали к дороге десятки людей, размахивая саблями и дубинами. Свалившийся судорожно полз к ручью. Над ним взметнулась острая сабля.

– Не надо! – жалобно завопил он.

Разбойник отрубил ему голову, воткнув остриё в землю. Голова покатила вниз, и плюхнулась в воду, поток покраснел от хлещущей крови.

Охотники, спрыгнув с повозок, яростно отбивались. Звенели клинки. Грабителей было слишком много – они навалились разом, проламывая противникам черепа шипастыми палицами, одному за другим.

Один из всадников, что было сил, рванул вперёд. Он

мчался безумно быстро, пригнувшись. Грохнул выстрел. Ездок с силой подстегнул лошадь, она понеслась ещё быстрее. Глянув назад, он увидел двоих – за ним гнались. Раздался взрыв. Конь вздрогнул, и свалился вниз с очумелым ржанием. Всадник влетел лицом в грязь и траву, и покатился по склону.

Кое-как поднявшись с земли, он понёсся к лесу. Мужчина на вид был уже немолодой. Он был кудрявый, с длинной бородой, чуть седоватый. Пробежал по ручью. Сзади раздались шлепки по воде – двое мчались следом. Впереди – дремучие заросли елей. Почти добежав, он споткнулся, и рухнул на землю.

Его схватили за воротник, и грубо подняли за волосы:

– Этого убивать не надо! – сказал один грабитель второму.

Другой разбойник заломал ему руки, и начал обвязывать толстой верёвкой. Кудрявый стал сопротивляться, и закричал. Ему врезали ногой по затылку.

Пленника уложили в седло, и привязали к нему. Разбойничья лошадка помчалась вперёд.

...

Из-за леса выглянула большая усадьба. Высокий забор – ворота распахнуты настежь. Пленник, лежавший животом поперёк седла, открыл глаза, и воскликнул:

– Господи! На мой же собственный двор везут!

Лошадь въехала в ворота.

Спрыгнув на землю, разбойник тотчас стащил с седла хо-

зьяина усадьбы. Вокруг них, по темноте, туда-сюда ходили люди с пылающими факелами. Иные суетились. Слышались возмущённые, и пугливые возгласы. Доносилась ругань.

Подошёл человек. Они потащили узника вдвоём – к крыльцу высокого роскошного терема.

Вдруг, оттуда выбежала женщина, в платье и шёлковом платке, покрытых серебристыми узорами и жемчугом. Рухнув на колени перед разбойниками, она истошно заорала, рыдая и надрывая голос:

– Не убивайте его! – лицо несчастной покраснело.

– Заткнись, шлюха! – разбойник с силой ударил её сапогом в зубы. Женщина упала спиной в грязь. Кто-то подошёл, схватил, и поволок её – она вопила во всю глотку.

Хозяин усадьбы кричал, и вырывался. Но его держали крепко.

Пройдя сени, мужчину потащили на второй этаж. Наконец, подняв его наверх – бросили на пол и ушли.

Огромную и просторную горницу освещал огонь печи, стоявшей посередине. Печь была в изразцах, красиво расписанная. На стенах были полочки, поставцы... Из красного угла глядели иконы, обрамлённые золотом, на золотой цепочке висела лампадка.

Возле печи, среди комнаты, сидел Степан. Широко расставив ноги, он крутил в руках свой нож. Он торжествующе воскликнул:

– Вот ты и попался, Афанасий!

Купец встал, подошёл к стоявшему на коленях пленнику, и грозно крикнул:

– Когда мои хоромы сжёт и моих людишек перебил, думал – я тебя не найду?!

– Что ты теперь, Степан... атаман разбойничий? – угрюмо буркнул Афанасий.

– Нет, мой друг! Я через одного знакомого приятельство с лиходеями завёл. Как-то так.

Степан напряжённо ходил по комнате. Потом вновь подошёл к Афанасию, и наклонился к его лицу, подняв нож. И молвил:

– Я тебя освобожу, Афоня! Чего ради твою никчёмную душу губить? Но тебе всё равно деваться некуда! Даже не думай! Мои новые товарищи решат, куда тебя пристроить.

– Спасибо, – пленник тяжело нахмурился, – гибнуть мне не хочется... сделаю всё, что скажешь.

Степан стал резать ножом верёвки на руках пленника.

Когда он закончил, Афанасий с размаху вломил лбом по лбу рыжебородого купца. Степана отбросило к полу, нож куда-то вылетел.

Пленник накинулся на лежащего, и врезал ему по лицу, и плюнул в него, с криком:

– Когда в аду огненном встретимся – я тебе и там в морду плюну, собака! – и врезал ещё раз. – Денег моих, от корчмы, не прислал – уплыл за море к бусурманам! Всё ты заслужил!

Степан опомнился, и мощно пнул его ногами. Афанасий

отпрянул, и скорчился.

– Проклятый жидовин! – рявкнул купец, и быстро поднял нож с пола.

– А ты вместо креста Куран целуешь! – в бешенстве соперник набросился на Степана, пытаясь вырвать из рук клинок.

– Замолчи, гнида! – купец ударил кудрявого так, что тот с криком повалился вниз.

Степан замахнулся, и со всей силы воткнул лезвие в ладонь Афанасия. Он заорал. Кровь хлынула из ладони струёй.

Лысый купец подошёл к иконам – и закрыл их красной занавеской, спрятав горницу от взгляда святых. Потом, подбежал к одной из полочек, и взял оттуда толстый железный прут. Обернув один конец платком, он засунул другой в жерло печи.

– Ты сдохнешь! – решительно воскликнул Степан.

Немного погодя, он вынул раскалённый прут из печки. Быстро подойдя к лежащему, купец засадил калёную железяку прямо в глаз. Раздался оглушительный вопль! Мясо зашипело – кипящая кровь струилась из жуткой раны. Казалось, от этого крика лопнут окна. Степан сильнее надавил на прут – в голове Афанасия что-то хрустнуло. Наконец, вопль закончился. Тишина.

...

Рыжебородый купец весело спускался по крыльцу, держа в руке блестящий золотой кубок с изумрудами. Он повертел

его в руке, и подумал: «Какой красивый!».

Он спустился на землю. Справа послышался топот копыт. Через ворота прискакала лошадь. С неё спрыгнул молодой парень, кудрявый. Сашка Афанасьев тотчас бросился к купцу, и неистово заорал, достав из ножен сверкающий клинок сабли:

– Что ты натворил?! Где отец и мать?!

Подлетев к Степану, он замахнулся острой саблей. Купец выронил кубок.

Прогремел выстрел. От головы Сашки с брызгами отлетели алые куски. Его труп свалился на землю, у ног Степана. С правой стороны подошёл Фёдор с ружьём в руках.

Степан наклонился, поднял золотую чашу, и взглянул на мёртвое тело.

– Эх, ты! Добрый молодец. За делишки отца своего поплатился! – печально промолвил купец. – Федька, скажи, чтоб запалили здесь всё, как следует!

– Скажу, не волнуйся, – хмуро ответил товарищ.

Степан направился к человеку с факелом. Подойдя, сказал ему:

– Пошли за мною!

Они зашагали в сторону маленькой полуземлянки.

Зашли в неё – и оказались в темноте. Мрак разгоняло лишь дребезжащее пламя факела. Стали спускаться, топая по каменным ступеням. Раздавалось эхо.

Спустившись, побрели по каменистому полу. Было очень

прохладно, и тихо.

– Дай-ка мне! – Степан взял у напарника светоч. Он чуть отошёл, и посветил – в свете огня показалась бочка. Ещё одна. И ещё бочонки.

– Какой у него погреб огромный! – восхитился разбойник.

– А то!

Степан вскрыл бочку – и окунул голову в душистое заморское вино, хлебнув побольше.

– Райское зелье! – весело воскликнул купец. Он набрал вина в дорогой кубок. Издали слышались шаги, шло несколько человек. – Собирай всех – напьётесь от души. Говорил я, какое это местечко обильное!

– Говорил, сударь – так оно и есть! – напарник тоже испил из бочонка. Степан направился к выходу.

...

Огромный терем охватило пламя, заливая тёплым алым сиянием округу. Его острые языки танцевали и взмывали вверх, к далёкому ночному небу. Раздавался треск. Стреляли искорки – обломки брёвен с гулом отскакивали, и падали на землю.

Лица Степана и Фёдора были освещены огнём. Товарищи стояли у пожарища. Жар обдавал их щедро, чуть не обжигая кожу.

Степан хлебнул вина из драгоценной золотой чаши.

– Какой же грех большой! – угрюмо воскликнул Фёдор, и перекрестился. – Прости, Господи...

Купец молчал, со спокойной улыбкой глядя на гигантское трескучее зарево огня.

– На, попробуй! – Степан дал кубок товарищу.

Фёдор осушил чашу, и швырнул её в сторону. Друзья пошли к воротам.

Забравшись на своих коней – они поскакали прочь, рассекая ночную тишину. За их спинами стоял пылающий терем.

***

Денёк был пасмурный. Софрон брёл по людному торжищу. Он вёл разговор со здешним посадским жителем.

– Ходят слухи, – говорил тот, – что сегодня ночью лихие люди убили гостя Афанасия Васильева. И двор его пограбили, и сожгли!

– Я ж его сына знаю, Сашку! – взволнованно отвечал Софрон.

– Вот как! Тогда будем надеяться, что, Божией милостью, живым остался. Как бы то ни было, теперь староста со служилыми за душегубцев хорошенько возьмутся! Этот гость, Афанасий, был человек именитый, и повинностей никаких, говорят, не нёс.

Сквозь толпу, грубо расталкивая людей, пробирался вперёд отряд стрельцов. Их было много, каждый держал в руке пицаль. Они торопились.

Молодой купец напрягся. Ему сделалось очень страшно...

Накрапывал мелкий дождик. По двору ходили люди, что-то таскали. Под навесом галереи, за деревянными резными колоннами стоял Степан, с Никитой зверем. Купец облокотился на бочковатый столбец. На купце был узорчатый синий халат. Никита стоял в меховом плаще.

– У меня была корчма в Ярославле, – говорил Степан. Он всматривался в серую даль. – Хмельные напитки мне Афанасий отправлял из Холмогор. Доход от корчмы мы пополам делили. Там были и мои люди, и его. Много лет всё шло чудесно. Но потом, в городе новый воевода сделался – по извету отправил к корчме людей своих, и приставов, чтоб погромить её. А холопов Афанасьевых след простыл! Афанасий, я знаю – он это всё задумал! Я взял добро, и убежал в Астрахань, а оттуда – в Дербент. То раньше была земля персидского царя, а ныне, султана турецкого...

– Что же... говоришь, сжёг он усадьбу твою? И жену твою убил?

– Я не любил её, но... да. И погубил слуг моих верных!

– Ты ведь понимаешь, что лиходеев всех половят, однажды, – спокойно говорил Никита. – И тебя тоже приберут! К заплечному мастеру сначала отправишься, он будет тебя пытаться. Потом выведут на площадь – и голову отрубят! Или на кол посадят.

– Понимаю, – нахмурившись, ответил Степан.

– Что будешь делать?

– Я уплыву отсюда. Навсегда.

– С нами... в Мангазею?

– Да.

...

Степан сидел за столом, и ел. К нему подошёл Софрон, и воскликнул:

– Знаешь, о чём люди говорят, Степан? Убили Афанасия Васильева! Скажи мне, уж не подсоблял ли ты как-то разбойным людям?!

– Прости, Софрон. Не стану с тобой этого дела обсуждать, – отрезал купец. Потом, он добавил. – Я скоро отправлюсь с Никитой за море.

Молодец вышел во двор, судорожно крестясь, и повторяя молитву. Навстречу ему шёл Иван. Софрон вскрикнул:

– Ваня! Степан, скорей всего, в злом деле замешан! А вместе с ним – и мы с тобою. Он за море уплывёт, а нас – будут пытаться в темнице!

– Пушай Бог его судит, за все его дела. Я хотел тебе сказать – я отправляюсь в поход, с Никитой, и с товарищами – за соболиною пушшиной, в град Мангазею.

– Что? А я куда?!

...На холме, в дремучей тайге, между большими тёмными елями, стоял одинокий бревенчатый скит.

В тесной хижине был монах. Длиннобородой седой старец в великой схиме – чёрной робе с белыми крестами, и надпи-

сями – молился перед небольшой иконкой, стоя на коленях:
– Тебе, Богу и Творцу моему – в Троице Святей славимому Отцу, и Сыну, и Святому Духу поклоняюся, и вручаю душу, и тело мое! И молюся – Ты мя благослови, Ты мя помилуй! И от всякого мирскаго, диавольскаго, и телесного зла избави! И даждь в мире, без греха, прейти день сей! В славу Твою – и во спасение души моя! Аминь, – инок осенил себя крестным знаменем.

Он вышел на свежий воздух. Погода была прохладная, но приятная. Сев на пенёк, монах взглянул вдаль – с холма была видна бескрайняя водная гладь. Он заметил там, на море, два кораблика. Оставив позади устье реки, они уплывали вдаль – на север.

[26] Плундры – короткие и мешковатые брюки, популярные в XVI-XVIII вв.

Глава 4. Ветер дует с юга.

По бурному серому морю, вздымавшемуся из раза в раз волнами, стремительно плыл вперёд толстобокий коч. Он скрипел, и покачивался, его большой квадратный парус наполнился ветром. Корабль шёл уверенно. Спереди, вдалеке, плыл коч побольше – кормщиком там был Никита Зверь. С ним был Истома – указывал судну правильный путь – а ещё другие бывалые мореходы. Справа по курсу, далеко на горизонте, тянулась рваная полоска чёрных скал, и каменистых серых отмелей.

На малом корабле находились уже давно знакомые товарищи, кроме Михаила. Купец остался в Архангельске, чтобы потом, к концу лета, воротиться в Вологду.

Ветер был сильный. Свинцовые тучи изредка сыпали каплями. Капли летели в лицо товарищей, Степана, Фёдора, Софрона и Ивана, усевшихся на бочках, друг возле друга, в кругу – на ледяном ветру кутаясь в тёплые накидки. Неподаляку, по палубе, ходили двое – дёргали за толстые верёвки, идущие к парусу. Иван, склонившись, перебирал пальцами ожерелье из бирюзовых бусин, и большую костяную фигурку. Степан, завернувшись в меховую шубу, рассказывал товарищам историю:

– В Дербент я ходил в прошлом году...

***

Позади уплывали вдаль белокаменные башни Астрахани. Степан с другими купцами сидел в небольшой торговой ладье, под парусом. Ладья шла по Волге к Хвалынскому морю...

– Куда собрался? – Степан прицепился к плывшему с ними иноку. Монах сидел в чёрной робе, из-под чёрного капюшона был виден низ лица. Парень был молодой.

– Не твоё дело. Отстань! – раздражённо ответил молодой чернец низким голосом. В руках он держал небольшую книжку.

– Что, тяжело жить на белом свете?! – усмехнулся купец. – Решил от невзгод убежать – сначала послушником сделаться, а потом за море уплыть? Не поможет!

– Нет. Я в деревне жил – и всё было чудесно. Но потом, Господь призвал меня праведности искать среди неправедных! В странах восточных, среди агарян... Ты ищешь блаженства земного, а я – вечного. Смотри, ещё веру христианскую позабудешь ради прелестей сего мира!

Другой купец подошёл, и сказал:

– Стёпка, не трогай его! Он тебе чем мешает?

...

Стояла жара. Над головой, с чистого синего неба, палило солнце. Ладья качалась на волнах. Впереди, на гористом бе-

регу, появились сотни бледно-коричневых домиков и желтоватая крепость. Неподалёку проплывали корабли. Взбиравшимся от синего моря наверх, на пустынные склоны Кавказа, предстал город Дербент.

Степан присел на колени возле монаха:

– Благослови! Долго мне храмов православных не видеть.

Чернец окрестил купца сложенными пальцами руки.

Ладья причалила. Опустили сходни. Купцы зашагали по ним, и очутились на пёстрой шумной пристани. По ней ходили рабы и знатные господа. Мелькали рваные тряпки, цветные кафтаны, и белоснежные чалмы с длинными перьями...

Степан с товарищем поднимались по залитой солнцем узкой улочке. Всё было светло-песчаное, по бокам тянулись квадратные домики. Ходило множество народу, мужчины и женщины в платках, и накидках. Кто-то вёл навьюченных осликов.

Купцы вышли на базар. Степан бросил серебро продавцу фруктов, разложенных на одеяле, и взял парочку персиков. Дав один товарищу, он откусил свой. Они шли дальше, жуя сочные персики.

– Бу нэ чюрэт?! – угрожающе крикнул янычар в красном кафтане какому-то местному жителю. Подошёл второй янычар. С их голов торчали широкие белые шапки, спускаясь кусками ткани за плечи.

Товарищи ушли вперёд.

Из-за низкого домика выглядывало деревце, всё усеянное

птичками, непрерывно прыгавшими по веткам. Степан замахнулся, и швырнул в них персик. Птицы с криком разлетелись в стороны. Друзья смеялись.

...

Толпа янычар в ярко-алых платьях, шедших попарно и лязгавших ятаганами, двигалась вперёд меж круглыми кирпичевыми башнями. Товарищи шагали за ними. Неподадалёку, рабочие шустро таскали кирпичи и большие камни. Степан заметил, что кусок стены обвалился – прореху торопливо залатывали.

Купцы приблизились к воротам. Их стерегло двое усатых воинов в чёрных одеждах, с чёрными платками на головах и торчащими оттуда острыми железными луковицами.

– Кто такие? – спросил один по-турецки.

Степан умел связать пару слов на этом языке, и ответил:

– Русские купцы. Мы пришли к Хусейн-эфенди!

– Идите за нами!

...

В светлой комнате, Степан стоял у высокого зеркала, обрамлённого золотыми завитушками. В зеркале виднелся высокий и худощавый мужчина сорока лет. На нём был тонкий бледно-розовый халат из шёлка, весь покрытый изящным золотым узором, поблёскивавшим в лучах света, которые падали справа, из окна. Купец поправил халат возле глубокого выреза на груди. Его грудь вся была в ярко-рыжих волосах. Погладил короткую рыжую бороду. На блестящей лысой го-

лове, на макушке, сидела бледно-розовая тюбетейка в золоте.

В комнату зашёл слуга в красной шапочке с кисточкой:

– Хусейн-эфенди приглашает тебя на прогулку! – деликатно сказал он, по-русски. И поклонился.

...

Степан, и ещё множество других мужчин в высоких тюрбанах, тюбетейках и фесках²⁷, оживлённо болтая, неторопливо брели по верху крепостной стены. Справа, по её краю, шёл ряд небольших светло-рыжеватых зубцов. Подойдя к ним, купец взглянул вдаль – внизу раскинулся весь город, уходящий к синему морю. Среди домиков торчали башенки, и длинные минареты мечетей. У самого подножия стены, виднелся красивый зелёный садик, с вытянутым прудом и фонтанчиками.

Отойдя от края, Степан зашагал вслед за остальными.

...

Мужчины стояли внутри замка, в длинном светлом коридоре.

– Это птицы из Эфиопии! – весело воскликнул по-турецки молодой правитель Дербента, Хусейн, показывая на огромных бело-сине-оранжевых попугаев, сидевших на плечах у темнокожих слуг.

Попугаи яростно вскрикивали, мотая и щёлкая крючковатыми клювами. Степан, залиvisto смеясь, пытался засунуть

---

²⁷ Феска – восточная шапочка с кисточкой

палец им в клюв и схватить за голову.

Хусейн произнёс длинную фразу. К купцу подошёл слуга в красной шапочке, вежливо сказав на русском:

– Я покажу тебе зверя – самого грозного и сильного! Невиданного в России, и где-либо в северных странах. Только будь осторожней!

...

Степан, в окружении янычар, зашёл в большое полутёмное помещение. Хусейн был сзади.

В дальнем углу сидел гигантский лев. Лев медленно вздымался, и сопел – он дремал. Купец тихо подошёл к могучему зверю. Янычары издали крикнули что-то непонятное. Степан не обратил внимания.

Он погладил льва по мохнатому носу, и лбу. Погладил мягкую пушистую гриву. Почесал за ухом. Зверь заворочался, и заурчал. Он поднял морду, открыл свои большие оранжево-янтарные глаза – и сосредоточенно взглянул в глаза Степану.

Купец убрал руку, и медленно попятился назад. В звере что-то загрохотало, морда озлобилась. Он широко раскрыл пасть с клыками, резко сиганул вперёд – и полетел на купца. Янычары с воплями бросились в разные стороны. Степан в ужасе прыгнул спиной назад – пасть льва со стуком захлопнулась прямо у его рыжеволосой груди. Гроыхнула вздёрутая цепь – лев был прикован к стене.

– О, Господи! – купец отпятился назад, и стал креститься.

Его тут же подхватил за плечи Хусейн, и встревоженно воскликнул по-турецки:

– Я же тебе говорил!

...

Мужчины в тюрбанах шагали по светлому коридору дворца. Его стены, покрытые причудливой вязью, уходили вдаль. По коридору бегали туда-сюда и суетились слуги. Ходили стражники.

Молодой повелитель весело молвил одно слово за другим. Слуга в красной феске поклонился до земли, а затем сказал:

– Клянусь Аллахом, для меня нет большей радости, чем снова видеть тебя, Степан! В Дербенте всегда готовы с честью принять заморских гостей! Но сейчас, я должен оставить тебя, из-за очень важных дел, которые ждут меня, и моих советников. До встречи, друг!

Степан поклонился в ответ, и воскликнул, улыбаясь:

– Взаимно, мой друг!

Хусейн с советниками удалились. От них отстал один человек в большой белой чалме. Этот мужчина подошёл к Степану. Они вдвоём юркнули за угол, в небольшой боковой проход, и встали у стены.

– Я рад тебя видеть, Юсуф-ага! – воскликнул купец. Мужчины крепко обнялись. Юсуф – пожилой, полный и круглолицый, с раскидистой белой бородой без усов – широко улыбался, хлопая Степана ладонью по спине.

– Я тоже! – ответил он по-русски. – Я жду тебя сегодня

вечером!

...

Степан решил сходить в сад. Стояла жара. В полуденном зное, палимые солнцем, на скамье дремали двое янычар, прислонясь спинами к стене, закрыв глаза и похрапывая.

Журчали тоненькие струйки фонтанов. Степан прогуливался между сочными зелёными кустами, вдоль пруда. От воды веяло ласковой и свежей прохладой.

Возле пышного дерева, усеянного цветами, стояла юная девица в тёмном платье, худенькая и черноволосая. Купец, не теряя времени, устремился к ней.

– Как тебя зовут? – спросил он по-турецки, подойдя близко.

– Гюльсум, – спокойно ответила она, разглядывая и перебирая большие бледно-розовые цветы и бутоны. – А ты... торговец из России?

– Да! Меня зовут Степан.

– Я тоже не из этих краёв... Здесь очень милый сад, правда? – Гюльсум посмотрела в лицо Степану, от взгляда жгучих чёрных глаз его кожа покрылась мурашками. На её нежные и румяные щёчки падали чёрные локоны.

– Правда. Это какие-то необычные цветы! Я таких в жизни не видал. Очень красивые, – купец серьёзно взглянул на девушку, поправляя ей чёрный локон за ушко, – но прекрасней их, прекраснее всего в этом городе – это ты!

Гюльсум радостно улыбнулась. Она взяла край его распах-

нутаго халата на груди, проводя пальцами:

– Твоя одежда, Степан, прямо как эти цветы! – ласково воскликнула она, смотря ему в лицо. Потом задумчиво добавила. – А твоя борода как... огонь.

...

Вечер. Но было ещё светло. Степан сидел возле Юсуфа, на мягких подушках, на полу – в просторной комнате. Под подушками были тёмно-красные ковры с невероятными узорами, в тысячах листочков и ромбиков которых терялся взгляд...

На коврах стояли серебряные кубки, и блюда. Длинноногие наложницы в шёлковых юбках, наклонившись, наливали в чаши вино из расписных бело-синих кувшинов, и раскладывали по блюдам инжир, виноград и большие сливы.

Степан и Юсуф неспеша ели фрукты, и пили изысканное вино. Звучала подвывающая струнная музыка.

– Сегодня во дворце встречали важного гостя, – молвил советник, и вздохнул. – Как же долго это длилось!

– Я слышал, в вашем Куране написано, что грешное дело – вино пить, – сказал купец, потягивая напиток из кубка.

– Так и есть! – спокойно воскликнул Юсуф. – Но для чего же Аллах установил этот запрет, если не для того, чтобы мусульманин был счастлив выпить немного вина, после долгого перерыва?

Степан почесал лысую макушку.

Перебирая струны толстобочкой багламы²⁸, молодой парень в светлой накидке – кудрявый и длинноволосый, с густой чёрной бородой – напевал какую-то восточную песню...

– У него голос соловья! – с улыбкой произнёс пожилой советник. – Этот прекрасный музыкант – перс, но несмотря на это он может петь на всех наречиях, какие только есть на свете!

– Правда? – нехотя отозвался купец. – Всех наречий я не ведаю... Пускай хотя б на русском что-то споёт!

Музыкант улыбнулся, и забренчал, напевая:

– Мать моя, Мари-ия... По полю ходи-ила...

Свечи разноси-ила – у Бога проси-ила...

Боже, наш, Бо-оже! Уроди нам ро-оже...

Степан одобрительно кивнул головой.

Друзья допивали вино. Комната, спустя время, окрасилась в алый цвет – из окна падали уже последние лучи заходящего солнца.

Кудрявый певец тянул, подыгрывая струнами:

– А-апо ксэно то-опо –

Кя ап аларйино-о-о!

Ирф эна корици-и фо-ос му, дэкаохто хроно-о,

Ирф эна корици-и фо-ос му, дэкаохто хроно-о...

– Это на каком? – спросил Степан Юсуфа.

– На греческом.

---

²⁸ Баглама – струнный щипковый музыкальный инструмент, популярный на Востоке

– Красивая песенка, о чём она?

– О молодой девушке, восемнадцати лет. Эта девушка из далёких, чужих краёв...

Купец глубоко вздохнул, смотря потерянными глазами куда-то в сторону. От вина кружилась голова. Просторная комната, залитая багрянцем, мерцала и расплывалась.

Друзья, наконец, встали, и подошли к распахнутому окну. Оттуда дул прохладный ветерок.

Там, за окном – кромка неба налилась розово-алой краской. Слева – шумело море, тихо шелестя волнами по бережку. Справа громоздились жёлто-коричневые домики, поднимаясь, один за другим, на крутой склон. Взмахивая крыльями, летали и вскрикивали проворные чайки. Большое ярко-красное солнце медленно садилось за гору, стреляя тонкими красными лучами.

Юсуф спокойно, и сосредоточенно, говорил другу:

– Хусейн – молодой, неопытный правитель. Турки не так давно забрали Дербент у Персии. Он истребил множество его знатных жителей! Многих из них – несправедливо, и без какой-либо надобности. Он тронул тех, кого трогать было нельзя, – круглолицый советник угрожающе прищурился. – Тех, кто был дорог и мне.

Юсуф обнял купца, положив руку ему на плечо. Другой рукой он показал вперёд, хитро улыбаясь:

– За морем, и за теми холмами, Степан – лежит Персия! А здешним жителям не по нраву власть Османов, – он ре-

шитительно продолжал. – На твоё серебро я смогу подкупить стражу и горожан! Они устроят мятеж, расправятся с янычарами – и убьют Хусейна. Сто пятьдесят тысяч персидских сабель уже ждут – когда придёт час вторгнуться в Ширван. Они захватят Дербент! Сюда вступит персидское войско. Я стану падишахом. А ты будешь моим визирем!

Степан не слышал, что ему говорит Юсуф. Перед глазами купца были чёрные волосы Гюльсум. И её нежная ручка, которой она держала большой розовый цветок.

– Да, я... я подумаю, – растерянно ответил он.

...

Было утро. Они шли по гладкой каменистой дороге, между круглыми коричневыми башнями. Степан держал её за руку. Девушка остановилась, и, снизу вверх, взглянула в его глаза.

– Я рада, что встретила тебя, Степан! – она тепло улыбалась. Они крепко сплели пальцы обеих рук.

Степан поцеловал Гюльсум. Они долго, и жадно, поглощали губы друг друга.

Наконец, она воскликнула, тяжело вздохнув:

– Я должна идти, потому что меня, наверное, уже ищут! – её изящное личико было исполнено печалью. – Пожалуйста, не провожай меня!

Степан всё не мог налюбоваться Гюльсум, и смотрел на неё до тех пор, пока она не исчезла за высокой коричневой аркой, уйдя куда-то вглубь паутины улочек крепости...

Купец медленно зашагал по проходу между башнями, спускаясь в сторону города, к морю. Сзади раздался топот. Кто-то быстро бежал, грохоча железом. Степан обернулся – двое янычар неслись прямо на него. Они догнали его, и грубо схватили за руки. Тяжёлый сапог врезался в спину – купец грохнулся на камни, разбив себе подбородок.

– Вы что творите?! – завопил он.

Янычары что-то кричали. Они заломали его руки, и перевязали запястья.

...

Купца приволокли во дворец, в светлую комнату. Хусейн стоял к нему спиной, смотря в окно. Он гневно восклицал что-то на турецком, размахивая руками. Когда это прекратилось, слуга в красной шапочке начал речь:

– Ты очень сильно разочаровал меня, Степан! Известно ли тебе, что в город приехал из столицы султан Мехмед! Я принял его с великими почестями! Но когда до него дошли слухи, что какой-то незнакомец, а ещё и неверный, общается с его дочерью – он был вне себя от ярости! Помня нашу прежнюю дружбу, я выпросил, чтобы тебя не казнили. Тебя посадят на каторгу²⁹, которая плывёт в Бухару. Там, ты будешь продан в рабство.

– Но я же... – ошеломлённо вытаращив глаза, Степан силится что-то сказать.

Янычары подошли к нему, схватили за руки и за шею и

---

²⁹ Каторга – турецкое гребное судно

потасили к выходу.

***

Морось становилась всё хлеще. Ветер, казалось, скоро разорвёт парус в клочья.

– ...янычары схватили меня, и потасили в узилище! – воскликнул Степан. Его голос глушили порывы ветра.

Вдруг, зазвучал густой шелестящий стук – застучали градинки по палубе. Корабль со скрипом покосился, и пошёл куда-то вправо. Огромная волна захлестнула коч – ледяная вода обдала товарищей.

Все вскочили, и засуетились, пытаясь вернуть корабль в прежнее положение. Тем временем, большой коч растворился где-то в белом тумане, и в шуме града.

Впереди показались чёрные камни, и серая галька. Берег приближался пугающе быстро. Что-то оглушительно бахнуло по корпусу корабля – он с жалобным треском взвалился на землю.

...

Выброшенные на берег мореходы пытались обустроить ночлег. Поставили палатку из древесных прутьев и кожаного покрывала. Вытащили из трюма повалившегося на бок корабля бочки со съестными припасами. Разожгли костёр.

Град уже скоро закончился. Рассеялся туман. Немного посветлело, бледное заполярное солнышко иногда выглядыва-

ло из-за серых облаков. Хотя было ночное время, солнце не садилось. Товарищи немного поспали, и подкрепились у костра.

К утру Степан, Фёдор и трое поморов из Архангельска, вытащили карбас³⁰ с корабля.

– Мы поплывём вдоль берега, искать Никитин коч, а вы оставайтесь здесь, и ждите! – сказал Степан Ивану с Софроном.

Пятеро сели в лодку, и отправились на поиски. Карбас скрылся за тёмной скалой вдававшегося в море мыса.

...

Было светло. Друзья сидели у костра, и поджаривали сырую рыбку на длинных палочках. Вдалеке, где валялся брошенный кораблик, еле слышно шумели беспокойные волны студёного моря.

– Мы не знаем, Ваня, даже того, где сейчас находимся! – печалился Софрон. – Знатцы-то все наши – звероловы-то, и мореплаватели – все на другом корабле!

– Не волнуйся, друг! – Иван спокойно улыбался, pokruchивая прутик с кусками рыбы над огнём костерка. – С Божьей помощью всё разрешится! Встретим мы Никиту, и товарищей.

– Какой ты уверенный стал в последнее время! – ехидно воскликнул молодой купец. – А то когда я тебя в Ярославле с собой позвал – был бледнее смерти!

---

³⁰ Карбас – вёсельная лодка

– Я тогда всё о Софье кручинился! Хотел вот рассказать... Летом, приехала она ко мне с отцом, из Литвы. Она постарше меня на три года, а ещё знания обширные имела. Привезла с собою книжек и азбуковников. В книжках тех были вирши и повести заморские, и хроники латинские. Стала меня обучать грамоте, и языкам иноземным!

– Откуда ж такие бабы берутся...

– Спустя месяц, послал я к ней людей с письмом. В том письме пригласил её ночью на пристани встретиться. Она пришла. Сели мы в лодочку, и поплыли по реке, на звёзды поглядывая. Я счастлив был, и она улыбалась... Потом Софья уехала из Ярославля. Прежде того говорила, письмо мне напишет. Но так и не написала. Когда, зимою, узнал я, что она приехала – то пригласил её снова на пристань. И там, она сказала, что уже и позабыла обо мне, и не любит.

– И что же? Надобно было так горевать?

– Может и не надобно было. И всё ж, грехов превеликое множество в душе моей таится, – вздохнул Иван. – Теперь вот, прельстился Ульяною... всё о ней думаю.

...

– Пойду я, прогуляюсь по бережку, Софрон. Скоро ворочусь.

– Давай.

Молодой купец сидел у костра, кутаясь в тёплую меховую накидку. Оставшись один, он глядел вдаль, на море. Вдали – только серая водная гладь, сходящаяся с серо-голубоватым

небом. И что-то острое ещё чернело среди волн.

Софрон пошарил в своей сумке, и вынул подозрную трубу. Глянув туда, он с удивлением подумал: «Корабль?».

...

Иван брёл вдоль галечной отмели, по берегу. Дул холодный ветер. В голове молодца было много разных мыслей – приятных и не очень. Вокруг него – раскинулась голая серо-зеленоватая тундра. Кое-где лежали валуны. Иной раз, встречалась тоненькая низкорослая берёзка, кой-какие деревца стелились по земле.

Справа, вдалеке, показался холм. Оттуда что-то причудливо торчало. Иван направился к холму.

На его верху стояли длинные и толстые деревянные столбы – резные истуканы. По земле были разбросаны косточки. Иван подошёл к здоровой юрте, заострённой и вытянутой кверху. Она была обёрнута рваной, хлопавшей на ветру, бледно-коричневой мохнатой шкурой какого-то зверя.

Внутри было слегка темно, свет падал через дыры. Чернело пепелище очага. Валялись вытянутые черепа, на вид – оленьи. Иван настороженно оглядел пустое жилище, и вышел наружу через другой край.

Он подошёл к истуканам. Столбы были высокие. С их вершин, на него смотрели грубо высеченные хари. Их рты были вымазаны кровью. Иван вдруг заметил, что один столбец был поменьше, и заострён обломанным концом наверху. На столбце были вырезаны какие-то значки – человечки. Вме-

сто голов у них – морды собак. И рыбы – но с длинными руками. Молодец наступил сапогом на что-то твёрдое. Подняв это, он увидал – это был православный крест, сидевший на отломанной верхушке столба. На нём была выскоблена угловатая надпись:

«Ванька молодой».

Иван с тревогой положил крест на землю. Неподдалёку, раздался шорох. Ветер подул так сильно, что покатались камешки и косточки. Он принёс с собой протяжный вой – завывали то ли волки, то ли псы. Молодец поспешно покинул холм с истуканами, и заторопился к Софрону.

...

– Наконец-то! – вскрикнул Софрон. – Иди сюда! Держи.

Он вручил другу подзорную трубу, и показал рукой на берег моря. Иван поднёс прибор к глазу, зажмурил другой. На волнах качался большой многоярусный парусник – с тремя высокими мачтами.

– Немецкий корабль! – молодец убрал трубку вниз.

– Пошли быстрее к нашему кочу, достанем вторую лодочку!

...

Матрос в серой рубаше, и широких коричневых штанах распевал, карабкаясь по вантам:

– There once was a ship that put to se-e-ea!

С палубы ему отвечали шумным хором:

– The na-a-ame of the ship – was the Billy of Tea!

– The winds blew up, her bow dipped down...

– O blow, my bully boys, blo-o-ow! – орали моряки в ответ.

Матрос, висая на прочной канатной паутине под парусом, оглядывал округу, приставив ладонь ко лбу:

– Look! – вскрикнул он с удивлением, показывая рукой. –

I see another muscovian boat!

– Yeah, it's coming toward us! – ответил ему товарищ с палубы.

Маленький карбас подплыл к английскому судну. Матросы с оживлением приняли гостей, и проводили их в трюм.

...

Софрон с Иваном медленно вошли в каюту. Здесь всё было-кофейно-желтоватое – висели карты, шкафчики, полка с книгами, стояли тумбочки. Сияли маленькие решётчатые окошки. Под окнами был высокий большой стол. Возле стола стоял седоволосый мужчина в мешковатой белой рубаше. Он всплеснул руками, и радостно воскликнул по-русски:

– Добро пожаловать на Клэйр, дорогие гости! Я – мидш-эпмэн Чарлз! – пожилой мичман взял со стола круглые очки, и надел их.

Товарищи поприветствовали его, и назвали свои имена. Они подошли к столу.

– Нам, Чарлз, хотелось бы узнать от тебя, где мы находимся, – сказал Софрон. – Мы сбились с пути!

– Уэлл, это должно быть... Уэйгэтз айлэнд! Та земля, что вдалеке – это остров.

– Остров Вайгач, хочешь сказать?

Иван, тем временем, склонился над столом. На нём лежала жёлто-серая карта с десятками чёрненьких надписей. Стоял небольшой коричневый глобус. Слева в углу карты было выведено большими буквами: «RVSSIA». Рядом валялась открытая на первых страницах книга: на одном листе была гравюра – мужчина в кафтане и здоровой меховой шапке, и два медведя у его ног, которых он поглаживал по голове; на другой странице – заголовок: «Of the Russe Common Wealth... by Giles Fletcher». В стороне лежала золотистая круглая астролябия. На правом верхнем углу карты, возле надписи «Nova Zembla», стояла тлеющая свеча, освещающая вычерченный берег, острова и материк. Прямо под свечкой был островок, с подписью «Waygats». Вниз от него шла цепочка острых гор:

– Камень большой! – проводя пальцем, тихо произнёс Иван. – Сивэ цингулюс тэррэ... то есть, пояс земли.

Справа от гор, вглубь материка вдавался широкий залив – «Oceanus Tartaricus», от него змеились полосы – впадающие туда реки: «Oby fl.» и «Taz fl.». А между ними была надпись: «Samogedi. Id est se mutuo comedentes».

– Сами себя же поедающие! – подумал молодец.

Возле этой надписи была нарисована сидящая на гигантском пьедестале женщина. В одной руке она держала ребёнка, а в другой – острый трезубец. Её окружали сгорбленные в молитвенной позе человечки на коленях. Подпись гласила:

«Zolotaia baba idolum».

Софрон воскликнул:

– Ты видел какой-нибудь корабль или лодочку, как у нас?

– Да! – ответил Чарльз. – Я видел, сначала, корабль, а после – точно такую же лодку, как ваша!

– Правда?! И давно?

– Я обо всё расскажу, – мичман достал из шкафчика три чарки, и расставил их на столе, возле карты. – Давайте же для начала выпьем, и поедим! Иван, тебя так интересуется этот чертёж? Неужели ты понимаешь, что здесь написано?

...

Чарльз и его русские гости трапезничали за столом. Гостям было рассказано о том, как, сначала коч, а затем и карбас, уплыли к востоку, вдоль берега.

Вдруг, вышибло дверь – в каюту ввалился здоровенный мужчина в зелёном камзоле, круглом белом воротничке и чёрной треуголке, заливаясь смехом:

– Здравствуйте! Аха-ха! Я капитан Линдси!

Он подлетел к гостям, схватил и убрал со стола склянку с настойкой, весело воскликнув:

– Чарли поит вас полной дрянью! – Линдси с грохотом вскрыл сундук, стоявший внизу, и вынул оттуда гигантскую чёрную бутылку с жёлтой надписью «ROM» и мигом разлил напиток по чаркам.

– Ваше здоровье! – вскрикнул капитан, и опрокинул стакан рома. – Как вас зовут, май фэллоуз?

Софрон поднял чарку, стал пить. И резко поперхнулся, с шумом выплюнув жидкость.

– Аха-ха! – рассмеялся предводитель судна.

...

Иван захотел посмотреть книги, которые стояли на полке у мичмана, и остался с ним. Софрон и Линдси отправились в капитанскую каюту.

Здесь было светло, на стене висела большая карта. На столике стоял череп. Софрон перекрестился. Капитан воскликнул со смехом:

– Я учился на лекаря! Но всегда мечтал быть э пайрэт!

– Кем?

– Морским разбойником! Ха-ха-ха!

Линдси схватил молодого купца за плечо и подвёл к стене. Капитан ткнул пальцем в один из множества островков, изображённых на карте:

– Я захвачу остров Лас-Пальмас, стану главой пиратов и буду грабить корабли с золотом!

– А сейчас-то куда путь держишь?

Линдси резко засмеялся:

– Я решил отыскать эту золотую бабу! Потом найти пролив, и попасть в Китай и в Индию! Аха-ха! На этом краю света можно только понюхать вонючую задницу медведя! А на острове, будет много испанских женщин! Не золотых, правда, а обычных – но хуже они от этого не становятся! Ха-ха-ха!

...

Иван стоял возле полки, аккуратно вынимая одну книжицу за другой, и листая бледно-желтоватые страницы. Он смотрел заголовки... «Sir Gawain and the Green Knight», слева гравюра – всадник в доспехе, с мечом. Молодец поставил книгу, и взял следующую: «Tragedy of Romeo and Juliet... Printed in London».

– Что тебе интересней, Иван? Я помогу найти! – сказал Чарльз.

– Что-нибудь на латинском, о морских путешествиях.

– Хм...

Мичман, немного поразмыслив, вытащил из ряда книжек одну ветхую и тоненькую, и дал её Ивану. Они подошли к столу. Молодец положил брошюру на стол, склонился над ней и перевернул страницу. Начав читать заглавие, он удивлённо раскрыл глаза:

– Рэлацио дэ примо итинэрэ пэр орбэм... Доклад о первом путешествии вокруг света?

– Верно! – с восторгом ответил моряк. – Его написал Энтони Пигафетта. Он плыл на корабле с Маджеллэн, великим... мастэ оф навигейшн!

Иван, вздохнув, изумлённо взглянул на собеседника, не говоря ни слова. Чарльз аккуратно придвинул поближе небольшой глобус. Он приставил к нему указательный палец:

– Энтони был родом из Италии! Восемьдесят лет назад, этот человек решил наняться в экспедишн испанцев

к Мэлаккэз. Он не был моряком! Всего лишь любителем джиагрэфи, – мичман стал медленно вертеть глобус, проводя пальцем влево. – Корабли приплыли во-от сюда... плывя на запад – это было в первый раз! Никто раньше не пересекал этого огромного моря, они называли его – спокойным. Португальцы плавали к Мэлаккэз восточным путём... Пигафетта записывал всё, что с ним происходило! Когда немногие выжившие, включая его, обогнули землю и вернулись домой, он выдал длинный рассказ обо всех событиях и найденных диковинных местах, где побывали корабли Маджеллэн. Это – первоисточник. Рассказ просто невероятный! Благодаря Энтони, мы знаем все подробности путешествия.

...

Капитан Линдси, вместе с Иваном и Софроном, поднялись на палубу. Холодный ветер гнал густые тучи по небу. Чайки кружили под парусами.

Они шагали по палубе. Вокруг сновали матросы. Линдси что-то рассказывал гостям судна, заливаясь громким смехом. Он держал в левой руке чёрный шарик с фитилём, а в правой – ажурный пистолет. Крутанув им, капитан резко вскинул руку. Раздался оглушительный выстрел. Птицы с криком разлетелись по сторонам. Товарищи схватились за уши.

– Донт слип! – весело крикнул Линдси матросам. – Лэй зэ кэнонболлз, куикли!

Моряки забегали, и стали закидывать ядра в жерла пушек,

которыми был заставлен весь борт корабля.

Подойдя со своими гостями к борту, капитан вручил им чёрный шарик и пистолет, как подарок. Он воскликнул, улыбаясь:

– Гудбай, май маскэуайт фрэндз!

За бортом громыхали свинцовые волны раскинувшегося повсюду моря. Товарищи спустились в лодку. Трёхмачтовая Клэйр, потихоньку, стала отдаляться и уменьшаться. Когда она была уже на большом расстоянии, раздался громовой пушечный залп! На далёком английском судне ещё был виден Линдси, он махал друзьям рукой.

...

Подплывая к берегу, как оказалось, острова Вайгач, друзья с радостью встретили возвращавшийся большой коч со всеми остальными товарищами. С ними вернулись и те, кто отправлялся на поиски пропавшего корабля.

На острове простояли ещё пару дней. Залатали пробоину на малом коче. Дождавшись пригожей погоды и ветра, пустились в путь, на восток – к берегам Ямала.

Подойдя, спустя несколько суток, к Ямалу, вошли в речку Мутную. Речка эта была неглубокая. Как и ожидали, пришлось разгрузить кочи, и через сеть озерце и волоков протаскать, сначала мелкие паузки³¹ с товарами и припасами, а потом и сами корабли. Тащили своею силой, на верёвках – по зыбкой и болотистой тундре. Через пару недель товари-

---

³¹ Паузок – мелкое судно для разгрузки кораблей на мелях

щи выволокли суда в реку Зелёную. Из этой реки вышли в Обскую губу, оттуда – в губу Тазовскую.

Скупое на тёплые деньки арктическое лето уже близилось к концу. Погода подсобляла товарищам. Льды не встречались, и не преграждали им пути. Не за горами было устье реки Таз.

...

Корабли медленно шли по спокойной воде. Светило солнышко. С двух разных сторон, вдали, тянулось по полосе. Далёкие берега были уже слегка красноватыми.

Что ж, о чём в прошлый раз не договорил – то я вам сейчас поведаю! – воскликнул Степан.

***

Янычары, таща купца в рваном тряпье, спустились в тёмное подземелье. Пройдя сеть коридоров, подошли к решётке. Вскрыв замок и отворив её, они бросили узника на каменный пол. Решётка захлопнулась.

В камере было светло, из продолговатого отверстия под потолком падали лучи. Степан, валяясь на боку, в ярости закричал. Он вскочил, и принялся отчаянно колотить по каменной стене, извергая проклятия.

– Что ты? – раздался спокойный голос неподалёку. На полу, лёгши спиной к стенке и вытянув ноги, сидел невысокий мужичок, лохматый и бородатый.

– Я ненавижу вас всех! – яростно орал Степан, разбивая кулаки о камни стены. Он опустил на стену лоб. Потом, присел и воскликнул обречённо. – Вот мне и конец!

Мужичок сидел рядом:

– Ну хватит, как тебя сюда занесло-то? Тоже, видать, на каторгу пойдёшь?

– Какая разница! Я не хочу жить!

– Бросай злословить, грешник ты законченный! Сколько Господь отвёл тягостей на земле – столько и будет, – лицо мужичка было круглым и слегка грубоватым. – Знаешь, как я сюда попал? Жил я под Тулой, сапожник был. Пришли татары. Спалили мою хату. Жену – саблей на две половинки разрубили. А дочь, полгода ей было – коню под ноги кинули, и он её разбил копытами! Меня связали, и понёсся я по степи в седле татарина, в чужую землю. Уже несколько хозяев сменил – и теперь сижу здесь.

Степан молчал, нахмурившись. Мужичок сказал:

– На Бога надеяться нужно, и молиться ему. Тогда спасение даст от бусурман, – и перекрестился.

– Как тебя звать? – спросил купец.

– Алёшка.

– Я Степан.

...

Палило солнце. Толпа пленников двигалась по пристани. В этой толпе, где-то поблизости, был и Алёшка. Справа мелькали кораблики. Возле них ходили люди в плащах и бе-

лых платках, и моряки с голым торсом. Доносились разговоры на турецком, или каком-то очень похожем языке:

– Толкуют, Джамиль, что скоро новая война с Персией. Наш город не выстоит.

– Не дай, Аллах, войны! И так столько неурядиц в нашем краю...

Купец тащился во главе вереницы, склонив спину. Он поднял голову, взглянув налево вверх. Там, вдалеке, высоко-высоко над домами, из горной гряды вздымался желтоватый замок. Чуть в стороне от него, одиноко стояли две коричневые круглые башенки. Внутри Степана что-то очень сильно сжалось.

По его спине вдруг хлестнули ногайкой. Спина зажглась от боли. Пленник пригнулся.

– Даха хызлы гит! – раздался гневный вопль.

Наконец, колонна остановилась у пришвартованной к дощатому причалу галеры. Корабль был длинный, над ним трепались острые треугольные паруса чёрного цвета, с жёлтым полумесяцем и звёздочкой. Здесь ходило множество смуглолицых воинов в лёгкой броне. Их лбы были обёрнуты пышными зелёными платками, сверху торчали острия стальных шлемов.

Длинноусый надзиратель с плетью встал у края пристани, и начал по одному вталкивать узников на сходню, ведущую на галеру.

...

В трюме галеры было темно и душно. Скрипели доски, пол слегка покачивался, снаружи доносился шум моря. Купец лежал в пыльном углу между бочками, на которые сложили куски ткани. На нём были простые серые шаровары. Запястья были связаны. Со лба на голую грудь и плечи, падали капли пота. Голова раскалывалась от жары и духоты.

Издали, из-за стенки, были чуть слышны глухие окрики надзирателя, и ритмичные движения. Рабы налегали на вёсла. Доносилась совсем непонятная речь. Неподадёку раздались шаги. Кто-то приближался. Купец открыл глаза и повернул, насколько смог, голову вправо – туда, откуда они звучали.

Воин в зелёных одеждах подошёл с правой стороны, он двигался дальше. Степан воскликнул по-турецки:

– Господин! Скажи мне, куда мы плывём?

Смуглый смотритель остановился. Он наклонился к узнику. И с размаху врезал ему сапогом по рёбрам. Степан вскрикнул от боли и согнулся, скорчив лицо. Сторож ушёл.

Купец лежал в углу, потирая болящий бок. Шаги слышались с разных сторон. Воин выкрикнул что-то напарнику: «Динле бени Радомирли чоджюк!». Выкрикнул он это по-турецки:

– Слушай меня, мальчик из Радомира!

– Слушаю, Карим, – сказал ему собрат.

– Я сейчас поднимусь наверх, там какой-то переполох.

Следи за рыжим в моё отсутствие!

– Буду следить, – учтиво ответил другой воин. Его голос был мягким. Говор его звучал как-то необычно, в нём было что-то очень знакомое уху Степана.

Тяжёлые шаги утекли вдаль, немного стихнув, потом наверх, и растворились. Второй смотритель направился к купцу.

– Как тебя зовут? – воскликнул Степан.

К нему подошёл стражник в зелёном облачении. Он был немного лысый. Молодой. Из подбородка торчал пучок волос. Лицо было светлым, и красивым. Воин сел на корточки возле пленника, и ответил:

– Меня зовут Стефан.

...

Они разговорились. Стефан оказался уроженцем болгарской земли. Узник общался со смотрителем на турецком, с примесью славянских слов.

– Меня забрали, когда мне было десять, – грустно молвил стражник, – потом я уже не видел родителей.

– А каково тебе сейчас?

– Всё хорошо. Я мусульманин. И я давно уже свободный, – Стефан улыбнулся. – Вот, как видишь, служу дозорным на каторге – жалованье неплохое, и служба не в тягость.

Купец грозно прищурился. Страж не заметил этого.

– Какие здесь товары, Стефан, любопытно? – незадачливо вопрошал пленник.

– Астраханская рыба. Овчина и шерсть. Хлеб и... рабы

из разных краёв, – ответил смотритель, и призадумался. – А ещё, насколько я знаю, порох и оружие для Бухарского царя.

Сверху раздался мощный грохот. По палубе, кажется, кто-то бегал. Глухо отдавались быстрые шаги.

Значит, плывём в Бухару? – вздохнул купец. – Точно! Говорил же мне Хусейн...

– Да, в Бухару. Но сначала, мы пристанем к берегам Хорезма. Тебе придётся пойти с караваном. Пару недель вы будете двигаться на верблюдах, по землям туркмен, через пустыню. Потом, вы попадёте в столицу царства. Бухара, я слышал, просто прекрасный город!

– Правда?

– Среди песков, стоит твердыня. В ней тысячи улиц... сады и медресе – и огромные мечети из песчаника! Их синие маковки сияют, а своды их залов расписаны так искусно, что превосходят по красоте даже звёздное небо!

– И в этом городе мне придётся быть рабом?

– Да, Степан, – сочувственно ответил стражник. – Но не печалься! Если ты примешь ислам, и станешь служить добросовестно и усердно, то твоя жизнь будет не хуже прежней! Я, к примеру...

Степан сплёл пальцы, и с размаху вдарил ему по лицу, разбил нос. Потом вскочил и врезал ногой по животу. Страж завопил и согнулся, и повалился на бок. Купец стянул с его пояса нож, и кинулся разрезать верёвку на запястьях. Когда дозорный опомнился, пленник, уже со свободными руками

набросился на него и прижал лезвие к горлу, презрительно рявкнув:

– Ни за что и никогда я не буду служить бусурманам! Лучше умереть! Веди в клеть с оружием, или зарежу тебя!

...

Узник тащился с молодым стражем, грозя ножом, по тёмным переходам трюма. Вдруг, он заметил – что-то белело в углу. Там сидел пленник.

– Алексей! – воскликнул купец. – Вставай!

Тот встал. Степан, крепко держа смотрителя за шею, освободил товарища. Трое направились дальше.

Зашли в тёмную кладовую. Вдали, с краешка, виднелась лесенка наверх. Повсюду стояли бочки. Высились сложенные горы длинных ружей.

– Не убивай, я тебе не враг! – жалостно вскрикнул болгарин.

– Разве?! Я так не думаю!

– Кто это? – тревожно спросил Алексей. – Сторож?

– Сам видишь, кто это!

– Хорош ты, конечно, Стёпка! А чё мы делать-то будем?!

Купец разразился яростной речью:

– В бочках ружейное зелье! Я взорву к чертям этот проклятый корабль!

– Как ты взорвёшь, вместе с нами?!

Издали, от лесенки, слышались какие-то возгласы и стук сапог по дереву.

– Как-как! – рывкнул Степан. Потом задумчиво нахмурился, и что-то проворчал. – Ну да... лучше бы наверное, этого аманатом³² взять...

Вдруг, раздался звон клинков – в тёмную клеть вломились двое стражников, вынимая сабли из ножен, с гневными воплями. Алексей и Степан обернулись. Стражник зарычал по-турецки:

– Подлые безбожные псы, вы пойдёте наверх! Сардар-бей отрежет вам несколько пальцев в назидание! – и пригрозил клинком.

Воины в ярости накинулись на пленников, один огрел купца по голове. Степан махнул ножом, и почти вонзил лезвие во врага, но тот схватил его за руку, ударил ещё раз – нож улетел вниз.

– С тобой, тряпка, будет отдельный разговор! – крикнул страж Стефану, который с ужасом трясся в стороне. – Ты ни на что не способен!

Товарищей схватили, и потащили к выходу из кладовой. За атаку на зрителя и попытку побега, им полагалось жестокое наказание. Степан отчаянно скорчился.

Они поднялись по лестнице. И попали на яркую и светлую палубу. Стражи с саблями вышли вперёд. Дул ветерок, приятно охлаждая взмокшее тело. Палуба качалась, и скрипела под ногами. Поодаль, были воины в зелёных повязках, и все они – стояли, приготовившись, каждый возле своей пушки.

---

³² Аманат – заложник

Купец ошеломлённо мотал головой по сторонам. И спереди, и сзади, и слева, и справа – везде, по синей глади моря, были разбросаны мелкие кораблики, десятки корабликов – с большими белыми парусами.

– Что это? – с изумлением выпучив глаза, пролепетал Степан.

– Пресвятая Богородица! – воскликнул другой узник, судорожно крестясь. – Казаки!

Вдали раздался громкий хлопок. Алексей схватил купца за шею и дёрнул вниз с криком: «Ложись!», товарищи упали наземь. Свистнуло чёрное ядро – впереди воин разлетелся на куски, кровь хлестнула на спины пленников. В лужу крови свалилась сабля. Степан вскочил и резво бросился к ней, схватил саблю и метнулся к другому бусурманину. Размахнувшись, он рассёк его на части. Взял вторую саблю, и швырнул её товарищу.

Грохнул выстрел с палубы. Потом ещё один, неподалёку. Алексей, подхватив саблю, подлетел к стоящему у пушки, и разрубил его. К Степану подбежало с криками несколько воинов. Они наседали. Свистели клинки, купец яростно отбивался. Ядра с шумом врезались в корпус галеры, хрустели доски.

Товарищ бросился к купцу, но вдруг появился усатый надзиратель – Сардар. Он грозно нахмурился, и взмахнул острым ятаганом. Хлестнул – Алексей встретил удар, с силой удержав саблей его клинок. Сардар пнул узника ногой

в пах. Лохматый пленник попятился назад, скрючившись. Усач взметнул над Алексеем лезвие клинка.

Степан, разбив бусурман, подскочил сзади к надсмотрщице – и взмахом сабли срубил ему руку у плеча. Сардар громко заорал, заструилась алая кровь – рука с ятаганом свалилась на доски. Рыжебородый пленник занёс лезвие. И отсёк усатую голову. Она слетела, грохнулась и покатила вниз по накренившейся палубе. Купец остановил её ногой. Морда была скорченная и вопящая, но безмолвная. Торчали длинные чёрные усы.

Приближались другие воины. Внезапно, слышался топот возле спуска в трюм. Товарищи повернулись к нему. Оттуда грянула вереница мужчин – рабы. Они должны были неустанно грести вёслами, подвигая галеру к песчаным берегам Хорезма! Но сейчас эти люди набросились, кто с чем, на бусурманских стражей.

Гремели клинки, грохотали пушечные выстрелы. Загорелся противоположный борт – по тому краю галеры заплясали языки пламени.

– Смотри! – крикнул Алёшка товарищу, показывая на людей, кидавшихся за борт. – Пошли отсюда!

Алексей с разбегу сиганул за край галеры, и полетел в море. Степан прыгнул следом.

Купец врезался и занырнул в прохладную воду. Проплыл немного под водой, выплыл наверх, и вдохнул полной грудью воздух. Пред его взором был длинный корабль с чёрными

треугольными парусами.

Раздался мощный взрыв, корпус галеры разнесло в щепки, огненные клубы повалили во все стороны. Паруса запылали и стали быстро стгорать, как сухие листики в пламени костра. Тёмные обломки пошли на дно.

...

Степан сидел, обхватив босые ноги, на палубе казачьего струга³³. Кораблик был небольшой, стояла всего пара пушек. Вокруг вальяжно ходили казаки, обсуждая свершившееся дело. Они посматривали вдаль, положив левую руку на рукоять на сабли, а правую – ко лбу.

Впереди всего клина из десятков стругов, стремительно плывшего вперёд, двигался корабль атамана. Гигантский белый парус наполнился ветром, сверху реяло красное знамя с суровым ликом Иисуса Христа. А под парусом – стоял атаман, между двумя усатыми парубками³⁴, положив на них руки. Он был невысокий, лысый и выбритый. Задорно улыбаясь, он спрашивал: «Ну как, страшны бусурмане?». Казаки в ответ рассмеялись.

Над стругами парил, взмахивая могучими крыльями, орёл. Миновав их – он полетел над морем. Вдалеке, на горизонте, между синим морем и ясным голубым небом, показалась тёмная зеленоватая полоса русского берега. Вот, уже выглянули холмики, на которых сидели церквушки с креста-

---

³³ Струг – казачье судно

³⁴ Парубок – парень

ми.

...

Орёл летел над степью. Заря только разгоралась. Над землёй светилося рыже-золотистое солнышко. Внизу сверкнула тёмная гладь Волги. За ней раскинулся безграничный океан – жёлто-зелёное поле, усыпанное красными, синими и фиолетовыми цветочками. Густой ковыль шелестел и струился в ветру. Вдали, на горизонте, белела длинная Астраханская крепость. А внизу, под крыльями степного орла проплывал казачий городок, обнесённый бревенчатой стеной.

Был тёплый летний вечер. Степан и Алексей медленно гуляли между избами. Шло немало народу – и все в одну сторону. Трусили лошадки. Из кабаков вываливались гурьбой буйные молодцы.

– Куда это они? – спросил Степан у одного пожилого казака, шедшего рядом.

– На круг, сынок! Туда сегодня люди из всех станиц придут!

– Ух ты! – удивлённо отвечал купец.

...

Вся степь покрылась шапками удалых казаков. Тысячи мужчин обступили небольшой холм. Среди толпы были и бывшие узники дербентской галеры. На холме, оперев руки в бока, стоял лысый атаман. Он говорил решительно и громко:

– Я собрал вас здесь, братья, не ради забавы. Сейчас – вечер! – загадочно воскликнул предводитель. – Сегодня но-

чью... мы захватим Астрахань!

Толпа зашумела. Казаки с тревогой спрашивали друг друга: «Как это так, зачем же Астрахань?».

Атаман продолжал:

– Помните, девять лет назад нас позвали биться со шведами? Мы стояли под Нарвой, мы бились – мы погибали там! – он повысил голос, проговаривая каждое слово. – А Годунов, нашей ратью командовавший, и друг его Щелкалов – побеждать шведов не захотели! Всё велели на стены бросаться, но даже ядер для пушек не соизволили выдать! Зря наши товарищи там гибли – город так и не сдался! Скажите мне, братья! Дорога вам воля, и честь казацкая?!

Людское море всколыхнулось, загрохотали тысячи голосов: «Дорога, батюшка атаман!», «Без воли нам не жить!».

– Тогда, я скажу вам ещё кое-что! Сюда вскорости воевода из Москвы должен приехать. Всех крест заставит поцеловать – все до единого у царя на службе будем, жалованье будем получать!

Казаки зашумели, в толпе послышались гневные возгласы. Атаман разъярённо заорал:

– Мы не враги народу православному! Мы против озверевших от обжорства дьяков и воевод! Пока они пируют в роскошных кремлёвских палатах, мы – погибаем за Россию, и за веру христианскую! Погибаем в кровавых бранях с татарами, и с ногайцами, и с турками! Чтоб их дети могли просыпаться в спальнях золочёных, да в камнях и жемчугах

расхаживать! По наговору лживого Бориски, покойный государь наш Фёдор Иванович, запретил выход крестьянам! Всех убежавших сюда, на волю, скоро начнут хватать – и возвращать назад! – он выдохнул. Атаман продолжал, грозно прищурившись. – Отдохните, и потом собирайтесь. К утру, Астрахань будет в наших руках! А дальше, идём в Москву – правду искать! Царя выберем честного и справедливого – вместо Годунова.

Люди стали расходиться, с шумом и криками переговариваясь друг с другом. Степан тяжело вздыхал, качая головой. Он побрёл в сторону, мимо проходили казаки. Вдруг, из людского потока возник атаман – и подошёл к купцу:

– Я видел, как ты бился с бусурманами! – с улыбкой сказал он, весело подмигнув. – Захочешь, сделаю тебя есаулом!

– Прости, атаман! Хоть по душе мне ваша вольница, но уж больно скучаю по дому! Да и не воин я, а купец.

...

По небу расплылся алый закат, солнышко было красным. На воде качался длинный кораблик. С берега туда затекали люди.

У реки стояли Степан с Алёшкой.

– Пойдёшь с ними? – спросил купец.

– Я теперь с атаманом. Куда-угодно с ним пойду, – ответил друг. Через его плечо протянулся ремень с боеприпасами, к поясу был пристёгнут клинок. – Прощай, Стёпка!

Они крепко обнялись. Степан потрепал лохматую голову

друга:

– Прощай! Даст Бог, ещё свидимся!

– Свидимся-свидимся.

Друзья расстались. Купец шагнул на борт корабля.

Гребцы взмахнули длинными вёслами. Судно, полное людей, двинулось в путь, по тёмной глади Волги. Казачий городок растворился в изумрудном океане, ладья шла навстречу бордовому горизонту.

***

Степан наклонился к товарищам, говоря тихонько:

– Молвил атаман, что на Москве даже рати созвать не успеют – как уж и казаки объявятся!

Все слушали взволнованно, и с интересом. Софрон воскликнул:

– Я не слышал, чтоб под Москву казачьи полки приходили!

– Это да, – задумчиво подтвердил купец. – Видимо, не вышла его затея...

[27] Феска – восточная шапочка с кисточкой

[28] Баглама – струнный щипковый музыкальный инструмент, популярный на Востоке

[29] Каторга – турецкое гребное судно

[30] Карбас – вёсельная лодка

[31] Паузок – мелкое судно для разгрузки кораблей на ме-

лях

[32] Аманат – заложник

[33] Струг – казачье судно

[34] Парубок – парень

Глава 5. Из сердца утёса.

7106 год от сотворения мира (1598 г.).

Сибирь.

Стоял трескучий мороз. Светило солнце. Над заснеженной рекой возвышался большой тёмный утёс. Сверху торчал частокол. По краям утёса были дощатые коробки. Там, у бойниц, сидели зоркие лучники. По льду реки, скрипя сапогами по снегу, стремительно пронеслась вереница служилых людей с пищальями. Они бежали пригнувшись. Свистели стрелы, врезаясь в белоснежный покров.

С обратной стороны пригорка, у ворот в осаждённый городок, преклонив колена, стояла пара десятков стрельцов и казаков в доспехах поверх кафтанов. Они ловко заряжали ружья. Ворота были за обледенелым валом, за которым был ров. С грохотом выстрелила пушка.

Служилые ринулись на вал, к воротам. Один за другим, они стали карабкаться по льду, пытаясь не съехать вниз. Полетели острые стрелы – прямиком в казаков, отскакивая от железа, либо втыкаясь им в руки и ноги. Раздались вопли.

Воевода в сверкающем нагруднике, красном кафтане и шапке на меху стоял, смотря на вздымавшийся вдали холм с вражеской крепостью.

– Приступом, в который раз, нападаем – никак не выходит! – воскликнул его сподручник.

– Скоро сами вылезут, – ответил командующий осадой.

...

Через пару дней, на рассвете, ворота крепости отворились. Через ров упал мостик. Несколько сот остяцких воинов в блестящих пластинчатых латах ринулись по мосту. С их острых шлемов спускались чёрные метёлки. Остяки угрожающе кричали, они побежали к лагерю осаждающих.

В тяжёлой битве сабли казаков схлестнулись с топорами, мечами и копьями сибирских ратников. Атака остяков была мощной, но обречённой на провал – под огнём пищалей и пушек разъярённые воины, хотя и побившие многих русских, были уничтожены.

Пронёсшись по мосту, русские ворвались в крепость инородцев. Здесь были улочки, стояло множество обитых глиной полуземлянок. Служилые искали добычи, заходили в дома. Звучали жалобные всхлипы женщин и детей.

Воевода с небольшим отрядом прошлись до другого конца городка, и взобрались на деревянный помост у частокола. С обрывистого утёса открывался вид на заснеженную отмель, реку и бескрайнюю тайгу. Всё было залито светом, снег искрился на солнце.

– Среди убитых – князец. И это последний городок! – торжествующе молвил воевода. – Слава Богу! Мы принесём в Сургут радостную весть!

***

Два года спустя.

Небо было пасмурным. По реке, среди осенней тайги, плыл длинный каюк. В нём сидели члены одного семейства. Все были в мешковатых малицах из оленьей шкуры.

Среди тёмных елей желтели ярко-оранжевые лиственницы, золотились берёзки. Деревья густо покрывали оба берега. Лодка причалила к месту, где они немного расступались. Группа самоедов вылезла из каюка на берег.

...

Они вышли на опушку леса. Здесь стояло несколько чумов – огромных конических палаток, в которых живут, и с которыми кочуют, обитатели севера. Рядом, из сложенных нарт и шедшего полукругом плетня был сделан просторный загон. В нём паслись серые мохнатые олени, пощипывая красноватый мох.

Навстречу незванным гостям вышло несколько мужчин с луками.

– Зачем пришёл, Вороний глаз?! – вскрикнул один из самоедов. – Сколько наших людей погибло от твоих стрел!

– Я пришёл к Ачикану. Не для того, чтоб воевать! – решительно ответил седоватый гость, глава семейства. – Пускай в чум!

...

Для гостей задушили и разделали нескольких оленей. Их сырое мясо принесли в юрту Ачикана.

Здесь было тепло, и светло от пламенеющего в центре очага. Вокруг него расселись круглолицые самоеды – хозяин с роднёй, и гости. Все с удовольствием поедали кусочки сырой оленины, втягивая губами горячую кровь. Вороний глаз воскликнул:

– Ты знаешь, Ачикан, что мои сородичи живут к югу отсюда? Они не кочуют с оленями, а пасут свиней. Их дома стоят всё время на одном месте!

– Я знаю об этом, – говорил хозяин. – Для чего ты прибыл?

– В их края пришла смерть! Она привела с собой бледнолицых детей подземного мира, детей Нга. Скоро они будут и здесь. Я предлагаю нашим с тобой родам заключить мир! Пускай мои дочери выходят замуж за твоих сыновей, а мои – за твоих сестёр и дочерей, – пожилой самоед наклонился, всматриваясь в огонь костра. – Хозяйка Земли говорила со мной. Я должен уйти из этого мира. Но перед этим – я должен принести ей жертву.

Подумав, хозяин вздохнул и молвил:

– Нам давно пора было примириться, Вороний глаз.

– Дай мне меч! – сказал гость своему сыну, сидевшему рядом. Тот вручил отцу оружие. Вороний глаз поднял его перед собой, и с лязгом выдвинул клинок из ножен. Лезвие заискрилось – в нём отражалось пламя. – Дети Нума, могу-

чие богатыри в железных латах, спустятся с седьмого неба на землю! Их чумы – железные, они приедут в железных нартах. Богатыри помогут нам загнать демонов Нга обратно в преисподнюю!

...

По окончании тёплого приёма, гости направились от стоянки к реке. Вороньему глазу дали отдельный каюк, его понесли несколько человек от Ачикана.

Стоя на берегу, гость обнял и поцеловал всех родственников. Он простился с ними. А потом сел в лодку, и поплыл один. В ветру шумели деревья. С них летели жёлтые листочки, и иголки лиственниц. С пасмурного неба накрапывала морось.

Каюк Вороньего глаза плыл ещё долго. Наконец, он причалил к небольшой песчаной отмели, под высоким чёрным утёсом. На его верху торчали заросшие травой и мхом обломки частокола.

Пожилой самоед вылез из лодки. На тёмных выступах утёса стояли каменные болванчики – грубые и толстенные фигурки, подобия людей. На них были намотаны, развеваясь, красные и синие тканые ленточки.

Он присел перед фигурами. Он поставил колени в песок, и положил на них ладони. И начал молиться, зажмурив глаза: «Мать Земли! Я не привёл с собой оленей для тебя! Не привёл и собаки!». Вороний глаз взволнованно завопил, рыдая: «Я готов! Забирай мою жизнь!».

Раздался выстрел – пуля пронзила грудь самоеда, по ней растеклось пятно алой крови. Он рухнул замертво. Труп покати́лся в реку.

По песку прошли трое человек в кафтанах и с ружьями – русские промышленники. Они подошли к утёсу, и стали с интересом разглядывать каменных болванов. Один из них, отойдя в сторону, углядел высокую чёрную плиту. Поднявшись, промышленник отвалил её вбок. Открылся проход в пещеру.

Он ступил внутрь, здесь было темновато. Но лившийся через отверстие свет помогал видеть то, что тут имелось. Впереди, во мраке, меж каменных глыб, что-то таинственно и ярко блестело. Человек закричал товарищам с радостью: «Идите быстрее сюда!».

...

В Мангазее пошёл снег. Широкая гладь реки Таз ещё даже не задёрнулась льдом. На просторном бечевнике³⁵ лежали вверх дном, будто половинки яиц, толстые кораблики. Они постепенно белели, засыпаемые снежинками. Люди в шубах поднимались с пристани по деревянной мостовой, поднимались на холм. А на холме раскинулся поморский городок. Одинокая русская колония, продуваемая ледяными ветрами, на далёком краю земли – между тундрой на севере, и тайгой на юге. Здесь торговали драгоценной пушниной, клыком моржа и мамонтовым бивнем. По мангазейским жилам

---

³⁵ Бечевник – сухопутная дорога вдоль берега

текли удача, опасность и золото.

Городок был обнесён стеной, правда невысокой. Люди заходили туда через ворота. Тут была своя церковь. Она стояла недалеко от торжища. Люди шли на рынок по мощёной досками улице, между избами. В одной из них сидел Иван.

Он сидел за столом, склонившись над бумагами. В стороне лежали книжки. Его лицо покрылось густой и недлинной, светлой бородой. Макая перо в чернильницу, молодец выписывал строчку за строчкой:

«...и приходом Божиею милостию по морю студёному к Монгазее».

Записав последнюю строку, Иван поднялся и вышел на улицу.

...

Летали снежинки. На торжище было много народу. Длиннобородые поморы бродили от прилавка к прилавку. Под навесом, были разложены причудливые украшения, выточенные из моржового зуба. Софрон брал их, и с любопытством вертел перед глазами. До него доносились возгласы: «Староста людей в артель³⁶ кличет! Завтра уже отправляются за рухлядю³⁷ в тайгу, к зимовью».

Народ расступился. По площади с шумом проехали сани, залаяли впряжённые в них собаки. В санях сидело несколько человек в оленьих шубах.

---

³⁶ Артель – добровольное объединение промысловиков

³⁷ Мягкая рухлядь – это пушнина

– Это Дружина с товарищами приехал из Обдорска! – сказал молодому купцу продавец, стоявший за прилавком, и усмехнулся. – Толмач и дружок самоеды завсегдашний!

– Я слышал, у вас здесь, в городе, самоеды бывают частенько. Не строят ли козней каких, не нападают? – спросил Софрон.

– Нет! Мы с ними дружим! Привозят к нам соболей, и песцов, и лисичек. А мы им одекуя³⁸ цветного бусины даём, да котелки всякие и ножички. Вот, недавно так поторговали с нами, и уехали к себе в тундру.

Софрон положил костяные украшения, попрощался с продавцом и пошёл дальше. Вдруг, кто-то грубо схватил его за руку. Молодец обернулся:

– Пойди сюда! – с хрипом воскликнул незнакомец. Одет он был прилично. Под меховой шапкой белело бледное лицо с бородой. Белки глаз налились кровью.

– Что такое?

– Я хочу продать сокровище! Если у тебя есть серебро, – незнакомец захрипел, и закашлялся. Потом показал рукой вперёд, на избу, – приходи ко мне домой, завтра! Там всё узнаешь!

...

В городе была корчма. В корчме было светло, весело и шумно. Здесь наливали мёд. Сюда пришёл Дружина – высокий промышленник, с чёрненькой бородкой и слегка седы-

---

³⁸ Одекуй – стеклянные бусы, бисер

ми иссиня-чёрными волосами. Ему было лет сорок пять. На лицо он был похож на самоеда.

В здание вошёл Иван. Он знал о приезде опытного охотника и толмача. Дружина стоял у стены. Молодец подошёл к нему, чтобы выведать всё самое интересное. Они разговорились.

– Я иду в поход с артелью, к Верховскому зимовью, – говорил молодец.

– Ты когда-нибудь ходил на промысел?

– Ни разу.

– Что ж, – Дружина прищурил маленькие глазки. – Тебе придётся долго там проторчать, много месяцев. И не жаловаться, а все дела нужные делать на пользу артели. Готов к этому?

– Готов, – сказал со вздохом Иван, и воскликнул. – Я хочу увидеть самоедов! Расскажи мне о них, Дружина!

– Пойдём подышим! – с улыбкой ответил промышленник.

Они вышли из тёплой и шумной корчмы. На заметаемую снегом, промёрзшую улочку.

...

Пока они брели, Дружина поведал о том, что сам был рождён в чуме. Его отец был печорским промышленником, а мать – самоедкой. С малых лет Дружина слышал речь самоедов. Однажды, к берегу могучей Печоры причалила ладья. Отец, со своей ватагой, забрал сына – и уплыл с ним в село. Там ребёнка крестили, и воспитали по русскому обычаю.

Тем временем, товарищи поднялись на пригорок. С него открылся вид на чёрную речную гладь. Далеко, на другом берегу реки, среди снега росли невысокие серые лиственницы, и тёмненькие ёлочки. Над горизонтом, сквозь вьюгу светилося крохотное солнышко. Дружина с Иваном смотрели на юг. Где-то там, за тысячи вёрст от Мангазеи, казаки упрямо хлестали топорами, вырубая крепкие остроги – чтоб привести всю землю к востоку от Урала под высокую царскую руку.

– Они живут большими семьями. У них нет князей или каких-нибудь мурз, – говорил промышленник. – А есть опытный и уважаемый человек – глава всему роду. Самоед во всю жизнь живёт с оленями, кочует с ними по разным стоянкам и охотничьим местечкам. И ест мясо оленьё сырое, и кровь оленью пьёт.

– Говорят, не знают они Бога?

– Не знают. Живёт у нас один крещёный, толмач Матвейка. Я ещё с самоедами знаком, которые хотели бы в нашу веру обратиться. Бывают же они в нашем городе – и про Спасителя слыхали. Но не считая таковых, о ком я сказал – веруют в духов. Духов этих очень много. Они и под землёю живут, и на земле живут, и на небесах... У неба есть хозяин, у земли – хозяйка. А под землёю сидит родич хозяина ихнего – диавол!

– Им бы надобно о Господе нашем больше рассказать! То, о чём ты говоришь, походит и на нашу веру. Только в их вере, кроме Творца – всякие бесы!

– Самоеды думают, что бесы эти помогут, если их о том попросить. А чтобы попросить – для этой цели кудесник нужен! Кудесник с духами говорить научен...

– Слушай, Дружина! – взволнованно прервал Иван. – Не золотая ли баба эта хозяйка земли?

Промышленник призадумался, и ответил:

– Я слышал нечто подобное. Мне ведомо, что у остяков такая баба в почёте.

– А что за остяки?

– Думаешь, я обо всём на свете знаю? Живут где-то далеко, вот и всё.

...

Софрон вошёл в просторную горницу. Хозяин стоял перед иконами, шепча молитву и крестясь. Когда закончил, повернулся к вошедшему. Его лицо было болезненно высушенным. Глаза – красными. Прокашлявшись, он спросил:

– Пришёл за товаром?

– За товаром. Ты б его показал хоть!

– Я тебе прежде скажу – злое это дело, нечистое! Продаю... так как недолго мне осталось по землице бродить.

Хозяин подошёл к лавке. На ней было что-то, укрытое толстым одеялом. Продавец стянул одеяло, и бросил в сторону. Молодой купец раскрыл глаза от изумления: «Ничего себе!». Перед ним сверкала огромная золотая статуэтка – толстая женщина с младенцем. Казалось, сияние золота осветило лицо Софрона, и всю горницу.

– Я купил этого болванчика три седмицы назад у людей, пришедших с верховьев реки, они достали его в какой-то пещере. Этот бесовской шайтан мне проклятье принёс! – хозяин дома мучительно закашлял, отплёвываясь кровью. Отдышавшись, он отчаянно вскрикнул. – Я помру скоро, Господи!

Продавец нахмурился, и вздохнул:

– А ты помни – может и тебя сгубит! Все деньги, какие заплатишь, я церкви отдам на помин моей грешной души!

Хозяин стал креститься. Заворожённый золотом, молодой купец всё разглядывал сверкающую штукловину. Он сочувственно воскликнул:

– Тяжко мне твой недуг видеть, сударь! Буду молиться за тебя. И за себя... чтоб не быть мне проклятым. И всё ж, возьму у тебя эту бабу. Серебро при мне!

...

В метели заливисто гавкали остроухие лайки, привязанные к саням – первым из длинной вереницы. На нартах были сложены мешки с едой и походным снаряжением. Промышленники неторопливо подходили к обозу. Они усаживались в сани, по два человека. Среди отправлявшихся в путь были Никита Зверь, Иван, Степан и Фёдор. Собаки побежали – упряжка тронулась. Позади, стал уменьшаться, уплывая вдаль, заснеженный городок на холме.

Уже скоро выюга прекратилась. Была ночь. На северном небе рассыпались звёзды. Промеж звёзд зацвели зелёные ленты, причудливо извиваясь и сияя ярким светом. Санная

упряжка стремительно неслась вперёд. Деревья всё увереннее обступали её, тундра покрывалась лесом. Полозья нарт оставляли на белом снегу длинный след.

В санях сидели двое в толстых шубах с высоким меховым воротом. Никита Зверь сердито бросил:

– Дружина – плут и нечестивец! Говорят, ему его поганые дороже наших собратьев!

– Почему? – возмутился Иван. – Я с ним общался, и так бы о нём не сказал.

– Не слушай его, Ваня! Этот вор ждёт, как бы самоедов под Мангазею привести, и погромить её! Ходят слухи, что в наш городок скоро приедут воеводы государевы с отрядом служилых – острог будут ставить. Да – платить будем пошлину с наших промыслов и торговли. Но хоть будет нам от поганых защита, в случае чего!

...

Встали на ночлег. Разожгли костёр. Бросили мяса проголодавшимся собакам. Окончив все приготовления, промышленники улеглись вокруг огня. Закутавшись в толстые меховые покрывала, задремали и захрапели.

Степан открыл глаза, и медленно высунулся из-под покрывала. Голову схватил морозный воздух. Ещё ночь. Небо было звёздным. Светил месяц. Он глянул вокруг себя – никого! Вместо костра слегка дымился чёрный кружок из углей. «Уехали без меня?!» – в страхе подумал купец.

Он поднялся, и походил по округе, осмотрев место быв-

шего лагеря – это была просторная, застланная снегом поляна. Со стороны леса раздавались какие-то звуки. Чьи-то возгласы. Степан быстро пошёл в ту сторону.

Купец брёл по снегу, между стволами деревьев. Окрики, и топот ног – эти звуки становились всё слышнее. Совсем рядом что-то шелохнулось. Степан взглянул вправо. Светилось два огонёчка – два круглых глаза животного. Меж ёлок, к купцу подкрадывался, шурша лапами, здоровый рыжий лев, обсыпанный снежком. Степан оторопел. Лев зарычал и озлобил рыжую морду.

Купец в ужасе бросился бежать. Бежал всё глубже в тайгу – вокруг мелькали стволы. Ринулся вверх по холму – он бежал и бежал! Наконец, все звуки благополучно стихли. Вдали, среди деревьев, показался огонёк. Он устремился к нему. Как подобрался ближе, разглядел – это была избушка. Её оконца ярко светились.

Купец постучал, открыл дверку и зашёл внутрь. И от страха вскрикнул, чуть отпятившись. Перед ним, у стола, стоял монах с ножом. Он шустро резал хлеб. Из-под чёрного капюшона белела знакомая половина лица:

– Вот и встретились, – устало воскликнул чернец низким голосом, и вздохнул. – Садись уж! Поешь хоть.

Степан, раскрыв глаза и тяжело дыша, прижимался спиной и руками к стене. Опомнившись, подошёл к иноку и присел напротив него за стол.

– А как это ты... здесь? – растерянно спросил купец.

– Очень просто. Как Бог повелел – так я и сделал. Теперь мне суждено Ему в отшельничестве хвалу воздавать. Ты лучше скажи, почему никак не остановишься в безумстве своём, не раскаешься? Если забыл, я напомню – предел когда-нибудь наступит Божьему терпению!

– Ничего я не забыл, – раздражённо отмахнулся Степан. – Как звать-то тебя?

Чернец налил вина в чашу и поставил её перед гостем. Он снял капюшон. На лицо он был молодой, кудрявый. Взглянув чёрными глазами на купца, монах спокойно ответил:

– Павел меня звать. Ты не подумай, что я – святой какой-нибудь. Все мы грешны. Но ты прямо упорствуешь! Может, пруть твою в другое русло нужно направить? Для чего-то же Господь тебя ещё пока никак не наказывает!

– Может и нужно, – гость нахмурился.

Он поднёс чашу к губам, попробовать вина. Глотнув, он почувствовал гадкий солёный вкус и выплюнул всё с криком:

– Ну и дрянь! – со рта на серую шубу потекла густая красная жидкость, купец перемазался в ней, и с испугом ахнул. – Это кровь что ли?!

– А как ты хотел! – злобно ответил инок.

Степан уронил чашу, вылив кровь на стол. Он вспрыгнул и бросился к двери. В страхе выскочил на мороз и понёсся по лесу. С двух сторон раздавались громкие крики. Вдруг, чьи-то острые пальцы схватили его шею, потом ногу – купец грохнулся в снег. Четверо костлявых самоедов в мали-

цах накиннулись на него – и стали рвать одежду. Разорвав её на груди, один из них, с худым серым лицом и чёрными усами, яростно скорчился. Он откуда-то вытащил саблю. Вынул лезвие из ножен – и взмахнул им, и хрястнул лежащего в грудь!

Купец открыл глаза. Он был под одеялом. Высунувшись, он возрадовался – горело пламя, рядом спали товарищи. Всё было на своих местах.

...

Был день. По стволу дерева полз вверх бурый зверёк – почувал запах приманки. Прыгнув на дощечку, юркий соболь устремился к цели. Вдруг, на него обрушилось толстое брёвнышко – и прибило.

Прошло много времени. Летели снежинки. Раздавленный зверёк болтался в ветру. Издали послышался скрип шагов. Подошёл промышленник – и вынул соболя из ловушки.

Все приехали уже в зимовье, занялись промыслом. Верховское зимовье было – несколько изб среди тайги. Между избами, один человек сидел и остриём вычищал собольи шкурки от потрохов. Другой у костра крутил, поджаривая, кусочки дичи на палочке. У огня сидели Иван со Степаном, купец тихо говорил:

– Я видел во сне льва, он как и тогда меня загрызть захотел! А потом чернец повстречался, который со мною плыл в Дербент. Призывал меня в грехах раскаяться.

– Знаешь, – молодец задумался, а потом сказал. – Может

быть... лев этот – гордыня твоя? От гордыни ведь всё зло в человеке. А чернец – совесть души твоей, и смирение пред Богом. Я тебе поведаю один случай! Читал я в хронике... очень давно, жил на свете Ираклий, царь греческий. Одолел Ираклий персидского царя Хозроя – и забрал у нечестивца животворящий крест Господень, который персияне прежде из Иерусалима умыкнули. После победы, возвратился греческий царь во Иерусалим с крестом, и видит – над воротами ангел порхает! И сказал ангел Ираклию: «Этими воротами небесный Царь со смирением на добровольную гибель шёл, и нёс этот крест! А ты с гордынею войти хочешь?!». И спустился царь с коня – венец царский снял, снял сапоги, одна рубаха на нём осталась. Потацил Ираклий тяжкий крест на гору, со слезами! И поставил его на горе, на прежнее место.

Степан задумчиво глядел в огонь.

...

Однажды, Иван отошёл от зимовья очень далеко. Пока ходил, уже стемнело. Он всё бродил по ночной тайге, высматривая хижины. Но их нигде не было. Молодец в страхе молился о том, чтоб отыскать товарищей.

Он вышел на опушку. Под звёздным небосводом, среди снега стояло несколько огромных чумов с торчащими верху, из-под оленьих шкур, острыми концами жердей. Верхушки юрт ярко светились. Из них струился дымок. Самоеды.

Иван приблизился к палатке, поднял покров. Он зашёл. Посредине горело пламя. Рассевшиеся возле очага взрос-

лые и детишки с удивлением уставились на светлородого незнакомца. Напротив молодца, в другом конце чума, стоял кудесник – всё его платье было обвешано блестящими подвесками и брелочками, на рукавах трепались разноцветные лоскутки.

– Помогите мне! – отчаянно воскликнул Иван.

Кудесник что-то громко крикнул гостю. Он засуетился, поднял с земли большую берестяную чашу и протянул её молодцу. Чаша была доверху наполнена тёмно-красно кровью.

– Нет уж, не буду я это бесовское зелье пить! – вскричал Иван.

Самоедский колдун страшно разозлился. Вдруг, завывла вьюга – сбоку посыпался снег. Огонь потух – палатка исчезла! Вместо кудесника стоял мужик с головой собаки. Пёсья морда залаяла, существо кинулось к молодцу. Иван побежал прочь – понёсся в лес. Бежал он по лесу ещё очень-очень долго...

Настало утро. Заснеженная тайга была залита мягким дневным светом. Беглец окончательно выбился из сил. От бессилья согнувшись, он схватился за дерево и начал жадно вдыхать холодный зимний воздух. Отдышавшись, он очумело потащился вперёд, не ведая – что происходит. Откуда-то раздался знакомый голос: «Ваня! Иди сюда!». Молодец поднял взор, и заметил – меж деревьями была тропа.

Иван пошёл по тропе. Дойдя до конца, он увидел фигуру. От неё лился свет – стало, вдруг, так светло, что пришлось

зашурить очи. Изумлённый молодец осторожно приблизился к этому сияющему созданию. Показалось светлое лицо, раздался спокойный возглас: «Подойди! Теперь уже всё будет хорошо».

За ярким силуэтом раскрылись громадные белоснежные крылья. Ангел протянул Ивану руку. Иван протянул ему свою, и взял его ладонь.

...

К городу подъезжала санная вереница с собаками. Она въехала внутрь. Упряжка пронеслась по широкой улице между домами.

На заднем дворе стояли нагруженные нарты, укрытые меховым одеялом. Здесь были все товарищи – кроме одного. Степан стянул одеяло. На санях неподвижно лежал Иван в серой шубе. Лицо у него было бледно-синеватое. Его глаза были закрыты. Молодой купец встал на колени возле умолкшего навечно друга, медленно положил голову ему на грудь. И зарыдал.

– Нашли со стрелой – видимо, самоеды, – хмуро воскликнул Степан.

На боку у юноши алело кровавое пятно, Софрон робко опустил туда ладонь. Из-под шубы выпало гремящее ожерелье с бирюзовыми бусинами и большой костяной фигуркой.

- [36] Артель – добровольное объединение промысловиков
- [37] Мягкая рухлядь – это пушнина
- [38] Одекуй – стеклянные бусы, бисер

Глава 6. В объятых тундры.

Верхушка воротной башенки покрывалась огнём. Самоед Матвейка яростно вскрикнул и ударил Софрона по голове, грубо толкнул его в спину – и тот полетел за край.

– Ты что творишь?! – закричал Дружина.

– Он ограбил священный утёс! – рявкнул толмач и вынул нож.

– Какой к чёрту утёс?! Ты Христа что ль позабыл!

Промышленник резко размахнулся и врезал мужичку в лицо. Толмач рухнул вниз, и грохнулся возле троих лазутчиков у подножия башни. Дружина шагнул к краю и воскликнул: «Софрон!». Молодец висел, держась за брёвнышко. Бывалый охотник простёр ему руку, и подтянул товарища к себе. Они поспешили к лестнице, чтобы спуститься.

Тем временем, внизу, открылись ворота. В воротах стояли несколько промышленников с ружьями. По самоедам открыли огонь – лазутчики были перебиты.

Навершие башни подгорело и отчасти обрушилось, но дальше него, к счастью, пожар не распространился.

...

Дружина и Софрон стояли в избе, и смотрели на сверкающую золотую бабу, глядевшую на них из угла комнаты.

– Да уж! – дивился промышленник. – Ничего почти не знаю об этой бабе. Только слухи!

– И всё же?

– Это болван, у остяков почитаемый. Остяки живут в тайге – далеко-далеко к югу... Откуда он у тебя?

– Купил у одного человека, а тот купил у людей, которые нашли эту бабу в какой-то пещере, в верховьях реки!

– Вот как! Видать, из-за неё самоедь под нашими стенами стоит. Столько чумов я никогда не видал!

– Что ж делать?! – отчаянно спрашивал Софрон. – И это всё, и гибель моего друга – за грех, за жадность мою наказание! Или проклятье, иль и то, и другое!

– Упаси, Боже! – Дружина перекрестился. – Не предавай нашего города в руки поганых! Ведь... есть у меня мысль! О том, как с самоедью-то справиться. Толмач наш, Матвейка, был из рода сильнейшего и самого большого, называемого Мунгази. От этого рода и вся земля здешняя зовётся Мангазейей. Эти живут в лесу, и, обычно, далеко не кочуют. Они к нам, видимо, и пожаловали. Я с ними дел никаких не имею. Но есть у меня приятели среди самоедов из рода Аседа! Два месяца назад они у нас были. А после, ушли к западу.

...

Защитники города ходили по стене. Каждый держал в руках ружьё. Подойдя к частоколу, один взглянул вдаль. На просторной заснеженной отмели, возле реки, разлилось зарево – пылали лежавшие на берегу корабли, на которых промышленники ещё летом приплыли в Мангазею. Просвистели острые стрелы. Стражи тут же пригнулись, и попрятались за

колями. Загрохотали выстрелы пищалей, защитники стреляли из укрытия.

На рыночной площади собралось много народу. Везде бородатые промышленники. Собрались – решить вопрос о том, как спасти свои жизни.

– Уже всюду нас обступили поганые! – громко восклицал один, забравшийся повыше. – Сожгли наши кочи! Уж многих наших, кто не успел вернуться, перебили – выйти боимся за ворота! Никто, кроме Бога и святых Его нам не поможет! Мы не служилые люди, и запаса оружейного у нас мало!

Среди шума толпы звучал грозный крик Никиты Зверя: «Расправиться с предателями надо! Злодей Дружина убил толмача Матвейку, потому что тот знал о его дружбе с погаными!». Другая часть толпы отвечала гневными воплями.

В стороне стояли Степан и Фёдор, и что-то с тяжестью в лице обсуждали. Дружина тихо сказал молодому купцу:

– Мне придётся быстрее отсюда уехать. Вот что я скажу... Всё, что мы имеем – можно объединить. Поехали на запад, в сторону Обдорска! Ты со мной?

– С тобой. Но как мы выберемся из города?

– Я знаю способ.

...

Среди ночной тундры, заметаемой снегом, вдруг раздался шорох. Из-под снега поднялась большая деревянная крышка. Двое в серых малицах вылезли из вскрывшейся дыры.

Они направились в сторону чумов. В чумах безмятежно

дремали самоеды. Имевшие такой же облик, как у них, Софрон и Дружина тихо приблизились к длинной нарте. Впрягли в неё оленей – и унеслись прочь. Когда один из самоедов заметил это, и поднял шум, было уже поздно.

...

На следующий день, как было решено на всеобщем сходе – снарядили вылазку во вражеский стан. Несколько десятков отважных мангазейцев с пищалями и саблями вышли за ворота. Отряд двинулся напрямик к стойбищу самоедов.

Когда достигли чумов, началась битва. Стрелки раскати-стыми залпами прикрывали товарищей, летевших на врага с клинками. Оленеводы с яростными воплями пускали в русских свои стрелы, но были жестоко избиваемы их острыми саблями. Взвизгивая, туда-сюда бегали олени. Кто-то решил поджечь чумы, вспыхнуло пламя. Чум загорелся.

Издали послышался мощный топот. И грохот сотен голов. «Смотри!» – вскричал один из дерущихся. На русских неслась, оцетинившись мечами, огромная толпа воинов в сверкающих латах. Стрелки стали пытаться разить в обе стороны – тяжело! С одной стороны, летели стрелы. С другой – набросились озверевшие остяки в доспехах, разрубавшие одного промышленника за другим.

Между отчаянно сражавшимися был и Степан. Размахивая клинком, он с ужасом увидел – неподалёку двое латников пронзили мечами Фёдора. Податливый труп сына боярского рухнул в снег. «Уходим!» – раздался вопль одного из

промышленников. Но в это самое время Никита Зверь выстрелом поразил остряка, убившего Фёдора. Другие отскочили в стороны. Степан кинулся к телу павшего друга, и со всех сил, как можно быстрее, потащил его с поля битвы – русские отступали.

...

Прошло несколько недель. Никита и Степан сидели друг напротив друга в безлюдной корчме. Перед ними стояли чаши.

– Скольких Господь забрал. А я всё живой! – мрачно бросил купец.

– Ничего, Стёпка! Скоро и до нас с тобой очередь дойдёт!

В здание ввалился промышленник, позвал сидевших за столом:

– Идёмте на стену!

Трое вышли из корчмы. Пошли к стене, поднялись наверх. Здесь двое стражей судачили, показывая вдаль:

– Мало им было тех страшилищ в доспехах! Ещё одних товарищей позвали!

Степан приблизился к краю. Он завидел тянущийся по тундре караван из нарт и оленей. Упряжка двигалась к чумам, которые стояли под стенами последние несколько недель.

...

Прибывшие самоеды расставили свои чумы неподалёку от лагеря собратьев. Несколько охотников направились в боль-

шую юрту. В ней стоял кудесник, и несколько человек рядом. Горел очаг.

– Зачем пришли? – был задан вопрос вошедшим охотникам. – Я не слышал, чтоб вы когда-нибудь пытались воевать с русскими!

– Мы как раз решили присоединиться. Для вас есть подарок!

– Какой?

Гости вручили шаману свёрток. Кудесник медленно вынул оттуда небольшой чёрный шарик с торчащим куском верёвки.

– Положи в костёр! – воскликнул гость.

Шаман бросил шарик в огонь. Охотники со всей силы рванули к выходу из чума. Прогремел взрыв, вспыхнул огненный клубок – клочья тел разнесло в стороны. Выпрыгнувшие улетели вперёд.

Лагерь загорелся. Самоеды с криками повыскакивали из своих жилищ. В них полетели стрелы оленеводов из рода Аседа. Завязалась схватка. Вскоре, на подмогу самоедам Мунгази поспешило войско остяков, облачившихся в латы. В это время защитники города со стены завидели начавшуюся брань меж самоедами.

Латники с клинками напали на дружественные чумы. Но вдали распахнулись ворота Мангазеи – оттуда двинулся отряд промышленников. Остяки заметили их приближение. Русские прикатали пушку. Раздался грохот. Ядро врезалось

в самую гущу – доспехи смешались с кровью, враги в страхе разбежались по сторонам. Прогредел второй. И третий. Поганых охватила паника. Их чумы пылали. Звучали жуткие вопли. Для них настал конец.

...

Дружина и Софрон, вернувшиеся с новыми союзниками и принёсшие избавление от врагов, были в центре внимания горожан. После одержанной победы русские и самоеды устроили пир. За длинным столом, уставленным едой и напитками, расселись промышленники, а вместе с ними и оленеводы – и мужчины, и женщины. Все веселились. Степан разговорился с одним охотником, тот был уже довольно пьяным. Пьяным был и молодой купец Софрон.

Софрон встал из-за стола. Из тёплых хором, где шло празднество, он вышел на ночной мороз. Пошёл, слегка качаясь, куда-то по улочке...

Взойдя на холм – окинул взглядом белую реку, и белый бескрайний простор тундры с деревцами, лежавший под звёздным небосклоном. Сзади подошёл Степан, положив руку на плечо Софрона со словами:

– Ты молодец, друг! Я счастлив, что повстречал тебя в Ярославле! Наверняка, ты даже и не думал, что окажешься здесь – как и я. Прости за все мои выходки, какие вышли тебе боком!

– Прощаю, Степан! – отвечал, сонно зевая и покачиваясь, молодой купец.

– Вот и чудно. А ещё – не верь Дружине. Я слышал о том и прежде, а теперь узнал от одного самоеда, который умеет говорить по-русски. Узнал, что бились они, товарищи-то наши самоеды, не так давно со служилыми людьми где-то в тундре между Мангазеей и Обдорском. И разбили их, и поубивали с полсотни казаков служилых! Если так всё и было – то врёт раскосый плут, что только для торговли и дружбы с самоядью водится. Видно, ещё и за тем, чтоб не было в Мангазее острога, и пошлины государевой платить не надобно было.

– Ох! Что-то ты много наговорил... – с трудом пробормотал Софрон.

– Подумай над этим. Больше не отвлекаю! – улыбнулся Степан и похлопал друга по плечу. И ушёл.

...

На тёмной улочке пересеклись Степан и Дружина.

– Что это ты народ неправдами потчуеть?! – угрожающе прищурился промышленник.

– Я Софрону сказал о том, что услышал от самоеда! – ответил купец. – Остальные пусть празднуют спокойно. А за тобой ещё приглядим!

...

Настало лето. Снег сошёл. Тундра позеленела, покрылись зеленью лиственницы. Солнышко плыло по небу, не спускаясь, в течение всех суток.

Уже построили новые кочи. На одном из них, Софрон собрался плыть в Архангельск, чтобы оттуда возвратиться до-

мой. Он стоял в избе. На столе лежали книжки. В одной из них был записан удивительный рассказ о приключениях купца Степана, а ещё – хождение за море пятерых товарищей из Ярославля.

Софрон, аккуратно перевернув пару страниц, закрыл книгу и положил к себе в мешок. Он подошёл к лавке. На лавке сияла золотая фигура бабы с младенцем. Её он тоже прихватил.

...

Однажды, стоявшие на стене заметили приближающуюся к воротам вереницу людей. Несколько сот вооружённых человек. Пешие казаки под начальством атамана, и двух воевод, присланных в Мангазею из Тобольска.

Воеводы князь Василий Мосальский и Савлук Пушкин поведали о том, что до них к городку поморов уже посылался отряд служилых людей. Из Берёзова он вышел в море, но потерпел крушение. Кочи выбросило на безжизненный тундровый берег. На отряд напали самоеды. Потеряв многих товарищей, служилые вернулись в Берёзов. Теперь же, воеводы с более мощным отрядом, прибыли к городку торговых и промышленных людей, дабы выстроить здесь большую крепость. В неё из Тобольска будут притекать указы и государевы грамоты. Отныне, жители Мангазеи будут платить пошлину, а самоедь – ясак в царскую казну. Мосальский и Пушкин учинили расспрос среди местных – не подговаривали ли кто самоедов к нападению на высланный прежде отряд.

...

В этот прохладный и пасмурный летний день казаки брели по улочке, между людьми. Прошли рыночную площадь – там, на колу, торчала пожелтевшая голова казнённого недавно, по обвинению в злодеянии против государя, промышленника Дружины.

Степан отдал всю пушнину здешней церкви. Моросил дождик. Лысый купец с длинной рыжей бородой, стоял среди торчавших крестов на заднем дворе храма. Лицо его было угрюмым и задумчивым. Подошло несколько казаков. Он обернулся, раздался возглас: «Эй, Степан! Атаман охочих людей набирает в поход на реку Енисей – землю тамошнюю разведать!»

***

7146 год от сотворения мира (Весна **1638** г.).

Якутск.

На голубом небе светило солнце. Белёсые скалы по берегам Лены были покрыты свежей зеленью. В воздухе дребезжала теплота. Летали насекомые, пели птички.

Неподалёку от речной глади, высоко-высоко над округой, висел большой двуглавый орёл из дерева – на крыше проезжей башни, одной из нескольких башен Якутского острога. Ещё одна была построена лишь наполовину, кусок её топор-

щился брёвнышками.

Внутри крепости рассыпалась пара десятков избушек. Между ними бродил народ. Ходили казаки. Пёстро выраженные якуты вели своих мохнатых лошадок по улице, и несли с собой связки соболей на уплату ясака. Доносился свист топоров – трудились плотники.

В воеводской избе за столом трапезничали, сидя друг напротив друга, правитель острога и худощавый лысый старик с короткой седой бородой. Лицо Степана Артемьева было усеяно морщинами и рубцами. Его скулы остро торчали, щёки втянулись. Тёртый старец спокойно отхлебнул квас из серебряного кубка.

– Опять просят жалованье! – недовольно вскрикнул воевода. – Да где я возьму?! Хлеба-то нет! Пусть сами выторговывают!

В комнату зашёл молодой парень в простом кафтане, и поклонился сидевшим за столом. Густые золотистые волосы падали на его лоб, на лице была светлая бородка. Вошедший сказал:

– Мы готовы, и кораблики у нас готовы. Завтра отправляемся!

Воевода кивнул в ответ. Степан наклонился вперёд, он нахмурился и пристально взглянул в лицо молодцу, спросив:

– Ты кто такой?

– Я Дежнёв Семейка, сударь. Пеший казак.

На следующее утро, у пристани под крепостью собрались

служилые люди. Один за другим, казаки ступали на палубу большого корабля, качавшегося на волнах. На борту стояли двое, размениваясь какими-то связочками и трубками.

– На Москве за такое ноздри вырывают, – с опаской молвил казак товарищу.

– До твоей Москвы ещё попробуй доберись!

На палубу взошёл и Семён Дежнёв с сумочками на поясе, держа в руке пицаль. Следом за ним шагнул на борт Степан Артемьев.

Кораблик, спустя время, отошёл уж далеко. К горизонту припало рыжеватое солнышко. На далёких берегах виднелись причудливые серые скалы, зеленел лесочек. Плыли на северо-запад. Престарелый землепроходец и молодой казак сидели рядом. Курили трубки, выпуская ртом клубящийся дымок.

– А поведай мне что-то из своих походов, – сказал Семён. – Ты ж полжизни в Сибири провёл!

– Как-нибудь в другой раз, – ответил Степан, втянув табачный дымок и выдохнув его. – Как думаешь, Семейка, есть у земли край? Мы всё к востоку продвигаемся, дальше и дальше – а края не видать!

– Да Бог его знает! – безмятежно воскликнул казак. – Наше дело с ясачных людей пушнину собрать для царя, и привести их под его высокую руку.

– Мне ведь скоро помирать. А у тебя ещё всё впереди! – улыбнулся Степан. – Уверен, ты-то уж наверняка край света

отыщешь!

Над парусом корабля носились крикливые чайки. Воды широкой Лены неслись на север. Где-то далеко на севере, разлившись по пустынной тундре, река впадала десятками рукавов в студёное море.